Л. АНДРЕЕВЪ и его соціальная идеологія.

Опытъ соціологической критики.

М. РЕЙСНЕРЪ,
пр.-доц. Петербургскаго унив.

изд. „Посѣвъ".

Рис. Мартынова Анатолія. с-ка.

Л. АНДРЕЕВЪ

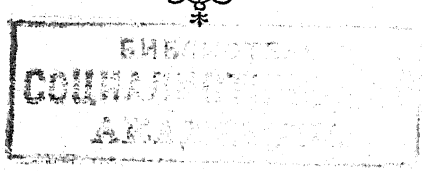
и его соціальная идеологія.

ОПЫТЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.

162169.

М. А. Рейснеръ,

прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

Пров. 1965

PV
6789
Рей
Анд

ПАРОВАЯ
СКОРОПЕЧАТНЯ
М. М. ГУТЗАЦА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
ШПАЛЕРНАЯ, 26.

162169

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа является какъ бы частнымъ опытомъ для провѣрки положеній, выставленныхъ мною въ моемъ предшествующемъ изданіи („Теорія Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія“). Тѣ же положенія были мной повторены въ моемъ докладѣ въ петербургскомъ литературномъ обществѣ, когда я указывалъ на новыя задачи современной соціальной науки и обосновывалъ необходимость большей близости, чѣмъ прежде, между соціологіей и художественной критикой. Въ частности я уже тогда пытался намѣтить общія черты метода, посвященнаго изученію соціальной идеологіи. И русская литература,—такъ утверждалъ я въ своемъ докладѣ—въ особенности пригодна для цѣлей идеологическаго изученія, такъ какъ почти всѣ ея великіе и даже только крупные представители были не только поэтами, но вмѣстѣ и идеологами, или, иначе, проповѣдниками тѣхъ или иныхъ „идей“, имѣющихъ императивное значеніе для сознанія и организаціи всего общества или отдѣльныхъ его классовъ. И здѣсь можно отмѣтить не только Достоевскаго и Толстого, этихъ двухъ пророковъ соціально-мистическаго міровоззрѣнія, не только Тургенева и Гончарова, поэтовъ соціальной эстетики, но и Л. Андреева и М. Горькаго, носителей новаго, хотя и различнаго метода въ дѣлѣ созданія общественныхъ цѣнностей.

Въ цѣломъ рядѣ публичныхъ лекцій, посвященныхъ Л. Андрееву и прочитанный мною съ 7 декабря минувшаго до марта мѣсяца текущаго года—въ Петербургѣ и Москвѣ—я попытался провѣрить выставленныя мною положенія и, сдѣлавъ обзоръ всѣхъ произ-

веденій этого писателя, выдѣлить изъ нихъ ядро соціальнаго міровоззрѣнія. Результаты, полученные мною вознаградили меня въ томъ отношеніи, что дѣйствительно подъ кровомъ художественной оболочки у Л. Андреева оказался весьма интересный соціальный остовъ, вполнѣ совпадающій съ идеологіей пережившаго себя индивидуализма на Западѣ въ его послѣдней стадіи развитія. Нечего и говорить, что опрощенное, популяризованное ницшеанство, ставшее прибѣжищемъ спасенія для западно-европейской идеологіи индивидуализма, получило и у Л. Андреева соотвѣтственное признаніе и было переработано въ духѣ русскаго общественнаго сознанія.

И этотъ фактъ при громадной популярности Л. Андреева имѣетъ серіозное симптоматическое значеніе: онъ показываетъ съ чрезвычайной ясностью, что русское общество чувствуетъ себя подготовленнымъ къ принятію того, что дано сознаніемъ современной Европы. Переходя къ хозяйственному строю, основанному на мобилизаціи поземельной собственности, свободномъ рабочемъ договорѣ и капиталистическомъ производствѣ, воспринимая у Запада его политическія формы, мы возсоздаемъ у себя точно также и соціальную идеологію Запада, построенную на принципахъ индивидуализма. Однако, мы воспринимаемъ европейское сознаніе буржуазіи не въ ея первичной оптимистической формѣ, а въ періодѣ упадка и пессимизма, и это въ связи съ неутихшей революціонностью нашей интеллигенціи придаетъ своеобразный характеръ идеологіи нашего индивидуализма.

Отсюда и двойственный характеръ въ творчествѣ нашего поэта. Съ одной стороны, онъ не знаетъ другой исходной точки кромѣ индивида, изъ его психологіи черпаетъ онъ свои образы, его мыслями мыслитъ онъ самъ. Съ этой точки зрѣнія Андреевъ проникнутъ индивидуалистическимъ сознаніемъ и является фана-

тичнымъ послѣдователемъ его. Съ другой стороны, тотъ же поэтъ переживаетъ въ полной мѣрѣ весь кризисъ индивидуализма, отъ индивида переходитъ къ героической личности и въ ней находитъ примиреніе съ міромъ. И нельзя лучше прослѣдить развитіе данной идеологической системы, какъ на примѣрѣ нашего поэта. Провозвѣстникъ индивида и механическаго міровоззрѣнія, Л. Андреевъ становится пророкомъ сверхъ человѣка и вѣстникомъ Вѣчнаго Разума...

М. Рейснеръ.

С.-Петербургъ,
1909 г.

I.

ИДЕОЛОГІЯ И ПОЭЗІЯ.

Когда та или другая общественная группа ищетъ выраженія своихъ соціальныхъ стремленій или идеаловъ, она обыкновенно меньше всего пользуется услугами профессіональныхъ теоретиковъ, ученыхъ. Напротивъ того, въ подавляющемъ числѣ случаевъ носителями соціальнаго сознанія являются болѣе или менѣе талантливые художники и публицисты, философы и пророки, политическіе ораторы и демагоги и т. п. И это вполнѣ понятно, каждое міровоззрѣніе или идеологія, призванныя играть роль въ общественной средѣ, основываются на широкомъ эмоціональномъ воспріятіи и выражаются въ формахъ, которыя сохраняютъ всю силу идейнаго внушенія.

Художникъ, воплощающій идеологію своего общества въ своихъ произведеніяхъ, творитъ не одинъ и не изолировано. Связанный массой своихъ воспріятій съ живой чувствующей и мыслящей средою, онъ переживаетъ ея радости и страданія, ея муки и надежды и работаетъ не во внѣ ея или надъ нею, а вмѣстѣ со своей средой, какъ бы исключительна она подчасъ ни была. Будучи орудіемъ соціальнаго творчества, идеологъ среды не остановится однако, благодаря этому, пассивнымъ ея аппаратомъ, наоборотъ, какъ разъ въ его личномъ творчествѣ масса впервые достигаетъ своего сознанія, въ его личной психикѣ находитъ индивидуальныя средства для созданія своихъ идеаловъ.

Душа поэта, ставшаго идеологомъ среды, переживаетъ своеобразнѣйшій процессъ: подобно артисту, играющему на сценѣ различныя роли опредѣленнаго жанра и воплощающаго въ своемъ лицѣ чуждыя ему

индивидуальности, художникъ-идеологъ переживаетъ лично всѣ стадіи нарождающихся въ обществѣ императивныхъ идей и каждой изъ нихъ не только сообщаетъ санкцію интуитивной правды, но и форму, которая врѣзывается въ чужое впечатлѣніе подобно молніи, падающей на камень.

Не удивительно отсюда, что въ исторіи политическихъ и соціальныхъ идей совершенно исключительную роль играетъ художественное творчество. Между явленіемъ хозяйственнаго порядка и между юридической нормировкой этого факта почти всегда можно прослѣдить очень длинный процессъ, въ которомъ пророки, поэты и партійные философы играютъ выдающуюся роль. Дѣло въ томъ, что нормировка факта необходимо нуждается въ опредѣленномъ синтезѣ фактовъ, котораго не можетъ дать никакая наука и менѣе всего соціально-юридическая. Опредѣленіе общаго хода того или другого процесса, оцѣнка силы тѣхъ или иныхъ соціальныхъ тенденцій, проведеніе равнодѣйствующей на тѣхъ или иныхъ ступеняхъ соціальной борьбы—дѣло до сихъ поръ инстинкта и чувства, талантливой догадки, но менѣе всего результатъ строгаго позивитнаго метода. И однако же синтезъ даннаго и дѣйствительнаго еще слишкомъ недостаточенъ; нужна еще та или другая оцѣнка съ точки зрѣнія выработанныхъ средой принциповъ и идеаловъ и опять-таки не въ смыслѣ условныхъ и относительныхъ началъ, а безусловныхъ и окончательныхъ, которыя въ свою очередь являются результатомъ глубокой интуиціи, синтезомъ эстетическихъ и этическихъ переживаній въ ихъ наиболѣе цѣлостной и законченной формѣ. Кто же другой, какъ не художникъ, пророкъ или практическій творецъ соціальной жизни, болѣе призваны къ живой формулировкѣ той или иной „правды“, которая въ данный моментъ горитъ и властвуетъ во всѣхъ близкихъ ему и понятныхъ

сердцахъ? И когда, наконецъ, наступаетъ моментъ соціальнаго дѣйствія, общественнаго акта, будь то бунтъ или мирная хозяйственная борьба, выражается-ли оно въ изданіи или примѣненіи закона, спрашивается, кто, какъ не поэтъ, политическій вождь или пророкъ бросаетъ въ среду лозунги и девизы, сакральныя формулы права, тактическія программы и заповѣди „естественнаго“ кодекса.

У юристовъ и государствовѣдовъ, замкнутыхъ въ узкой сферѣ традиціи и рутины, слишкомъ мало встрѣчаетъ интереса идеологическій моментъ соціальной среды и тайна его воплощенія. Но если мы дѣйствительно желаемъ заглянуть въ тайникъ рожденія идеи изъ общественнаго бытія, мы должны обратиться прежде всего къ художникамъ и поэтамъ, пророкамъ и демагогамъ, и у нихъ искать данныхъ для разрѣшенія основной соціологической проблемы. Такимъ образомъ, Гезіодъ намъ больше дастъ по идеологіи эллинскаго аграрнаго бунта, чѣмъ тысячи обломковъ ипотечныхъ камней, а Эврипидъ—несравненный источникъ по идеологіи демократической Аттики. Цицеронъ и Горацій для насъ также окажутся важны въ своихъ произведеніяхъ, какъ и видѣнія древно-израильскихъ пророковъ. И нельзя изучать Макіавелли, не зная Боккачіо и Петрарки, нельзя постичь политическаго мыслителя Руссо, не зная его, какъ автора Эмиля и и Новой Элоизы. Совершенно вѣрно замѣтилъ Каутскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „для знакомства съ опредѣленной эпохой поэтическія творенія являются часто гораздо болѣе важнымъ источникомъ, чѣмъ самые точные историческіе разсказы“. Поэтому, если мы желаемъ ознакомиться съ „соціальными условіями Франціи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка“, то какъ разъ „мы имѣемъ въ романахъ Бальзака одинъ изъ самыхъ важныхъ историческихъ источниковъ“. „Такія поэтическія изображенія имѣютъ огромную цѣнность для познанія

тѣхъ соціальныхъ условій, среди которыхъ они возникли. Какъ бы свободно ни обращались ихъ авторы съ отдѣльными фактами и личностями, они вѣрно отражаютъ соціальныя условія. Въ какой степени Троянская война и ея герои принадлежатъ къ области исторіи—мы врядъ ли когда-нибудь узнаемъ. Но что касается вопроса о соціальныхъ условіяхъ героическаго періода, то въ Иліадѣ и Одиссеѣ мы имѣемъ два историческихъ источника перворазрядной цѣнности" *).

И тотъ же Каутскій сходится съ умершимъ протестантскимъ богословомъ, Кальтгофомъ, въ оцѣнкѣ художественнаго творчества, какъ средства созданія соціальной идеологіи: „разсказъ о выдуманной личности, говоритъ Каутскій, можетъ произвести въ данномъ обществѣ самое глубокое впечатлѣніе, если имѣются на лицо необходимыя для этого историческія условія. Гетевскій Вертергъ произвелъ сильное впечатлѣніе, хотя всѣ знали, что рѣчь идетъ о романѣ, и все таки онъ вызвалъ многочисленныхъ подражателей и учениковъ". Другой примѣръ вліянія „смѣлой выдумки" это библейскій романъ о миѳическомъ пророкѣ Даніилѣ, который на дѣлѣ никогда не существовалъ; объ этомъ пророкѣ, жившемъ якобы въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., „его" книга была написана уже въ эпоху возстанія Маккавеевъ. И что же? сплошной вымыселъ произвелъ „колоссальное впечатлѣніе". Мессіанскія чаянія, вѣра въ грядущаго спасителя черпали изъ книги Даніила „самую обильную пищу и она стала образцомъ для всѣхъ будущихъ пророчествъ о пришествіи Мессіи". И Кальтгофъ вполнѣ подтверждаетъ способность художественнаго образа стать „выраженіемъ всѣхъ соціальныхъ и этическихъ силъ, дѣйствующихъ въ данную эпоху". Такъ, „образъ Христа являетъ то черты грече-

*) Карлъ Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство, переводъ съ рукописи Н. Рязанова. Спб. 1909 годъ, стр. 46.

скаго мыслителя, то римскаго цезаря, затѣмъ онъ пріобрѣтаетъ черты феодальнаго сеньора, цехового мастера, измученнаго крѣпостного крестьянина и свободнаго горожанина". Мало того, „образъ Христа нашего времени съ перваго взгляда является совершенно противорѣчивымъ. Онъ отчасти носитъ еще черты стараго святого или небеснаго монарха, но рядомъ съ ними проясняются уже вполнѣ современныя черты друга пролетаріевъ, даже вождя рабочихъ" *). Такъ миѳъ становится реальностью и идеальная личность пріобрѣтаетъ силу соціальнаго внушенія Наука говоритъ языкомъ немногихъ, поэзія—языкомъ всѣхъ.

Новѣйшія направленія въ области государственной и правовой науки подобно соціологамъ отказываются отъ изолированнаго разсмотрѣнія феноменовъ права и политики и требуютъ установленія связи между ними и творческимъ силами общества. Наиболѣе значительны здѣсь заслуги неогегеліанцевъ, и нельзя не согласиться съ Колеромъ, когда онъ право провозглашаетъ лишь однимъ изъ проявленій культуры, при чемъ право каждаго культурнаго періода должно быть такъ образовано, чтобы оно соотвѣтствовало зародышамъ развитія какъ разъ этого культурнаго періода. Изъ культуры и культурной потребности получаемъ мы идеалъ,которому должно по возможности отвѣчать право опредѣленной эпохи, ибо культурный періодъ рѣшаетъ, „кто достоинъ и недостоинъ, кто виноватъ и кто невиненъ, кто равноцѣненъ и кто различенъ". И здѣсь нѣтъ навсегда опредѣленнаго шаблона: „каждое право есть Эдипъ, который убиваетъ своего отца и со своей матерью порождаетъ новое право". **) Не удивительно отсюда, что сама задача изслѣдователя рѣзко измѣнилась, какъ говоритъ тотъ же авторъ: „нѣсколько лѣтъ тому

*) Тамъ же, стр. 40—44.
**) I. Kohler. Rechtsphilosophie und Universalrechtsgeschichte (Enc. d. Rechtswissen. 1904 г. B. I.) стр. 6—9.

назадъ считалось совершенно недопустимымъ, чтобы изслѣдователь былъ въ то же самое время и художникомъ, и если произведеніе не развивалось въ бездонной скукѣ, то считали, что оно не принадлежитъ собственно къ научной области. Но времена перемѣнились, и, естественно, мы перемѣнились съ ними. Самъ ученый является частью міра культуры, онъ долженъ дѣйствовать въ этомъ мірѣ культуры и находитъ свою опору во всемъ образованномъ народѣ". *)

Для многихъ подобное положеніе представляется неслыханной ересью. Строгая наука, суровая и сухая, подъ тогой величія скрывавшая свои жизненные источники и мотивы, чувствуетъ себя оскорбленной въ самомъ своемъ существѣ. Безмѣрно увеличивается поле ея изслѣдованія, ставятся вопросы о новыхъ методахъ и пріемахъ, въ ея задачи входятъ не только сужденія о томъ, что есть, но и томъ, какія цѣнности являются обусловленными данной средой или культурной эпохой. Не механическій раціонализмъ, надѣвшій маску полной объективости и непогрѣшимой догмы, а соціально-психологическое изслѣдованіе живого общественнаго процесса выступаютъ на первый планъ, при чемъ сама наука даетъ далеко не только статику и динамику соціальнаго процесса; признавая объективно данныя цѣнности культуры, она провѣряетъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ собственнаго идеала, она изслѣдуетъ ихъ въ ихъ собственной методологіи и судитъ съ точки зрѣнія имъ присущей своеобразной логики. Современная наука не отрицаетъ въ качествѣ напередъ ложнаго и ошибочнаго ни одного метода воспріятія и сознанія, напротивъ того, она учитъ мыслителя мистика основамъ его интуитивной логики; эстетику—она раскрываетъ начало нормальныхъ зако-

*) Цитирую по книгѣ Stier-Somlo, Politik, Leipzig 1907 г., Vorwort.

новъ художественнаго творчества, этическому сознанію—она предлагаетъ теорію созданія этическихъ цѣнностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука поднимается до созерцанія культурнаго процесса въ его цѣломъ и выясняетъ относительность всякой односторонней идеологіи.

Такъ, по словамъ Давида Койгена, мы получаемъ возможность „черезъ среду соціально-типическаго сознанія или, иначе, черезъ содержаніе общественной идеологіи“ постичь „самое сердце данной культурной ступени или культурнаго акта“. „Погружаясь въ глубину жизни, проникнутой сознаніемъ“, мы постигаемъ „реальныя условія отдѣльнаго существа, которыя создаютъ и питаютъ то или иное культурное сознаніе“. Мы не удовлетворяемся при этомъ „той исповѣдью, которую даетъ намъ сама о себѣ современна культура“, наоборотъ, мы ищемъ объективнаго содержанія въ тѣхъ признаніяхъ, которыя дѣлаютъ намъ политическія, правовыя, философскія и т. п. системы“. „Мы изслѣдуемъ культурное сознаніе въ его субстанціональности и дѣйствительной существенности“. *)

Новая государственная наука прежде всего, конечно, должна была себѣ усвоить взглядъ на тѣсную зависимость между практическими учрежденіями эпохи и рожденіемъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ. Рихардъ Шмидтъ уже давно отмѣтилъ то вліяніе, которое оказываетъ образъ желаемаго, идеальная картина совершенства на того или иного ученаго. Ученіе Платона и Зенона, развитіе средневѣковой схоластики, философемы новаго времени, всѣ они тѣсно связаны съ условіями времени, съ живой политической дѣйствительностью. И само теоретическое ученіе

*) David Koigen. Vom aristokratischen Herrschaftsprinzip, Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band XXVII, Heft 3, стр. 630.

не можетъ быть вырвано изъ той или другой реальной среды. „Общее ученіе о государствѣ, говоритъ Шмидтъ, формируетъ политическія потребности времени, получаетъ въ значительной части свое начало отъ стремленія дать болѣе глубокое обоснованіе этимъ потребностямъ, найти логическій выводъ изъ общепризнанныхъ или объективно-доказуемыхъ положеній и обезпечить такимъ путемъ особенный авторитетъ, усиленную поддержку представителямъ стараго или новаго. При этихъ условіяхъ практическая программа и теоретическое обоснованіе такъ тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, что даже учебная система можетъ получать сильное вліяніе на практическія мѣропріятія. Вѣра въ истинность государственно-правовой доктрины становится крѣпкимъ убѣжденіемъ, и многіе отдаютъ свои силы для проведенія практическихъ мѣръ только или главнымъ образомъ потому, что они считаютъданную систему истиной“. Партіи считаетъ Шмидтъ однимъ изъ главнѣйшихъ право-творящихъ и государство-созидающихъ силъ, но именно партіи даютъ наибольшее количество лозунговъ и „принциповъ, формулированныхъ на манеръ догмы“. „Впервые при помощи доктринальныхъ основаній исчерпывающе опредѣляется сущность партіи“. Въ догматической программѣ правилъ „оцѣнка сгущается въ партійную догму“, она получаетъ какъ бы „самостоятельное существованіе“; самые же реальные интересы общественныхъ организацій и группъ „интересы дворянства или рабочихъ, католицизма или протестантства, промышленниковъ или аграріевъ“ настолько скрываются за гипнозомъ партійной догмы, что партія пріобрѣтаетъ видъ союза, объединяющаго лишь тѣхъ, „кто вѣритъ въ большую логическую правильность, моральность и справедливость данныхъ политическихъ ученій“. Такъ представленіе истинности опредѣленныхъ нормъ значительно укрѣпляетъ связь,

основанную „на частныхъ интересахъ хозяйственныхъ религіозныхъ и сословныхъ классовъ“. *)

Неудивительно теперь, что соціальная наука, поскольку она является и желаетъ быть объективной, самое серьезное вниманіе удѣляетъ идеямъ, которыя являются „исключительнымъ достояніемъ культурнаго человѣчества“. Какъ разъ въ идеологическомъ познаніи желаютъ даже найти существенный моментъ для перехода отъ человѣка-звѣря къ человѣку культуры. Замѣна чувства о справедливомъ и долженствующемъ идеей права, замѣна представленія времени его идеей, чувства красоты—идеей эстетики, религіознаго чувства—идеей религіи, моральнаго—идеей нравственности, таковы субъективные факторы въ образованіи культурнаго человѣчества. Подобный идеологическій моментъ въ государствѣ даетъ начало особой иллюзіи, составляющей важнѣйшій факторъ политической организаціи и порождающей особый фанатизмъ, особый мистицизмъ среди ея носителей. Иллюзія, присущая государству, лишена объективной правды, но не является вмѣстѣ съ тѣмъ и ложью; это—добросовѣстное заблужденіе, придающее усиленную искусственную мощь своему носителю. И если религіозныя иллюзіи подымаютъ отдѣльную психику на чрезвычайную высоту при помощи идей божественной заповѣди, богодухновенности и божественной миссіи, то и государство имѣетъ своихъ „дѣятельныхъ мистиковъ“, у которыхъ „присущее имъ живое чувство непосредственнаго общенія съ ихъ божествомъ, единенія съ его силой, превращается съ силу подвига, для совершенія чрезвычайныхъ дѣяній“. И если можно различать фанатизмъ созерцанія и мученичества пассивныхъ натуръ, то какъ разъ „активные дѣйствующіе

*) R. Schmidt. Allgemeine Staatslehre. I B. Die gemeinsamen Grundlagen des politischen Leben, Leipzig, 1901, стр. 27, 114—115, 231—243.

мистики играютъ дѣятельную роль на сценѣ міровой и государственной жизни“... *)

Чрезвычайное вниманіе, которое современная наука отводитъ идеологическому моменту въ соціальной жизни, неизбѣжно сопровождается такимъ же усиленіемъ идеологическаго момента въ философіи и искусствѣ. Съ одной стороны развивается—говоря словами Дильтея—„методъ, при помощи котораго изъ жизненнаго опыта получается толкованіе жизни“, путемъ примѣненія „все болѣе и болѣе свободныхъ формъ“. „Афоризмы связываются не въ методическое, но яркое жизнетолкованіе“. На первый планъ здѣсь выступаетъ „переубѣжденіе“ у многихъ мыслителей такого типа „искусство уговариванія... связано съ огромной серьезностью и съ огромной правдивостью“. „Жизнь должна быть истолкована изъ нея самой—такова та великая мысль, которая связываетъ этихъ философовъ въ жизни съ міровымъ опытомъ и съ поэзіей“. Съ другой стороны теперь болѣе, чѣмъ когда либо, появляется тѣхъ прозведеній, которыя возникаютъ на почвѣ промежуточной между поэзіей и философіей. Сама поэзія подчиняется философскому вліянію, философія „оплетаетъ поэзію“—„узами опасными, но безъ которыхъ обойтись нельзя“ **).

Особое мѣсто начинаютъ занимать тѣ, по словамъ Давида Койгена, „пророки чувства“, которые постоянно предчувствуютъ и грезятъ о будущемъ въ своихъ мечтахъ, воспринимаютъ въ себя уже дышащія, хотя подчасъ, лишенныя формы жизненныя соединенія, еще скрытыя вполнѣ отъ повседневнаго сознанія и Кальтгофъ на примѣрѣ художественнаго предчув-

*) F. Berolzheimer, System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie, B. 3, Philosophie des Staates sammt den Grundzügen der Politik, München 1906, стр. 55—65.

**) Философія въ систематич. изложеніи, СПБ. 1909, стр. 28, 29, 51, 54, 55.

ствія человѣка будущаго показываетъ намъ всю громадную роль поэзіи для соціальной идеологіи. Почему, спрашиваетъ онъ, изъ нашего искусства исчезло всякое разложеніе и гибель?—„Потому, что художникъ имѣлъ мужество мечтать о художествѣ будущаго, осмѣлился поднять свой взоръ надъ всѣмъ, что было, къ тому, что могло—больше того,—должно наконецъ быть. И то, что называли уста насмѣшниковъ музыкой будущаго, то стало въ дѣйствительности возрожденіемъ всего современнаго искусства, то дало намъ не только новую музыку, но и новую красоту, то стало проповѣдью, которая проникла въ сердца людей и пробудила въ нихъ вѣчный голодъ къ жизни, къ полной горячей, кипящей жизни... И тогда художникъ узрѣлъ снова въ сущемъ начатки рождающагося; онъ услышалъ снова безконечную мелодію, рожденную изъ стоновъ и томленія всего живого, и онъ создалъ человѣка по своему образу и подобію, который вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ образомъ пророчества, предчувствіемъ и предсказаніемъ... И кто далъ сильнѣйшій импульсъ человѣческой жизни современности, кто далъ ей глубочайшее содержаніе? Какъ разъ тотъ, кто проповѣдывалъ человѣка будущаго, грядущаго человѣка, высоко подымающагося надо всѣмъ, что до сихъ поръ видѣли въ человѣкѣ человѣческіе глаза, надо всѣмъ, что слышали о немъ человѣческія уши!“ И рядомъ съ искусствомъ будущаго и грядущимъ человѣкомъ возникаютъ очертанія государства будущаго. „Незамѣтно посѣяло это государство свои сѣмена въ сердцахъ человѣка, и другое лицо получила наша государственная и общественная жизнь... Настоящее не могло больше оправдывать свое бытіе своей связью съ прошедшимъ, оно отнынѣ должно доказать свое право предъ лицомъ будущаго: передъ „теперь“ возникъ новый вопросъ: что будетъ въ состояніи сдѣлать

изъ него будущее, такъ какъ лишь постольку выносимо настоящее со всей его несправедливостью и мукой, поскольку живутъ въ немъ созидающія будущность силы!“ *)

Воистину „вся земля покрыта какъ пестрымъ сплетеніемъ безчисленныхъ формъ жизневоззрѣніями, художественными выраженіями міропониманія, религіозно опредѣленными догмами, философскими формулами“. Отъ соціальной потребности къ философскому синтезу,—художественно созданному идеалу,—къ закону религіи,—нормѣ права,—идеѣ государства. Удивительную роль играетъ въ этомъ процессѣ художникъ; ближе всѣхъ чувствующій жизнь, онъ наиболѣе свободенъ въ выраженіи своихъ образовъ и думъ. Наиболѣе субъективный среди всѣхъ творцовъ культурной жизни, съ исключительной силой подчеркиваетъ онъ все наиболѣе „значительное“, „важное“ и „выдающееся“ въ соціальной средѣ и приковываетъ къ этимъ „цѣнностямъ“ напряженное вниманіе своихъ слушателей и читателей, массу воспринимающихъ душъ. Но вотъ художникъ становится философомъ и соціологомъ, политикъ беретъ въ руки кисть и рѣзецъ, въ драмѣ и лирикѣ олицетворяетъ свои идеи, ведетъ проповѣдь новаго, будущаго человѣка, міра грядущей свободы и блаженства. Развѣ не сыграла громадной до сихъ поръ неоцѣненной роли, политическая нѣмецкая лирика 1848 г., развѣ не былъ сантиментальный романъ о добромъ дикарѣ предшественникомъ идей великой революціи 1789 г. Развѣ не писали Шиллеръ и Гете Геца фонъ Берлихингена, Эгмонта, Валленштейна, Орлеанской Дѣвы, Вильгельма Телля! Идея рождается изъ земли, она царитъ въ правѣ и государствѣ! Но прежде, чѣмъ стать до-

*) Albert Kalthoff, Zukunftsideale, Jena, 1907, стр. 114—116. David Koigen. Die Religionsidee, Archiv für systematische Philosophie, IX B, 4 Heft, ст. 30.

стояніемъ разумнаго и сознательнаго процесса въ чувствѣ зрѣетъ она, развивается и растетъ. И въ эту стадію жизни идей выдающуюся роль играетъ „пророкъ чувства“—художникъ. Въ его душѣ тайная лабораторія непосредственнаго синтеза и созданія новыхъ цѣнностей. Отраженная въ тысячахъ душъ, она умираетъ какъ образъ, и воскресаетъ какъ идеологія. И когда юристъ, политикъ, практическій дѣятель или ученый начинаютъ работу надъ буквами и обрывками кодексовъ, конституцій, законовъ и нормъ, они не подозрѣваютъ о божественномъ прошломъ разлагаемаго ими трупа, о трагедіи, разыгравшейся въ мірѣ художественныхъ образовъ и священныхъ иллюзій.

II.

МОТИВЪ „ЧЕЛОВѢКА“.

Первый вопросъ, который задаетъ поэту соціальная идеологія—это объ отношеніи индивида къ обществу и связи между двумя сферами личной жизни и соціальной среды. Какъ извѣстно, въ этой области мы встрѣчаемъ три основныхъ теченія: мистическаго общенія личности съ душою цѣлаго, органическаго сліянія части съ живымъ общественнымъ тѣломъ и, наконецъ, теорію индивидуализма, характеризующую собой не только либерализмъ, но и анархизмъ Прудона и Макса Штирнера. Именно индивидуализмъ долженъ быть признанъ наиболѣе важной чертой новой общественной культуры, основанной на признаніи изолированнаго одинокаго, одинаковаго, и равнаго отъ природы индивида. Либерализмъ, какъ форма общественнаго сознанія, исходитъ какъ разъ изъ понятія такого „естественнаго человѣка“, который появляется на сцену еще въ ученіяхъ Маккіавелли, затѣмъ обнаруживаетъ себя въ теоріяхъ Гроція и Гоббса и подымаетъ революціонное знамя по благословенію Руссо.

И что-же мы видимъ у Леонида Андреева? Полное воплощеніе соціальной идеологіи индивидуализма и, притомъ, со всѣми чертами извѣстной намъ исторически теоріи. У Андреева уже въ раннихъ произведеніяхъ рѣзко выступаетъ на первый планъ одинокость, изолированность индивида. „Не понятый“ штабсъ-капитанъ Каблуковъ топитъ въ винѣ горечь своего одиночества и заброшенности и въ одномъ деньщикѣ Кукушкинѣ находитъ нѣчто въ родѣ человѣческой души. „Ничтожнымъ и слабымъ, и одинокимъ до ужаса“

сознаетъ себя герой разсказа „Другъ“, и лишь въ привязанности своего вѣрнаго пса находитъ поддержку и утѣшеніе. Но этотъ „другъ единственный“ умираетъ, всѣ же люди покидаютъ человѣка, лишь только потерялъ онъ свою славу и богатство: „безконечный міръ кишѣлъ движущимися людьми, и не было ни одного человѣка, который пришелъ бы къ нему и раздѣлилъ бы его муку“. Одиночество звучитъ въ словахъ разсказчика въ небольшомъ отрывкѣ „Мелькомъ“, гдѣ „навсегда“ покидаетъ его милое видѣніе двухъ любящихъ существъ. Гимназистъ Качеринъ во время пасхальнаго праздника чувствуетъ себя одинокимъ среди ликующихъ людей. „Сознаніе одиночества“ „какъ молнія“ освѣщаетъ „черную пропасть, отдѣлявшую его отъ всего міра и отъ людей“. „Весь міръ живыхъ людей и неживыхъ предметовъ говорилъ на одномъ и звучномъ языкѣ. Качеринъ одинъ не понималъ того языка и мучался отъ дикаго сознанія одиночества“. Увы, вокругъ него было много „толкавшихъ его, веселыхъ, довольныхъ людей, которые такъ ласково глядѣли на него и такъ далеко были отъ него своими душами“. Въ разсказѣ „Гостинецъ“ умираетъ мальчикъ Сениста „одинокій, забытый, какъ щенокъ, выброшенный въ помойку“. Бѣдная, одинокая собаченка „Кусака“ воетъ на пустой дачѣ послѣ отъѣзда ея обитателей, „а тому, кто слышалъ этотъ вой, казалось, что это стонетъ и рвется къ свѣту сама безпросвѣтно-темная ночь“. Въ разсказѣ „Весной“ юноша Павликъ хочетъ покончить съ собою: „крылатая душа трепеталась и билась, какъ въ клѣткѣ и, не понятна и враждебна была вся эта красота міра, которая зоветъ куда то, но не говоритъ куда. Потерявшійся онъ шелъ къ людямъ съ безмолвнымъ вопросомъ, и всѣ людскія лица казались ему плоскими и тупыми какъ у звѣрей, а рѣчи ихъ ненужными, вздорными и лишенными смысла“.

Поразительную картину одиночества среди большого города рисуетъ Андреевъ въ разсказѣ „Городъ“, гдѣ господинъ Петровъ мучительно ощущаетъ пустыню среди пустого города. Вокругъ него было движеніе и шумъ, „и все это были люди, они сидѣли въ пролеткахъ и экипажахъ, ѣхали неизвѣстно откуда и куда, исчезали въ невѣдомой глубинѣ огромнаго города, и на смѣну имъ явились новые, другіе люди, и не было конца этому непрерывному и страшному въ своей непрерывности движенію. И каждый проѣхавшій человѣкъ былъ отдѣльный міръ со своими законами и цѣлями жизни, со своей женщиной, которую онъ любилъ, со своей особенной радостью и горемъ—и каждый былъ какъ призракъ, который являлся на мигъ и неразгаданный, неузнанный, исчезалъ. И чѣмъ больше было людей, которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось одиночество каждаго“. Неудивительно, что Петровъ чувствовалъ себя „такимъ безпредѣльно одинокимъ среди множества чужихъ людей“. Вокругъ него всюду на улицахъ и внутри домовъ „все было полно незнакомыми чужими людьми, которые спали, разговаривали, ссорились; кто-нибудь умиралъ за этими стѣнами, а рядомъ съ нимъ новый человѣкъ рождался на свѣтъ, чтобъ затеряться на время въ его движущейся безконечности, а потомъ навсегда умереть“. И замѣчательная вещь, уже въ этомъ разсказѣ чувствуется тенденція къ полному отвлеченію „человѣка“ отъ отдѣльнаго лица, желаніе поставить на мѣсто послѣдняго абстрактнаго индивида.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ разсказовъ повторяется мотивъ одинокости, который еще борется съ мотивомъ одинаковости. Но послѣдній уже побѣждаетъ, особенно это замѣтно тамъ, на глубинахъ мучительной и голодной жизни. И если жилъ тамъ человѣкъ „ни хорошо, ни плохо“, то никогда здѣсь „никто не думалъ о немъ и не замѣчалъ его жизни, такъ какъ у вся-

каго была своя трудная и мучительная жизнь, о которой нужно было ежеминутно думать и заботиться". Всѣ обитатели изображенной слободы „привыкли другъ къ другу и не замѣчали, что время идетъ, и не видѣли, какъ растетъ молодое и старится старое. Время отъ времени кто-нибудь умиралъ... а потомъ становилось такъ, словно никто и не умиралъ, и казалось, будто покойникъ продолжалъ существовать среди живыхъ, или же, что здѣсь совсѣмъ нѣтъ живыхъ, а только покойники"... Но то же одиночество и въ другихъ сферахъ. Въ разсказѣ „Нѣтъ прощенія" учитель, со злобы разыгравшій шпіона, сидитъ потомъ у себя въ домѣ, охваченный „холодомъ, заброшенностью, скукой". Все свѣтлое безслѣдно исчезло въ огромной пустотѣ, „и никто не знаетъ о немъ, никто его не помнитъ и ни въ чьей душѣ не осталось отъ него слѣда... Огромная безначальная пустота" остается „безгласной, ибо никогда не отдаетъ она того, что попало въ ея руки". Одиноки люди, когда они играютъ въ вину и къ нимъ приходитъ „большой шлемъ". Одиноки они въ избѣ, какъ и въ поповскомъ домѣ, гдѣ у отца Игнатія (молчаніе) кончаетъ самоубійствомъ молчаливая дочь и медленно въ параличѣ умираетъ молчаливая жена. „Молчаніе" душитъ несчастнаго священника, „оно ледяными волнами перекатываетъ черезъ его голову и шевелитъ волоса; оно разбивается о его грудь, стонущую подъ ударами". Одинокъ жалкій „Сергѣй Петровичъ" посредственный и „невидный студентъ съ плоскимъ ординарнымъ лицомъ", „полезный для рынка", ибо онъ есть то безымянное „нѣкто", „которое покупаетъ галоши, сахаръ, керосинъ и въ массѣ своей создаетъ дворцы для сильныхъ земли: онъ... полезенъ для статистики и исторіи, какъ та безымянная единица, которая рождается и умираетъ и на которой изучаютъ законы народонаселенія; онъ... полезенъ и для прогресса, такъ какъ имѣетъ желудокъ и зябкое тѣло,

заставляющее гудѣть тысячи колесъ и станковъ". Но полезность Сергѣя Петровича находится „внѣ его воли": „для капиталиста онъ полезенъ, какъ родникъ его богатства, для писателя, какъ ступенька къ памятнику, для ученаго, какъ величина, приближающая его къ познанію истины, для читателя, какъ объектъ для упражненія въ хорошихъ чувствахъ".—„Это была полезность трупа, на которомъ изучаютъ законы жизни и смерти, или илота, напоеннаго для того, чтобъ другіе видѣли, какъ дурно пить". Полезность „нѣмого матеріала для счастья другихъ".

Мы не будемъ повторять массы андреевскихъ образовъ, гдѣ рождается одинокій человѣкъ, безымянный „нѣкто" современнаго общества, сѣрый и повсюду одинаковый индивидъ со своими повсюду равными естественными страстями. Въ началѣ революціонной эпохи либеральнаго вѣка съ великимъ энтузіазмомъ привѣтствовали индивида, освобожденнаго отъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ. Но уже тогда рисовалъ намъ Гоббесъ жалкую и злую природу „человѣка" создавшаго новое общество, эгоиста, проникнутаго корыстью и одиночествомъ. И Спиноза, Томазій и Пуффендорфъ благословляли приходъ безчисленныхъ единицъ новаго общественнаго порядка и уже тогда отмѣтили разрозненность эгоизмовъ, изъ которыхъ возникаетъ новая жизнь. И эта разрозненность осталась навсегда... „Атомистическое воззрѣніе на личность въ полномъ согласіи съ хозяйственнымъ индивидуализмомъ стало основаніемъ соціальной либеральной соціологіи и философіи, изолированно мыслимая стремящаяся къ воплощенію своихъ уединенныхъ цѣлей,—личность — атомъ создаетъ для всѣхъ временъ человѣческій ферментъ либеральной системы жизни... Въ ходѣ развитія нашего договорнаго трудового общества измѣнились тамъ и здѣсь права и сфера вліянія этой личности. Однако же ея изолированно-мыслимое существо, направленіе ея жиз-

неннаго обнаруженія остаются всѣ тѣ же. И если продумать это индивидуальное существо до конца, то оно представляется, какъ ничто, какъ оторванный отъ всего, лишенный всякаго отечества міровой пунктъ. Жизненныя проявленія этой личности однако, постоянно, направлены на ассимиляцію, на завладѣніе и эксплоатацію нужныхъ физическихъ и психическихъ силъ" *). И къ этимъ словамъ Давида Койгена можно присоединить то, что сказано мною нѣсколько раньше въ другомъ мѣстѣ: индивидъ современности „это не уникумъ ренессанса, не творческій геній возрожденія, это личность, выдѣланная въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ въ одной и той же лабораторіи; личность штампованная по одному рецепту, личность обезличенная до номера или цифры; это атомъ, составляющій однородныя массы, лишенный какихъ бы то ни было исключительныхъ своеобразныхъ и особенныхъ чертъ; это номеръ, рычагъ, винтикъ въ капиталистической машинѣ, одинаково годный на каждое сооруженіе, одинаково способный быть наверху и внизу, въ глубинѣ и снаружи. Одна сила стягиваетъ эти атомы вмѣстѣ,—это—эгоизмы. Одинъ законъ управляетъ ими —природа, кристализованная въ математику. Одинъ—разумъ создаетъ изъ нихъ организованныя груды... чеканитъ изъ нихъ колеса, создаетъ машину, строитъ механическій дворецъ механическаго счастья" **). Но такой индивидъ какъ разъ наложилъ свою руку на конституціонный строй. Онъ создалъ теорію общественнаго договора, и вліяніе ея въ современности по истинѣ грандіозно. „Историческое дѣйствіе договорной теоріи, по словамъ Іеллинека, прямо неизмѣримо. Все современное государство въ своемъ укладѣ и учрежденіяхъ

*) David Koigen. Vom aristokrat. Herrschaftsprinzip, стр. 640 и слѣд.

**) Мое предисловіе къ переводу Треймана «Тираноборцы», СПБ., 1906 г., ст. 14.

подверглось ея глубочайшему вліянію". „Права человѣка". „Правовое государство" „основаніе либеральныхъ, политическихъ и экономическихъ партій" „ученіе о народномъ суверенитетѣ"—все это, по утвержденію гейдельбергскаго профессора результаты атомистическаго воззрѣнія, механической теоріи, договорнаго строя" *). Но не скрыта отъ современной науки и та черта безличности и одиночества, которая выдвинута Л. Андреевымъ. Человѣкъ превращается, по словамъ Риля въ „соціальнаго филистера",—болѣзнь эпидемически охватившая современное общество; ея главный признакъ въ томъ, что „человѣкъ заключается въ четырехъ стѣнахъ своей частной жизни", теряетъ всякую способность къ воспріятію соціальнаго интереса, замыкается въ фантастическій кругъ ограниченнаго и тупого эгоизма **). И характерно опредѣляетъ Зомбартъ этого новаго индивида, жертву и участника великаго хозяйственнаго прогресса современности: выросъ особый „человѣкъ середины"—Durchschnittsmensch—„лишенный всякихъ корней, абстрактный, повсемѣстный человѣкъ" ***). Или какъ его называетъ Койгенъ, „абсолютное, отъ всякого мірового синтеза и жизненной полноты отдѣленное ничто. И это опустошенное, печальное и покинутое ничто на каждомъ шагу слѣдуетъ за либеральнымъ, независимымъ и свободнымъ членомъ современнаго культурнаго порядка". Иначе быть не можетъ „отъ личности остается лишь оболочка, въ лучшемъ случаѣ воспоминаніе о ней", разъ только

---

*) G. Jellinnek, Allgemeine Staatslehre, Berlin 1905, ст. 209—210. Срав. W. E. Biermann, Staat und Wirtschaft, B. I, Die Anschauungen des Ökonomischen Indiwidualismus, Berlin 1905, стр. 19—20.

**) Riehl, Die Bürgerliche Gesellschaft, Stuttgart, 1897, стр. 223 и слѣд.

***) W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Jahrhundert, Berlin, 1903, стр. 475 и слѣд. Сравн. З. Зомбарта.—Пролетаріатъ въ Америкѣ (изд. «Просвѣщенія»), стр. 13 и слѣд.

вынуть изъ нея присвоенную ей природу, „направленную на пріобрѣтеніе и эксплоатацію“... *)

Въ „Жизни человѣка“ Андреева выясняется окончательно основной соціальный факторъ всей его трагедіи, Абстракція достигаетъ здѣсь своей вершины. Въ піесѣ проходитъ передъ нами жизнь отвлеченнаго и нормальнаго естественнаго человѣка, на коемъ зиждется теперешнее общество. Этотъ человѣкъ „во всемъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ“. „Его жестокая судьба становится судьбою всѣхъ людей“. Простая единица жизни, уединенный атомъ „прійдя изъ ночи, онъ возвратится къ ночи и станетъ безслѣдно въ безграничности временъ немыслимый, нечувствуемый, незнаемый никѣмъ“.

Трагедія современнаго человѣка началась...

---

*) David Koigen, тамъ же, стр. 641.

III.

МОТИВЪ СУДЬБЫ.

Послѣ того, какъ человѣкъ въ своей особности сталъ основой всей общественной жизни, между нимъ и природой исчезаютъ всѣ дотолѣ существовавшія прикрытія и преграды. Онъ не только сталъ одинъ, но вокругъ него образовалась пустыня, громадный соціальный провалъ. И то великое нѣчто, законъ жизни, законъ бытія уже не имѣетъ посредниковъ между собой и открытымъ обнаженнымъ индивидомъ. И если теперь искать какой либо закономѣрности, какого либо порядка вокругъ, то этотъ порядокъ можетъ быть отнынѣ оправданъ исключительно съ точки зрѣнія индивида. Разъ человѣкъ, единица, стала центромъ всего, то ея цѣли должны быть признаны цѣлями міра, ея разумъ—разумомъ вселенной, а вмѣстѣ съ ея судьбой міръ рождается и погибаетъ. Наоборотъ, если каждая особь или единица не можетъ установить непосредственной связи между своимъ личнымъ бытіемъ и закономъ природы, то происходитъ великая трагедія и личность отказывается принять міръ. И другого выхода для нея нѣтъ; атомъ знаетъ только вселенную, только механическое сцѣпленіе частицъ и только всеобщимъ естественнымъ закономъ можетъ быть оправдано его бытіе. Такъ возникаетъ старая проблема Декарта-Мальбранша, основная проблема индивидуализма. Ее можно формулировать такъ: существуетъ ли опредѣленное и постоянное соотношеніе между мыслію и протяженіемъ, между личностью и вселенной... Какъ извѣстно, на этотъ вопросъ были даны весьма различные отвѣты. Лейбницъ рѣшилъ задачу въ смыслѣ

предустановленной гармоніи, Спиноза—въ духѣ своеобразнаго монизма, гдѣ основная субстанція слила въ единой сущности свои два аттрибута, протяженіе и мысль... Если поэзія Андреева есть идеологія индивидуализма, она должна оставить данный вопросъ и такъ или иначе рѣшить его. „Человѣкъ“ и „міръ“—таковъ долженъ быть второй основной мотивъ поэтическихъ исканій Андреева.

И дѣйствительно, черезъ громадное большинство произведеній Андреева проходитъ трагедія индивидуальнаго сознанія. Но Андреевскій „Человѣкъ“ никакой предустановленной гармоніи не находитъ. Міръ оказывается для него чуждымъ и безцѣльнымъ, законъ, который проявляется вокругъ, признается закономъ не порядка, а хаоса, не гармоніи, а случайности и слѣпого рока. И здѣсь проявляется несомнѣнная послѣдовательность. Если на индивида поэтъ взглянулъ съ точки зрѣнія его оброшенности и одиночества, его пассивности и пошлости, то несомнѣнно, законъ, породившій муку осиротѣвшаго „Человѣка“ не можетъ быть закономъ счастія для послѣдняго. И наоборотъ, тамъ, гдѣ индивидуализмъ является проклятіемъ, законъ жизни долженъ быть понятъ не какъ гармонія Лейбница, а какъ безсмысленная слѣпая судьба, которая рождаетъ съ единственной цѣлью ея гибели и создаетъ сердце для безцѣльныхъ, никому ненужныхъ страданій.

Уже въ мелкихъ разсказахъ Л. Андреева видимъ мы человѣка передъ лицомъ роковой, невѣдомой ему тайны. Такъ чувствуетъ себя отецъ Игнатій, подавленный загадочнымъ молчаніемъ своей смертельно страдающей дочери. У могилы своей Вѣрочки, покончившей жизнь самоубійствомъ, проситъ несчастный отецъ отвѣта, и отвѣтъ былъ данъ: „съ ужасомъ почувствовалъ отецъ Игнатій, что въ ухо его вливается что то могильно-холодное и студитъ мозгъ и что

Вѣра говоритъ,—но говоритъ она все тѣмъ же долгимъ молчаніемъ. Все тревожнѣе и страшнѣе становится оно, и когда отецъ Игнатій съ усиліемъ отдираетъ отъ земли голову, блѣдную какъ у мертвеца, ему кажется, что весь воздухъ дрожитъ и трепещетъ отъ гулкаго молчанія... дрожа всѣмъ тѣломъ... О. Игнатій медленно поднимается и долгимъ, мучительнымъ усиліемъ старается выпрямить спину". „Тайна раскрыта... больше ждать и стоять нельзя". И бѣдный священникъ бѣжитъ какъ безумный къ другому, живому мертвецу, къ своей скованной параличемъ женѣ... И точно такъ же „съ яростнымъ гнѣвомъ" возстаетъ Сергѣй Петровичъ „противъ обезличившей его природы"; какъ только „жизнь, съ которой онъ такъ долго мирился, какъ съ фактомъ, взглянула ему въ лицо своими глубокими очами, холодными, серіозными и до ужаса непонятными въ своей строгой простотѣ". „Это было чувство лошади, которой силою чуда даровано человѣческое сознаніе и умъ въ тотъ самый мигъ, когда кнутъ полосуетъ ея спину, и у нея нѣтъ ни голоса, ни силы на сопротивленіе". Страшнымъ представляется міръ Хижнякову „въ подвалѣ", когда просыпается день—„широкій, неудержимый, властно зовущій къ жизни, и весь міръ начинаетъ „двигаться, говорить, работать и думать". И по ночамъ больной видѣлъ то, чего никогда не видятъ другіе: „колыханіе сѣраго огромнаго тѣла, безформеннаго и страшнаго. Оно было прозрачно, охватывало все и предметы въ немъ были, какъ за стеклянной стѣной". И въ другомъ разсказѣ Андрей Николаевичъ говоритъ о томъ, „какая это и странная и ужасная вещь жизнь, въ которой такъ много всего неожиданнаго и непонятнаго. Живутъ люди и умираютъ и не знаютъ нынче о томъ, что завтра умрутъ". Одного карета задавила, у другого деньги вытащили, и въ „голосѣ Андрея Николаевича слышался ужасъ, и весь онъ казался такимъ маленькимъ и придавленнымъ". („У окна").

Въ разсказѣ „Жили-Были“ больной купецъ Лаврентій Петровичъ оглядывается на свою жизнь и видитъ: „все, что было въ немъ, силы и жизни, все было растрачено и изжито безъ нужды, безъ пользы, безъ радости... Такъ прошла вся его жизнь и была она одной горькой обидой и ненавистью, въ которой быстро гасли летучіе огоньки любви и только холодную золу да пепелъ оставляли на душѣ“. Въ „Стѣнѣ“ олицетворяется судьба въ видѣ непрестанной ночи „у насъ не было времени и не было ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Ночь никогда не уходила отъ насъ она была всегда такая усталая, задыхающаяся и угрюмая. Злая она была. Случилось такъ, что невыносимо ей сдѣлалось слушать ей наши вопли и стоны, видѣть наши язвы, горе и злобу и тогда бурной яростью вскипала ея черная глухо работающая грудь... Ночь возмущалась нашимъ малодушіемъ и трусостью и начинала грозно хохотать, покачивая своимъ сѣрымъ, пятнистымъ брюхомъ“... „А мы лежали ницъ и съ ужасомъ прислушивались какъ въ нѣдрахъ земли ворочается что то громадное и глухое, ворчитъ, стуча и просясь на свободу. Тогда всѣ мы молили—убейте насъ, но умирая каждую секунду мы были безсмертны, какъ боги“.

Въ „Мысли“ Андреева удивительно ярко характеризуется одиночество въ мірѣ, во вселенной несчастнаго индивида, охваченнаго темною силой природы. „Я брошенъ въ пустоту безконечнаго пространства, говоритъ докторъ Керженцевъ. Великое и грозное одиночество, когда и сзади и впереди и кругомъ зіяющая пустота; ужасное одиночество, когда я, тотъ который живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, который такъ дорогъ и есть единственный, когда я такъ малъ, безконечно ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ подохнуть. Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ са-

момъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной и въ самомъ себѣ не имѣю я друга; безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій когда моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые они. Такъ жить нельзя... Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться со своимъ жалкимъ безсильнымъ, до ужаса одинокимъ „я?“ „Нигдѣ, нигдѣ“. Такъ разсуждаетъ безумный убійца, взрослый Керженцевъ, но такъ же разсуждаетъ и мальчикъ самоубійца Павлуша „Въ туманѣ“. Грязныя мысли терзаютъ его „они входятъ въ его голову, какъ въ свою грязную комнату, и онъ не можетъ отогнать ихъ. Когда онъ спитъ и безсиленъ управлять своими чувствами и желаніями, они огненными призраками выростаютъ изъ глубины его существа; когда онъ бодрствуетъ, какая то страшная сила беретъ его въ свои желѣзныя руки, и ослѣпленнаго, измѣнившагося, непохожаго на самого себя бросаетъ въ грязныя объятія“ порока. И когда Павелъ убилъ проститутку и готовъ былъ убить себя „что то загадочное и страшное происходило съ закрытой дверью... Непостижимый ужасъ былъ въ ея нѣмомъ и грозномъ натискѣ—ужасъ и страшная сила, будто весь чуждый, непонятный и злой міръ безмолвно и бѣшенно ломился въ тонкія двери“.

И на „Жизни Василія Ѳивейскаго“ тяготѣлъ тотъ же „суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзни и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ губительный и тлетворный окружалъ его, какъ невидимое призрачное облако“. Съ „зловѣщей и таинственной преднамѣрен-

ностью... стекались бѣдствія на его... голову, быстро падалъ и медленно подымался, снова падалъ и снова медленно подымался—и хворостинка за хворостинкой, песчинка за песчинкой, трудолюбиво возстановлялъ онъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни". Смерть сына, болѣзнь жены, рожденіе идіота, полуребенка, полузвѣря—таковы были испытанія, посланныя рокомъ Ѳ. Ѳивейскому. И въ идіотѣ—сынѣ, словно воплотился злой рокъ. Злой и требовательный, хитрый, жадный и отвратительный, онъ воцарился надъ ними, этотъ страшный образъ идіота „нѣкто неожиданный и страшный, безуміемъ рожденный". И въ исповѣди людей сталъ искать правды жизни отецъ Василій. И что же: „за тысячами маленькихъ, разрозненныхъ, враждебныхъ правдъ сквозили туманныя очертанія одной великой, всеразрѣшающей правды". Всѣ ея ждали, но никто не могъ найти, и не нашелъ ея и самъ Ѳивейскій. Восторжествовалъ надъ нимъ звѣрскій и тупой образъ идіота, та судьба, которая такъ ярко сказалась въ участи крестьянина Мосягина. Здѣсь „безсмысленное, тупое и дикое называлось жизнью" оно „обвивалось вокругъ него, какъ черныя кольца невѣдомой змѣи, словно самъ строгій законъ причинности не имѣлъ власти надъ этой простой и фантастической жизнью: такъ фантастически, такъ шутовски—нелѣпо сцѣплялись въ ней маленькій грѣхъ и большое страданіе, крѣпкая, стихійная воля, къ такому-же стихійному могучему творчеству—и уродливое прозябаніе гдѣ-то, на границѣ между жизнью и смертью... Въ отчаянныхъ потугахъ что то построить, что то создать онъ распластывался по землѣ—и все разсыпалось, все валилось, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленіемъ". И такъ же кончилась жизнь Ѳивейскаго; и не Бога сходящаго на землю увидѣлъ онъ, а все тотъ же образъ тупого

идіота: „схватившись хищными пальцами за края гроба, слегка приподнявъ уродливую голову, онъ искоса смотритъ на попа прищуренными глазами—и вокругъ вывернутыхъ ноздрей, вокругъ огромнаго сомкнутаго рта вьется молчаливый зарождающійся смѣхъ. Молчитъ и смотритъ и медленно высовывается изъ гроба, несказанно ужасный, въ непостижимомъ сліяніи вѣчной жизни и вѣчной смерти“...

Для вора Юрасова судьба олицетворяется въ шантанномъ куплетѣ: „Маланья моя, лупоглазая“. Эта пѣснь наглая и безсмысленная... звала его назадъ въ городъ, тащила грубо „и жестоко, какъ бѣглеца неудачника, пойманнаго на порогѣ тюрьмы. Онъ еще упирается, онъ еще тянется руками къ неизвѣданному, счастливому простору, а въ головѣ его уже встаютъ, какъ роковая неизбѣжность жестокія картины неволи среди каменныхъ стѣнъ и желѣзныхъ рѣшетокъ“. „Наглая пѣсня реветъ въ порабощенномъ мозгу“, а въ поѣздѣ его уже ищутъ, и колеса „кричатъ желѣзными голосами... шепчутся потаенно и глухо... визжатъ въ дикомъ упоеніи злобою—остервенѣлая стая разбуженныхъ псовъ“. И кажется Юрасову, что вся его жизнь сплетается „въ одну дикую картину огромной безпощадной погони. Ему кажется, что весь міръ... теперь поднялся и гонится за нимъ, задыхаясь и стеная отъ злобы“... И точно также преслѣдуетъ рокъ губернатора, разстрѣлявшаго при усмиреніи сорокъ семъ человѣкъ; но тутъ образъ древняго закона принимаетъ безжалостный фатумъ: „какъ будто самъ древній сѣдой законъ, смерть карающій смертью, давно уснувшій, чуть ли не мертвый въ глазахъ невидящихъ—открылъ свои холодныя очи, увидѣлъ убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и властно простеръ свою безпощадную руку надъ головою убившаго“... Это и есть „оно“,—„огромное властное, всепроникающее, всебѣждающее чувство, въ силѣ своей и равнодушіи къ словамъ подобное самой

смерти Рожденное во тьмѣ, само по себѣ неизслѣдимая тьма, оно царило торжественно и грозно, и тщетно пытались люди освѣтить его свѣчами своего разума".

„Такъ было, такъ будетъ." На власти короля „Двадцатаго", „одного повелѣвающаго милліонами... всегда лежала печать тайны и страшной загадки: такъ кажется всегда загадочнымъ и значительнымъ лицо мертваго, ибо сквозь его привычныя знакомыя черты глядитъ сама таинственная и могущественная смерть". Но не одна власть поражала людей своей „неизбѣжностью"—„какъ въ движеніи маятника отмѣчающаго минуты" — революція была столь же „таинственнымъ возстаніемъ милліоновъ" гдѣ „сразу изъ множества отдѣльныхъ маленькихъ, незамѣтныхъ сопротивленій, выросло огромное непобѣдимое движеніе". Надо всѣмъ царитъ „что-то огромное, безформенное, слѣпое". „Поднялось и остановилось неподвижно и хотя у него не было глазъ, оно смотрѣло, и хотя у него не было рукъ, оно протягивало ихъ къ городу, и хотя оно было мертво, оно жило и дышало"...

Таковы характеристики рока, судьбы, великаго и неизмѣннаго „нѣчто", которое властвуетъ надъ покинутымъ, несчастнымъ человѣкомъ. Для того, чтобы понять эту таинственную силу, мы должны однако нѣсколько отвлечься отъ нашего писателя и вспомнить ту судьбу, тотъ рокъ и природу, которая въ XVII и XVIII вѣкахъ не разрушала, а творила, которая представлялась не губительной, а благодатной творческой силой. Борясь и возмущаясь противъ средневѣковыхъ узъ, связывающихъ человѣка, какъ разъ къ природѣ прибѣгали тогда философы, государствовѣды и юристы. И тогда явилась она въ двухъ образахъ одинаково благодѣтельныхъ для индивида. Съ одной стороны, то была природа „стоическая". Природа, какъ разумъ и душа вселенной, вѣчная и неизмѣнная въ своемъ

великомъ шествіи и также вѣченъ былъ ея законъ открытый человѣкомъ. Та природа не была тайной или загадкой, такою она представлялась однимъ лишь неразумнымъ, испорченнымъ людямъ, потерявшимъ способность ея разумѣнія. Но мудрецамъ ясны были ея письмена, равно начертанныя звѣздами на небѣ и разумомъ въ душѣ человѣка. И стоило лишь обратиться къ этой природѣ, какъ немедленно водворялось всеобщее счастье, братство и свобода. Такимъ духомъ стоической природы были проникнуты творенія Бодена, Гроція, Шефтсбери, Гутчесона и Локка. Къ такой же природѣ звали и физіократы въ своемъ ученіи объ „ordre naturel“ хозяйственной жизни. Но и въ другомъ своемъ образѣ являлась благостной великая природа И если Эпикуръ искалъ ея велѣній непосредственно въ человѣческой душѣ, то его теорія была также воспринята философіей разума и природы. Здѣсь не внѣшній законъ, а внутреннія силы являются голосомъ всепобѣждающей природы. Въ естественныхъ чувствахъ, стремленіяхъ и наклонностяхъ нормальнаго и здороваго человѣка надо искать путей къ созданію счастливой и разумной жизни. Не извнѣ, а извнутри рождается здѣсь естественная блаженная жизнь, разъ только снимутъ съ личности уродующіе ее путы. Свободная естественная личность, движимая прирожденными ей страстями, выступаетъ на первый планъ, является вторымъ полюсомъ натуръ—философской метафизики и этики, экономики и политики. Гоббесъ и Спиноза даютъ классическое выраженіе новому эпикуреизму, а классическая школа передаетъ естественную личность послѣдующимъ теоретикамъ свободы дѣйствія и свободы торговли... *) Однако стоическое и

*) Ludwig Stein. Die Soziale Frage, Stuttgart 1903 года стр. 351 и слѣд. David Koigen в. н. е. ст. 659, Otto Gierke Johannes Althusius, Breslau 1902 ст. 272, 273 Biermann, в. н с. стр. 6, 7—20. Ср. моя статья въ сборникѣ Политическій строй современныхъ государствъ. Нет. 1905 г. Т. I. ст. 50—53, 53.

эпикурейское направленіе разумнаго естества сходятся въ одномъ: въ глубокой вѣрѣ во всеобщую цѣлесообразность, въ безграничномъ оптимизмѣ, который въ судьбѣ человѣка видитъ одинъ лишь порядокъ нормальнаго, естественнаго счастья. Присматриваясь къ судьбѣ, какъ понимаетъ ее андреевскій человѣкъ, нельзя не замѣтить рѣзкаго и глубокаго различія: судьба Андреева слѣпа и безсмысленна, свирѣпа и безобразна. Первоначальный оптимизмъ смѣнился рѣзкимъ пессимизмомъ. Спрашивается однако: сохранился ли общій типъ былого міровоззрѣнія индивидуализма, носитъ ли жестокая судьба тѣ самыя черты, которыя въ свое время были присущи благодѣтельной и разумной природѣ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить безусловно утвердительно. Въ „Жизни Человѣка“ мы видимъ судьбу, какъ объективное начало, царящее надъ индивидомъ. Въ „Мысли“ и „Черныхъ маскахъ“ судьба принимаетъ видъ прирожденныхъ человѣку наклонностей и силъ. Въ первой піесѣ слѣдующимъ образомъ характеризуется Жизнь Человѣка. У нея „темное начало и темный конецъ“; „неудержимо влекомый временемъ онъ непреложно проводитъ всѣ ступени человѣческой жизни отъ низу къ верху, отъ верху къ низо, Ограниченный временемъ, онъ никогда не видитъ слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знаніемъ, онъ никогда не знаетъ, что несетъ ему грядущій день, грядущій часъ, минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ покорно совершаетъ кругъ желѣзнаго предначертанія“. И кто же держитъ въ рукахъ своихъ пламень жизни Человѣка? Кто сопровождаетъ его всегда и вездѣ, въ день рожденія и смерти, въ часы радости и тоски? Это олицетвореніе мрачной и слѣпой судьбы, это безпощадный и свирѣпый законъ жизни. Его оли-

цетворяетъ „Нѣкто въ сѣромъ“, одѣтый въ „широкій, безформенный, сѣрый балахонъ, покрывающій и верхнюю часть голойы; „глазъ его не видно“. „То, что видно, крупно и тяжело, точно высѣчено изъ сѣраго камня“. Такова стоическая сторона Андреевской судьбы; но она имѣетъ и свой эпикурейскій принципъ. Какъ говоритъ въ „Моихъ запискахъ“ ихъ фантастическій авторъ: „всѣ силы, какія есть въ мірѣ, нашелъ я въ душѣ Человѣка, и не дремала ни одна изъ нихъ, и въ буйномъ водоворотѣ своемъ каждая душа становилась подобной водяному смерчу, основаніемъ которому служитъ морская пучина, а вершиною—небо. И каждый человѣкъ, какъ я это позналъ и видѣлъ, былъ подобенъ тому богатому и знатному господину, который устроилъ пышный маскарадъ въ замкѣ своемъ и освѣтилъ замокъ огнями, и съѣхались отовсюду странныя маски“—„это тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ душѣ человѣка, и въ таинственное существо которыхъ онъ не можетъ проникнуть никогда“. — „Эти маски смѣялись и нашептывали странныя рѣчи объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли онѣ“, въ то время какъ господинъ души своей все ниже кланялся имъ, шатаясь отъ усталости, безумія и страха. „Ужасъ безцѣльности“, такъ называется хаосъ, порождающій безуміе своего жалкаго раба.

Итакъ, полное превращеніе, судьба, природа, измѣнила человѣку; онъ ее считаетъ безсмысленной и злой: ея тайна отъ него сокрыта. И замѣчательная вещь, философъ Давидъ Койгенъ какъ разъ такое превращеніе доброй природы въ злую судьбу констатируетъ въ цитируемомъ мною сочиненіи. Золотые дни либерализма миновали давно. Дѣйствительность жестоко обманула всѣ мечты о братствѣ и равенствѣ на основахъ свободнаго рабочаго договора и частной собственности. Пришлось отказаться отъ надежды видѣть всѣхъ свободными сынами свободнаго міра. Создалась новая

олигархія подъ сѣнью индивидуалистическаго хозяйства и небо идеологіи омрачилось. Измѣнчивыя формы жизни закостенѣли, и воля къ власти и силѣ новаго индивида уже не прячется за ширмами будущаго всеобщаго блаженства. Чѣмъ грубѣе жизнь,тѣмъ жестче черты ея неумолимаго закона. Чѣмъ страшнѣе борьба, тѣмъ злѣе и яростнѣе ликъ поднявшагося надъ человѣкомъ рока, тѣмъ обнаженнѣй безмысленность, прикрывающая собой тайну. Капиталистическое общество порождаетъ своего „Человѣка“ и надъ нимъ сгущается непреодолимая загадочная сила. „Судьба начинаетъ ограничивать сферу дѣятельности индивидуальной воли, начинается трагическая борьба между субъектомъ и судьбою, которая перенесена теперь внутрь самаго человѣка. Человѣкъ бѣжитъ въ чисто субъективную, естественную сферу своего я, но сдѣсь уже борются другъ съ другомъ дифференцированныя и сильно возросшія потребности и инстинкты“. Превращеніе разумной природы въ слѣпую судьбу закончено. Безъисходная трагедія индивида охвачена этимъ новымъ миѳомъ. *)

Возвращеніе къ судьбѣ является замѣчательнымъ симптомомъ того возвращенія индивидуалистической теоріи къ ея исходному пункту, которая, кстати сказать, отмѣчена у только что приведеннаго нами автора. И въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ эпоху рожденія индивидуализа, то мы не можемъ не отмѣтить, что еще Николо Макіавелли выступилъ съ теоріей судьбы, роковымъ образомъ властвующей надъ Человѣкомъ. Міръ, по воззрѣнію Макіавелли, не гармоническій порядокъ, созданной любящимъ творцомъ, это—хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. И среди этого міра стоитъ одиноко человѣкъ, самая безпомощная тварь. Плачемъ привѣтствуетъ онъ этотъ міръ страданій, отвратительнымъ хрипѣніемъ заканчиваетъ

*) Койгенъ, в. н, е. стр. 681, 682, 683.

онъ свое жалкое существованіе... И если онъ чѣмъ нибудь превосходитъ остальныхъ тварей, то это своими непомѣрными желаніями, которыя даны ему на то, чтобы страдать и мучиться... И чѣмъ безпомощнѣе человѣкъ, тѣмъ отчаяннѣе борьба за существованіе". И подобнымъ же образомъ учитъ насъ другой апостолъ ранняго индивидуализма: „не разумъ управляетъ міромъ, а ловкость, грубая сила и слѣпая судьба". „Эта судьба, говоритъ Гвичардини, не есть справедливый судья, споспѣшествующій благимъ намѣреніямъ и тормозящій злыя начинанія. Эта судьба не дѣйствуетъ по разумному плану, она бросаетъ человѣка изъ стороны въ сторону, распредѣляетъ свои дары случайно и безъ разбору. Она непостоянна, и горе тому, кто, соблазнившись ея улыбкой, положится на нее, но горе и тому, кто не хочетъ считаться съ этой темной силой, и ... забываетъ, что послѣднее слово въ людскихъ дѣлахъ принадлежитъ ей". Судьба, по ученію Маккіавелли, это—страшная стихійная сила, которая особенно дѣйствуетъ въ эпохи переворотовъ, убиваетъ въ одной катастрофѣ все живое, чтобы снова создать новый міръ и новую все растущую испорченность и злобу. Человѣкъ—не царь природы, а „самая жалкая и безпомощная тварь" *).

Людей возрожденія спасала, однако, вѣра въ силу исключительной человѣческой личности. У андреевскаго человѣка этой вѣры больше нѣтъ; борьба между нимъ и судьбою напередъ безплодна, а въ силу этого и трагедія борьбы развертывается въ высшей степени печально. Для индивидуалистовъ возрожденія было возможно познаніе этого внѣшняго міра, а слѣдовательно и разумная борьба съ безсмысленной судьбою,

*) А. С. Алексѣевъ. Государственное право, Конспектъ лекцій. Москва, 1897 г., стр. 17, 18, 19, 20.

мало того, въ лицѣ политиковъ X—XVI вѣка мы видимъ горячихъ приверженцевъ государства. Именно твердая, сильная и мудро организованная власть должна явиться тѣмъ орудіемъ, которое въ концѣ концовъ сильно перевоспитываетъ людей къ свободѣ и создаетъ изъ нихъ здоровую и счастливую республику. Совершенно иначе смотритъ на дѣло человѣкъ Андреева.

IV.

ИЗМѢНА МЫСЛИ.

Въ отличіе отъ раціоналистовъ XVIII в.

Андреевскому человѣку также измѣнила мысль, какъ измѣнила она —опять таки характернѣйшая черта— Лоренцо, горцогу ди Спадаро, взятому поэтомъ изъ эпохи возрожденія. Здѣсь опять начало индивидуализма подаетъ руку его окончательному крушенію. И надо Андрееву отдать справедливость, онъ съ чрезвычайной силой выдвигаетъ мотивъ измѣны или предательства мысли, столь свойственный эпохѣ возвращенія къ необузданнымъ первоначальнымъ страстямъ. Послѣ того, какъ индивидъ разочаровался въ объективномъ порядкѣ стоящаго надъ нимъ міра, ему, по словамъ Койгена остается одно, и это—избѣжать своей страшной „судьбы“, довѣрившись снова простой игрѣ силъ, отдавшись во „власть первоначальныхъ, узурпаторскихъ инстинктовъ, обнаженныхъ отъ всякой разумности, смотрящей хоть сколько-нибудь впередъ. Субъективизмъ пріобрѣтаетъ снова и власть, и значеніе“ *).

И этотъ субъективизмъ для андреевскаго человѣка оказывается роковымъ. „Да, говоритъ астрономъ въ піесѣ „Къ звѣздамъ“, человѣкъ думаетъ только о своей жизни и смерти и отъ этого ему такъ страшно жить и такъ скучно, какъ блохѣ, заблудившейся въ склепѣ... Чтобы заполнить страшную пустоту, онъ много выдумываетъ красиво и сильно, но и въ вымыслахъ, онъ говоритъ только о своей смерти, только о своей жизни и страхъ его растетъ; и становится онъ похожъ на содержателя музея изъ восковыхъ фигуръ. Днемъ бол-

*) Д. Койгенъ, тамъ же, стр. 681.

таетъ съ посѣтителями и беретъ съ нихъ деньги, а ночью одинокій онъ бродитъ съ ужасомъ среди смертей, неживого, бездушнаго". Ограниченный своимъ я, сдавленный и страхомъ смерти, лишенный всякихъ преградъ между собой и темной безконечностью, человѣкъ прежде всего обращаетъ глаза внутрь себя и видитъ тамъ хаосъ невѣдомыхъ силъ, онъ смотритъ внѣ себя и видитъ смерть и пустоту. Неизбѣжнымъ выходомъ отсюда является безуміе или самоубійство.

Вотъ какъ рисуетъ намъ Андреевъ обращеніе внутрь себя и предательство гордой человѣческой мысли: „пока мое я, говоритъ докторъ Керженцевъ въ „Мысли", находилось въ моей ярко освѣщенной головѣ, гдѣ все движется и живетъ въ закономѣрномъ порядкѣ, я понималъ и зналъ себя, размышлялъ о своемъ характерѣ, о планахъ и былъ, какъ думалъ, господиномъ". Но вотъ „единая мысль разбилась на тысячу мыслей, и каждая изъ нихъ была сильна, и всѣ онѣ были враждебны; онѣ кружились въ дикомъ танцѣ, а музыкой имъ былъ чудовищный голосъ, гулкій, какъ труба, и несся онъ откуда-то изъ невѣдомой мнѣ глубины. Это была бѣжавшая мысль, самая страшная изъ змѣй, ибо она пряталась во мракѣ". „Теперь я увидѣлъ, что я не господинъ, а рабъ жалкій и безсильный; представьте, что вы жили въ домѣ, гдѣ много комнатъ, занимали одну только комнату и думали, что владѣете всѣмъ домомъ, и вдругъ вы узнали, что тамъ въ другихъ комнатахъ живутъ, да, живутъ, живутъ какія то загадочныя существа. Быть можетъ люди, быть можетъ что-нибудь другое, и домъ принадлежитъ имъ. Вы хотите узнать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за ними ни звука, ни голоса. И въ то же время вы знаете, что именно тамъ за этой молчаливой дверью рѣшается ваша судьба".

Въ разсказѣ „Ложь" тотъ-же мотивъ звучитъ въ нѣсколько иной формѣ. Человѣкъ убиваетъ за вѣчную

ложь свою любовницу, но не убиваетъ самой лжи, правда остается попрежнему недосягаемой мечтой. „Все было ложь... и всегда, когда я еще не жилъ, и когда я сталъ жить, царила надо мной она... и у нея не было имени, и всегда она была то, что лжетъ, то, что вѣчно заставляетъ ждать и никогда не приходитъ... Ложь безсмертна... О, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды, какая боль!“. Въ „призракахъ“ ресторанъ „Вавилонъ“ для разумныхъ людей и сумасшедшій домъ подъ городомъ сливаются въ одно общее царство безумія. И если обитатели психіатрической больницы находятся во власти бредовыхъ идей и во имя ихъ играютъ роль въ фантастическомъ спектаклѣ, то точно также посѣтители „Вавилона“ оказываются актерами бредовой драмы. И только въ пьяномъ видѣ чувствуютъ они, что „трезвая жизнь была обманомъ и ложью, а настоящая здѣсь, въ этихъ опущенныхъ... рѣсницахъ, въ этомъ пожарѣ мыслей и чувствъ“, въ этомъ кабакѣ, гдѣ „пили, смѣялись, говорили всѣ сразу, слушая только себя, объяснялись въ любви, цѣловались и иногда дрались“. Замѣчательно, что сумасшедшіе какъ разъ тоже „охотно и много разговаривали, но послѣ первыхъ же словъ переставали слушать другъ друга и говорили только свое“.

Правда Андреевскаго человѣка не въ разумѣ, а въ темной, стихійной глубинѣ его души. И этотъ процессъ освобожденія человѣка отъ разума и его перехода въ темную пучину инстинкта нигдѣ не изображенъ у Андреева лучше, какъ въ его „Тьмѣ“. Какъ у Керженцева, и здѣсь происходитъ грандіозная работа мысли. Рушится идея, вѣра въ мысль, торжество всепобѣждающаго разума. „Внутри его, такъ описываетъ намъ моментъ перелома авторъ, происходила огромная разрушительна работа, быстрая и глухая. Какъ будто все, что онъ узналъ въ теченіи жизни, полюбилъ и передумалъ, разговоры съ товарищами, книги, опасная

и завлекательная работа—безшумно сгорало, уничтожалось безслѣдно. Какъ линючая краска подъ горячей водой—смывалась и блекла книжная, чуждая мудрость, а на мѣсто ея вставало свое собственное и темное, какъ голосъ самой черной земли. И дикимъ просторомъ, безграничностью дремучихъ лѣсовъ, безбрежностью полей вѣяло отъ этой послѣдней мудрости его".

Возвращеніе къ темной стихіи „дѣда" или „прадѣда", совершившееся такъ просто и рѣшительно въ душѣ героя „Тьмы", у другихъ героевъ Андреева даетъ болѣе трагическій конецъ; такъ, въ „Саввѣ" мы находимъ три лица, которымъ ясно безсиліе разума, неспособность мысли понять человѣка и овладѣть имъ. Это самъ Савва, семинаристъ Сперанскій и Тюха. „Какъ будто мало ихъ учили, восклицаетъ Савва про людей, какъ будто для нихъ имѣютъ значеніе слова, мысли. Мысль! Чистая, несчастная мысль! Они развратили ее, научили мошенничать, сдѣлали ее продажной тварью, что отдается за пятакъ". „Освободить мысль"—таковъ одинъ изъ лозунговъ разрушенія, провозглашеннаго Саввой. Для Сперанскаго дѣло не рѣшается такъ просто. Онъ—скептикъ, онъ потерялъ мысль, у него нѣтъ и инстинкта. Онъ не знаетъ, что есть, и чего нѣтъ, гдѣ дѣствительность, и гдѣ греза; гдѣ настоящее бытіе—неизвѣстно. „Мнѣ все проснуться хочется, говоритъ семинаристъ, и не могу. Хожу, хожу до устали, до изнеможенія, а очнусь—и опять я здѣсь... И все какъ сонная греза. Закроешь глаза—и нѣтъ его. Откроешь — опять оно появится. Иной разъ выйду я въ поле ночью, закрою глаза, и кажется мнѣ, что ужъ ничего нѣтъ. Только вдругъ коростель закричитъ... и опять, значитъ, греза... Одни мертвые... знаютъ правду." И два раза безуспѣшно вѣшался несчастный семинаристъ, но—увы, живъ остался и правды не нашелъ. Тюха еще больше упрощаетъ теорію познанія Андреевскаго человѣка. „Рожи одни есть, говоритъ

онъ, и дьявола нѣтъ, ничего нѣтъ, и людей тоже нѣтъ, и звѣрей тоже нѣтъ... Ничего нѣтъ, рожи одни есть. Множество рожъ. Все рожи, рожи, рожи. Очень смѣшныя рожи, я всегда смѣюсь"...

Въ „Черныхъ маскахъ" имѣемъ мы въ окончательномъ видѣ трагедію мысли. Пытливая и свѣтлая, она зажигаетъ яркій огонь для своихъ гостей на веселомъ праздникѣ. И гости приходятъ къ любезному хозяину, но—увы, одни лишь замаскированныя гости, которые никогда не снимаютъ своей маски. И бѣдный хозяинъ, герцогъ Лоренцо, въ ужасѣ привѣтствуетъ свое собственное сердце, обвитое змѣей, страшнаго паука, живущаго въ его душѣ, отвратительныхъ уродовъ и калѣкъ, представляющихъ собою таинственные сны, обитающіе въ глубинѣ сознанія. Сама любовь Лоренцо къ его Франческѣ двоится, троится и, наконецъ, появляются черныя маски, уродливыя и странныя существа, „лохматыя и черныя, снизу до самой головы, похожія не то на орангутантовъ, не то на тѣ чудовищныя лохматыя насѣкомыя, что ночью прилетаютъ на огонь". Самое существо герцога раздвояется, и герцогъ стихійнаго и темнаго инстинкта, герцогъ безумія, убиваетъ герцога разумнаго и сознательнаго. Умираетъ смѣхъ, и только зажженный смѣхомъ огонь сжигаетъ замокъ и прогоняетъ прочь черныя маски. Но въ огнѣ погибаетъ и самъ герцогъ.

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы видимъ рядъ перипетій, которыя переживаетъ мысль. Вѣра въ ея силу оказывается обманчивой. Мысль развращена. Мысль предаетъ и измѣняетъ. Правда, построенная на мысли, оказывается призракомъ, но человѣкъ не хочетъ отказаться отъ нея и тогда водворяется ложь. Два призрачныхъ міра борются другъ съ другомъ, но ни одинъ не можетъ побѣдить. Безуміе и смерть. Но вотъ мысль отринута совсѣмъ, встаетъ темный инстинктъ, человѣкъ возвращается во власть тьмы; и тамъ ждутъ его

черныя маски. Гдѣ выходъ, гдѣ спасеніе изъ заколдованнаго круга? Что это за таинственный огонь, который въ послѣднюю минуту сжигаетъ Лоренцо? А душу революціонера во „Тьмѣ“ исполняетъ новой силой и даже у доктора Керженцева сверкаетъ одинокой искрой? Человѣку, какъ онъ сейчасъ есть, этотъ огонь не присущъ. Это огонь будущаго, и о немъ рѣчь будетъ впереди. Теперь же властвуетъ надъ человѣкомъ не огонь, но смерть, и познаніе ея завершаетъ трагедію мысли полнымъ небытіемъ.

Мы уже видѣли выше, что человѣкъ все думаетъ только о своей смерти. И эта мысль наноситъ послѣдній ударъ его сознательному я. Вотъ какъ передаютъ люди свои чувства послѣ бесѣды съ Элеазаромъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ: „всѣ предметы, видимые глазомъ и осязаемые руками, становились пусты, легки и прозрачны... Ибо та великая тьма, что объемлетъ все мірозданіе, не разсѣивалась ни солнцемъ, ни луною, ни звѣздами, а безграничнымъ чернымъ покровомъ одѣвала землю... Во всѣ тѣла проникала она, въ желѣзо и камень, и одиноки становились частицы тѣла, потерявшія связь, и въ глубину частицъ проникала она, и одиноки становились частицы частицъ. И та великая пустота, что объемлетъ мірозданіе, не наполнялась видимымъ... а царила безбрежно, всюду проникая, все отъединяя, тѣло отъ тѣла, частицы отъ частицъ... и въ пустотѣ двигался безпокойно человѣкъ, и самъ былъ пустъ и легокъ, какъ тѣнь, ибо не стало времени, и сблизилось начало каждой вещи съ концомъ ея... Еще только рождался человѣкъ, а надъ головою его зажигались погребальныя свѣчи, и уже тухли онѣ, и уже пустота становилась на мѣстѣ человѣка и погребальныхъ свѣчей; и объятый пустотою и мракомъ, безнадежно трепеталъ человѣкъ передъ ужасомъ безконечнаго“.

Лишенный мысли и придавленный страхомъ смерти, человѣкъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ со сво-

имъ печальнымъ рокомъ. Единственное орудіе, которымъ онъ могъ бы преодолѣть судьбу, у него отнято. Мысль разбита. Такъ кончается трагедія одинокаго я, равнаго себѣ и уединеннаго нѣкто, безымяннаго атома въ ураганѣ безчисленныхъ частицъ. Безвыходнымъ отчаяніемъ полны образы андреевскаго человѣка и скепсисъ достойны вѣнчаетъ здѣсь собой развитіе индивидуализма.

Индивидуализмъ путемъ необходимой діалектики смѣняется фатализмомъ. Этотъ послѣдній черезъ субъективизмъ приходитъ къ безграничному скепсису и пессимизму. На зарѣ новой исторіи Европы выступалъ сверхчеловѣкъ Маккіавели, естественный человѣкъ Руссо, нравственная личность Кантовскаго категорическаго императива. Новая эпоха русской исторіи начинаетъ съ похороннаго гимна когда то великому и свѣтлому индивиду. И невольно приходятъ на память слова древняго индивидуалиста, скептика и фаталиста:

„Всему и всѣмъ одно: одна участь праведному и нечестивому, доброму, и чистому, и нечистому... Какъ доброму, такъ и грѣшнику... Вотъ что худо во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, что одна участь всему, и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и нелѣпость въ сердцѣ ихъ при жизни ихъ; а послѣ того они переходятъ къ умершимъ... Человѣкъ не знаетъ судьбы своей: какъ рыба, пойманная въ роковой неводъ, и какъ птицы, захваченныя въ тенета; такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ... Что было то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ; одно поколѣніе уходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки идетъ въ одно мѣсто, все произошло изъ праха, и все обратится въ прахъ. Потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ—одинаковая участь, какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у

всѣхъ и преимущества у человѣка передъ скотомъ нѣтъ... Когда же я обратилъ сердце свое на то, чтобы познать мудрость, и познать глупость и безуміе: то узналъ, что и это затѣи вѣтренныя... Искривленнаго нельзя выправить, и недостающаго нельзя считать. У мудраго глаза его въ головѣ его, а невѣжда во тьмѣ ходитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ... Человѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; сколько бы человѣкъ не трудился въ изслѣдованіи, онъ все-таки не постигнетъ этого... равно какъ ни любви, ни ненависти не знаетъ человѣкъ и ничего, что впереди его... Суета суетъ... суета суетъ; все суета“...

Такъ сказалъ Екклезіастъ.

V.

ЧЕЛОВѢКЪ-ЗВѢРЬ.

Какъ извѣстно, общественная теорія индивидуализма была построена на противоположеніи человѣка природы—человѣку культуры. Это противоположеніе принимало самыя различныя формы. Очень часто для его оправданія придумывалась и своеобразная историческая фикція. Такимъ образомъ, у ряда писателей находимъ мы изображеніе особаго, догосударственнаго и, даже, дообщественнаго состоянія, которое характеризуется то положительными, то отрицательными чертами. Въ первомъ случаѣ это потерянный и невозвращенный рай стараго, золотого вѣка. Безгрѣшными и благими вышли люди изъ рукъ Творца; равенство и свобода отличали ихъ натуральное, догосударственное общеніе. Человѣкъ человѣку—богъ, homo homini Deus est, гласитъ эта формула, и въ теоріи Руссо находимъ мы яркую повѣсть послѣдующаго паденія первоначально чистаго человѣка. И что же извратило природу человѣка, внесло начало эксплоатаціи и рабства въ прежнія идеальныя условія? Увы—это, какъ разъ—культура, все искусственное, все придуманное, основанное на разумѣ, а не на чувствѣ. Частная собственность, семья, право, государство, все это явленія упадка и разложенія, измѣны и непослушанія по отношенію къ великимъ завѣтамъ природы. И если можетъ разумъ оказать одну послѣднюю услугу, то это, по возможности—отречься отъ себя, отъ всего надуманнаго и искусственнаго, разсудочнаго и уродливаго и вернуться назадъ къ первобытной неиспорченной природѣ. И только тогда прощается грѣхъ культуры,

когда она сама смиряется передъ природой. Свободный бракъ, основанный на одномъ чувствѣ, долженъ замѣнить семью, воспитаніе чувствительности и сердца должно дать новыхъ возвращенныхъ къ природѣ людей, само государство должно стать лишь неизмѣнной, вѣчной формой для воскрешеннаго естественнаго состоянія, для неотчуждаемыхъ священныхъ правъ человѣка—природы.

Противоположность между природой и культурой развивалась и въ другомъ направленіи. Здѣсь, наоборотъ, естественное состояніе характеризуется отрицательно, а культура положительно. Человѣкъ объявляется радикально злымъ по природѣ, и первоначальный рай Руссо превращается въ ученіе Гоббеса въ самый настоящій адъ. Человѣко-богъ получаетъ всѣ черты человѣко-волка, человѣко-звѣря: homo homini lupus est—гласитъ краткая формула. Миръ смѣняется войною, тщеславные и свирѣпые себялюбцы, будучи ничѣмъ не сдержанны въ естественномъ состояніи, всю силу и хитрость употребляютъ лишь на то, чтобы завладѣть возможно большимъ, все разграбить вокругъ себя, все истребить, что мѣшаетъ имъ на ихъ пути. Такого ада даже человѣкъ-звѣрь вынести не можетъ: слишкомъ тонка человѣческая кожа, слишкомъ доступно ножу его горячее сердце. Даже сила не служитъ защитой, ибо легко можетъ слабый нанести сильному смертельный ударъ. Неумолимая, жестокая непрестанная война всѣхъ противъ всѣхъ,—bellum omnium contra omnes—приводитъ въ концѣ концовъ къ своему собственному отрицанію, и тогда наступаетъ время разума исправить природу. Однако и здѣсь разумъ не является ея отрицаніемъ или противоположностью. Въ своемъ творческомъ актѣ созданія государства онъ служитъ только къ лучшему обезпеченію естественныхъ потребностей и страстей, только къ лучшему направленію злой и корыстной индивидуальной

воли. При помощи разума звѣриное царство смѣняется властью культуры. Порядокъ, безопасность, счастье и свобода обезпечиваются только путемъ подчиненія всѣхъ великому и святому суверенитету. И свобода:— такъ какъ свобода не теряется даже въ тюрьмѣ, если только просторны ея каменныя стѣны!

Нельзя не замѣтить, что культура и свобода въ обоихъ случаяхъ не оказываются окончательно и безусловно враждебными другъ другу. Человѣкобожеская также какъ человѣкозвѣрская теорія сходятся въ концѣ концовъ на своеобразномъ понятіи культуры, исправленной разумомъ или даже созданной имъ по естественнымъ образцамъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ обращается къ культурѣ и признаетъ ее. Человѣкъ Руссо отрицаетъ только испорченную культуру несогласную съ природой, человѣкъ Гоббеса отрицаетъ лишь природу незаконченную, незавершенную культурой. Съ двухъ разныхъ сторонъ подходятъ оба мыслителя къ центральному пункту, но онъ остается для нихъ одинъ и тотъ же. И это—искусственно, цѣлесообразно созданный механизмъ, который даетъ окончательное успокоеніе, довольство, свободу и счастье естественному человѣку.

Спрашивается теперь, какъ разрѣшается вопросъ общественности у Л. Андреева? Есть ли у него понятіе естественнаго состоянія? Въ чемъ оно заключается? Какъ примиряется противоположность между природой и культурой, какія черты принимаетъ послѣдняя въ изображеніи нашего идеолога-поэта? Но уже здѣсь надо оговорить, что несущественнымъ является здѣсь перенесеніе естественнаго состоянія въ доисторическія времена. Да и для великихъ философовъ XVIII вѣка это не было важно. Фикція первобытнаго состоянія была для нихъ вовсе не историческимъ фактомъ. Это метафора, чтобы лучше оттѣнить и сейчасъ живое противоположеніе между природой

и культурой, чтобы показать возможно ярче различіе естественнаго и искуственнаго въ окружающей насъ соціальной средѣ. И не троглодита должны мы искать у Л. Андреева, а людей, которые находятся съ одной стороны въ природномъ, а съ оругой въ искусственно и преднамѣренно организованномъ состояніи.

Естественное состояніе людей Андреева характеризуется довольно таки печальными чертами. Уже въ мелкихъ разсказахъ находимъ мы различныхъ обитателей предмѣстья, „стрѣльцовъ", „пушкарей" и т. д. представителей сапожнаго, портняжнаго, пенько-трепальнаго цеховъ, которые проводятъ все свободное время въ пьянствѣ и гомерической дракѣ. Въ ней участвовали и „жены, растрепанныя, простоволосыя, растаскивавшія мужей, и маленькія ребятишки съ восторгомъ взиравшія на отвагу тятекъ". Надъ пушкарями вѣчно царитъ „неумолкающая борьба за жизнь", та самая, которая слышится въ „стонахъ побѣжденныхъ и побѣдителей, одной грудой валяющихся на кровавомъ полѣ". Одинъ и тотъ же образъ рисуется передъ нами и въ „Защитѣ" и въ „Гостинцѣ", гдѣ торжествуетъ пьянство и драка, и темный, звѣрскій развратъ. Жизнь каждой семьи здѣсь рисуется словами „весеннихъ обѣщаній". „Съ утра плакали дѣти, отравленные гнилымъ воздухомъ, ругались взрослые и колотились другъ о друга, безсильные выбиться изъ тисковъ жизни". А когда пьяные выходили изъ своихъ домовъ на бульвары и тамъ искали уличнаго веселья, смѣшивались гуляющіе мужики съ проститутками, эти послѣднія „говорили хриплыми, рѣзкими голосами, бранились, обнимали мужчинъ такъ просто, какъ будто были на бульварѣ совсѣмъ одни... Случалось, пьяный мужчина билъ такую же пьяную женщину; она падала, подымалась и снова падала, но никто не вступался за нее. Зубы весело скалились, лица становились осмысленнѣе и живѣе, около дерущихся собиралась толпа"...

„Голодные“, такъ называетъ Л. Андреевъ эту категорію естественнаго человѣка, и въ „Царѣ Голодѣ“ даетъ намъ ихъ исчерпывающую картину. Это „царство труда, царство голода и нищеты, безправія и гибели“. Здѣсь и рабочій гигантъ съ тѣломъ Геркулеса и съ слабо развитой головой, здѣсь и чахоточный рабочій фантазёръ, и безцвѣтный сухой старикъ, и всѣ „темные, слѣпые и безсильные“. И къ нимъ присоединяются отбросы человѣчества „уличныя дешевыя проститутки, хулиганы и ихъ подруги, сутенеры, мелкіе воры, убійцы, нищіе и калѣки и... все самое ужасное, что можетъ дать нищета, порокъ, преступленіе и вѣчный неутолимый духовный голодъ“. Все это элементы, неспособные къ какой-нибудь самостоятельной организованной дѣятельности, рабы, которыхъ только Царь-Голодъ можетъ поднять на бунтъ или революцію. Но и самый бунтъ у нихъ оказывается нелѣпымъ и слѣпымъ. Рабочіе выходятъ на улицы съ криками „ломайте машины“, хулиганы открыто провозглашаютъ своимъ лозунгомъ всеобщее разрушеніе. И отъ этого разрушенія не должно быть пощады ни книгамъ, ни произведеніямъ искусства, никакимъ созданіямъ вѣковой культуры. Массовое истребленіе всѣхъ имущихъ, не разбирая женщинъ и дѣтей—такова одобренная Царемъ-Голодомъ программа черни, этого низшаго разряда голодныхъ. И картина бунта даетъ намъ полное подтвержденіе изложенной характеристики. Голодные, вырвавшись на свободу, грабятъ и убиваютъ, жгутъ книги и картины, жгутъ цѣлые дома, наполненные живыми людьми...

Не такъ ли обстояло дѣло и съ революціей, изображенной намъ въ „Такъ было, такъ будетъ“. Развѣ рабская толпа въ безумномъ страхѣ передъ старой властью не устроила охоты на измѣнниковъ; развѣ она не произвела страшнаго обыска подозрительныхъ и не казнила ихъ?—Вотъ „на всѣхъ улицахъ показываются

одновременно небольшія кучки вооруженныхъ людей... Каждый домъ поочередно проглатываетъ ихъ и снова выбрасываетъ; и вмѣстѣ съ ними выбрасываетъ одного, двухъ, блѣдныхъ отъ злости или красныхъ отъ гнѣва людей... Десять тысячъ измѣнниковъ нашли вѣрные сыны народа, десять тысячъ предателей нашли они и ввергли въ тюрьмы... И уже убивали измѣнниковъ. Наточили сабель, топоровъ и косъ; набрали толстыхъ полѣньевъ и тяжелыхъ камней и двое сутокъ работали въ тюрьмахъ, изнемогая отъ усталости. Тутъ же и спали, гдѣ придется; тутъ же пили и ѣли. Земля уже не принимала жирной крови и пришлось набросать соломы, но и она промокла, превратилась въ коричневый навозъ. Семь тысячъ было убито". И когда казнили короля, тотъ же народъ „отчаянно и слѣпо ломился... къ эшафоту: глаза часто обманываютъ и слухъ часто лжетъ— нужно пощупать эшафотъ, нужно вдохнуть запахъ королевской крови, по локоть омочить въ ней руки. Дрались, душили, падали и визжали. Что то мягкое, какъ свертокъ тряпья упрямо перекатывается подъ ногами. Задавленный. Еще и еще"...

Таковъ народъ, голодные, предмѣстья... Но и сытые такіе же или еще худшіе звѣри. Къ чисто животнымъ скотскимъ чертамъ присоединяютъ они еще духовное мучительство и утонченную злобу. Человѣкъ—человѣку волкъ. Въ шуточномъ представленіи о „Любви къ ближнему", Л. Андреевъ ставитъ и рѣшаетъ совсѣмъ не шуточный вопросъ. На скалѣ надъ пропастью виситъ человѣкъ, зацѣпившись за дерево, и каждую минуту онъ готовъ упасть и разбиться на смерть. Всѣ попытки его снять оттуда оказались безуспѣшными. И Л. Андреевъ рисуетъ намъ международное общество, состоящее изъ туристовъ всѣхъ странъ, собравшихся возлѣ трагическаго зрѣлища. Однако не ужасъ, не отчаяніе, ни даже страданіе господствуетъ среди образованныхъ и культурныхъ людей. Съ любопытствомъ

черни римскаго цирка на боѣ гладіаторовъ ожидаютъ кроваваго зрѣлища самые различные господа и дамы, потребляютъ въ огромномъ количествѣ пиво и яства, боятся только одного, какъ бы не упустить пріятнаго зрѣлища. Особенно хороши здѣсь фигуры полицейскихъ, которые старательно очищаютъ мѣсто, гдѣ долженъ разбиться несчастный, пасторъ, спасающій душу повисшаго въ интересахъ своего высокаго сана, и корреспондентъ, который тутъ же созидаетъ сенсаціонную телеграмму, полную безудержнаго вранья и издѣвательства надъ человѣкомъ, готовымъ каждую минуту умереть. Приведемъ нѣкоторыя цитаты изъ записи корреспондента. „Несчастный молодой человѣкъ... ужъ съ дѣтства страдаетъ припадками лунатизма... яркое сіяніе полной луны... Дикія скалы... Сонный швейцаръ... Не доглядѣлъ... смертельный ужасъ оковываетъ члены... Ледяной страхъ холодомъ пробѣгаетъ по спинѣ... Никакой надежды... Предъ мысленнымъ взоромъ пробѣгаютъ картины семейнаго счастья: жена дѣлаетъ тартинки, пятеро дѣтей ангельскими, невинными голосами выражаютъ нѣжнѣйшія чувства... Бабушка въ креслѣ съ трубкой... То есть дѣдушка съ трубкой... Взволнованъ сочуствіемъ публики... Выразилъ предсмертное желаніе, чтобы послѣдній вздохъ его былъ напечатанъ въ нашей газетѣ“... Эта цитата прекрасно рисуетъ намъ тѣ „нѣсколько часовъ пріятнаго волненія“ „подъема нервовъ“ „вспышки альтруистическихъ чувствъ“, которыя оказываются, увы, обманутыми. Дѣло въ томъ, что падающій наверху привязанъ къ горѣ съ цѣлью привлеченія публики, и словами корреспондента—„содержатель буфета, въ желаніи повысить доходъ со спиртныхъ напитковъ“ эксплоатировалъ „лучшія человѣческія чувства“. И высокій туристъ выражаетъ общее негодованіе публики по поводу того, что привязанный бѣднякъ не можетъ и не хочетъ упасть и разбиться въ кровавую кашу:

„нѣтъ, вы понимаете, говоритъ онъ хозяину, что вы такое сдѣлали, негодяи эдакіе! Ради своихъ отвратительныхъ цѣлей вы безбожно эксплоатируете любовь къ ближнему. Вы заставили насъ переживать страхъ, состраданіе, отравили наше сердце жалостью—и что же оказывается? Оказывается, что этотъ негодяй, вашъ гнусный сообщникъ, привязанъ къ скалѣ и не только не упадетъ, но и не можетъ упасть". Всѣ въ страшномъ негодованіи, особенно дама, которая видѣла, какъ разбился аэронавтъ, какъ тигръ разорвалъ женщину, не не увидѣла, какъ летитъ со скалы человѣкъ. Дѣло завершается протоколомъ.

Для Леонида Андреева, однако, слишкомъ мало такой „любви къ ближнему", онъ даетъ намъ положительно образчикъ скотства, ненависти и злобы. Въ „Безднѣ" милый и хорошій юноша насилуетъ любимую дѣвушку только потому, что ее передъ этимъ изнасиловали три негодяя, и онъ не могъ предолѣть ощущенія ея мягкаго и голаго тѣла. „Здѣсь было пиршество звѣрей, говоритъ авторъ, и внезапно отброшенный по ту сторону человѣческой понятной и простой жизни, онъ обонялъ жгучее сладострастіе, разлитое въ воздухъ и расширялъ ноздри" Онъ превратился въ такого же звѣря, какими за часъ передъ тѣмъ были пьяные хулиганы, прижималъ къ себѣ „мягкое безвольное тѣло, своей безжизненной податливостью будившее дикую страсть, ломалъ руки и беззвучно шепталъ"... И точно также ведутъ себя на бульварѣ пьяные мужики, бьющіе проститукъ, въ результатѣ изъ подвиговъ „побитая женщина плакала и безсмысленно ругалась; ея растрепанные волосы волочились по песку, а полуобнаженное тѣло, грязное и желтое при дневномъ свѣтѣ цинично, и жалко выставлялось наружу. Ее усаживали на дно извозчичьей пролетки и везли, и свѣсившаяся голова ея болталась, какъ у мертвой". Въ разсказѣ „Христіане" описываются подвиги сытыхъ

въ томъ же мѣстѣ, гдѣ имъ продаются голодные. Дѣвушка Караулова погибла потому, что отъ хозяина, гдѣ была горничной, получила „деньгами 10 руб. да серебряную брошку, да отрѣзъ кашемиру на платье". Въ публичномъ домѣ, гдѣ находится эта дѣвушка, одинъ гость „напилъ, набезобразилъ, нагулялъ", а потомъ и платить не хотѣлъ „я, говоритъ воскомъ и свѣчами торгую и не желаю, чтобы святыя деньги на такое поганое дѣло шли". Другой гость проституткѣ „пиво въ лампадку вылилъ", дѣвушка ему говоритъ „сукинъ ты сынъ, а еще лысый": а онъ отвѣчаетъ, „молчи, мурзикъ, свѣтъ Христовъ и во тьмѣ сіяетъ". Третій отпраздновалъ особую свадьбу съ проституткой. „Вмѣсто вѣнцовъ надъ головою ночныя вазы держали", „вмѣсто свѣчекъ пивныя бутылки донышками кверху, а за попа другой гость былъ, надѣлъ юбку на изнанку, такъ и ходилъ". И не удивительно, какъ проститутка рисуетъ сама себя; все у нея развратомъ купленное, „раздѣнь меня, говоритъ она, до самаго голаго тѣла, такъ ничего моего не найдешь. Да и тѣло то не мое... впередъ продано... А въ животѣ у меня что?—Портвейнъ да пиво, да шеколадъ, гость вчера угощалъ,— выходитъ, что и животъ не мой. Нѣтъ у меня ни стыда, ни совѣсти".

Вполнѣ естественно особое пристрастіе Леонида Андреева къ проституціи и домамъ разврата, ибо нигдѣ лучше не сказывается обратная сторона нашей культуры, которая дополняетъ собой нашъ лицемѣрный бракъ. Нигдѣ такъ не обнаруживаютъ свою скотскую, звѣрскую природу современные люди, какъ тамъ, въ домахъ терпимости, гдѣ за порогомъ оставляютъ не только приличія, но порядочность и честь, гдѣ можно быть откровеннымъ скотомъ, сбросившимъ съ себя всѣ условныя обличья. Въ судьбѣ мальчика Павлуши, зараженнаго сифилисомъ, мы видимъ еще страданіе отъ этого самаго звѣрства. Мальчикъ переживаетъ

чрезвычайныя мученія и не можетъ уйти изъ-подъ власти звѣря. „И все были женщины, ихъ тѣла, лишенныя души, отвратительныя, какъ липкая грязь заднихъ дворовъ, и странно обаятельныя въ своей нескрываемой грязи и доступности... И всѣ женщины усталыя, раскрашенныя съ холодными и наглыми глазами“... И та же „бездна“, которую мы видѣли въ душѣ Немоевскаго, видимъ мы и въ душѣ Павлика. Въ ней царитъ страшное и непонятное въ своей власти тѣло женщины, которое было „отвратительно до страстнаго желанія топтать его ногами и обаятельно какъ вода въ лужѣ для жаждущаго“.

Въ „Тьмѣ“ дано классическое описаніе дома терпимости и женщинъ, которыя тамъ служатъ своимъ тѣломъ удовлетворенію любви платящихъ и сытыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются опорой современнаго брака. „Тѣ уже входили, описываетъ Андреевъ гостей проститутки Любы. Входили, повизгивая, жеманясь и чинно садились рядомъ одна возлѣ другой. Ихъ было пять или шесть самыхъ некрасивыхъ и старыхъ, накрашенныхъ съ подведенными глазами и волосами, навѣсомъ начесанными на лобъ... Повидимому, онѣ уже ложились спать, потому, что всѣ были въ легкихъ капотахъ, а одна чрезвычайно толстая, лѣнивая и равнодушная пришла даже въ одной юбкѣ, съ голыми, невѣроятно толстыми руками и жирною, словно распухшею грудью... И все это полуголое, откровенное, хихикающее окружило его (героя) и сразу нестерпимо запахло тѣломъ, портеромъ, мыльными духами“. Всѣ онѣ были пьяны. Таковы объекты человѣческой любви, удовлетворяющіе изысканнымъ вкусамъ человѣческаго сердца съ платою по 15 руб. за визитъ. Но еще лучше характеризуетъ „любовь“ человѣка та двѣнадцатилѣтняя дѣвочка въ Царѣ-Голодѣ, которая говоритъ о себѣ: „я не ребенокъ, я блудница. Мнѣ сейчасъ 12 лѣтъ, хотя я на видъ кажусь нѣсколько старше. А

когда мнѣ было 10, мамаша продала меня господину за 20 руб. и бутылку водки... съ тѣхъ поръ вотъ уже два года, я каждую ночь имѣю одного или двухъ мужчинъ... Я научилась пить водку, я и теперь пьяна"... Оригинально, что въ домахъ разврата, по изображенію Андреева, особенно не любятъ „писателей" и „студентовъ". Эти „интеллигенты" любятъ сначала довести проститутку до отчаянія, разбудить въ ней человѣка, чтобы потомъ поступить съ ней хуже всякаго скота. Это особый видъ любви къ ближнему.

Леонидъ Андреевъ показываетъ намъ человѣка-звѣря въ еще болѣе обнаженныхъ проявленіяхъ, притомъ какъ разъ среди такъ-называемыхъ культурныхъ людей. Если убиваетъ народъ „предателей", то не иначе убиваютъ своихъ враговъ властвующіе, сильные, богатые; при помощи своихъ солдатъ они разстрѣливаютъ „рабочихъ", „много женщинъ и дѣтей", „убиваютъ отцовъ и матерей, рвутъ дѣтей на части", истязаютъ въ тюрьмахъ... Какъ разсказываетъ Маруся „Въ звѣздахъ" про заключенныхъ: „въ ихъ камеры ворвались тюремщики и били ихъ по одному. Били руками, ногами и ихъ топтали, уродовали лица. Долго, ужасно ихъ били тупые, холодные звѣри". Но не только во время усмиренія такъ жестоко казнятъ люди одни другихъ. Въ Царѣ-Голодѣ проходитъ передъ нами цѣлое дѣйствіе, гдѣ сытые судятъ голодныхъ, и за всякую малость казнятъ ихъ смертью. Здѣсь судятъ старика нищаго, не нашедшаго работы, за то, что онъ укралъ пятифунтовый хлѣбъ, судятъ другого голоднаго, который изнасиловалъ барышню въ лѣсу, за то, что онъ не удовольствовался простыми женщинами, такъ какъ онѣ „грубы и некрасивы отъ голода и работы". Судятъ здѣсь голодную, истощенную женщину за то, что она убила своего ребенка, перекинула „свою дочечку" черезъ перила въ рѣку. Тутъ же судятъ худенькаго мальчика за то, что онъ укралъ молока для больной

матери, судятъ, наконецъ, рабочаго только за то, что онъ „для рабочаго слишкомъ силенъ и честенъ", ужъ однимъ этимъ онъ оскорбляетъ... людей утонченной культуры и, слѣдовательно,—не сильныхъ... Сегодня онъ послушенъ, но кто поручится за завтрашній день... Несомнѣнно онъ достоинъ смерти „во имя справедливости", „и всѣхъ голодныхъ осуждаютъ сытые „къ смерти—во имя діавола".

Какъ очевидно, и голодные, и сытые у Андреева сходятся въ одномъ—въ своемъ естественномъ состояніи всеобщаго скотства и звѣрства. И если чѣмъ можно здѣсь отмѣтить вліяніе культуры, то развѣ превращеніемъ звѣрства и сладострастія грубаго въ болѣе утонченное, переходомъ отъ наивной, непосредственной силы къ насилію болѣе ухищренному. Но бываютъ времена, когда на одномъ общемъ поприщѣ сходятся и сытые и голодные, сбрасываютъ съ себя все наносное и условное и являютъ міру свою истинную, подлинную природу. Это бываетъ тогда, когда воцаряется царство „Краснаго смѣха". Уже Керженцевъ въ „Мысли" разсказываетъ намъ о томъ, какъ пріятно бываетъ убить человѣка. Но только въ „Красномъ смѣхѣ" имѣемъ мы полное изображеніе человѣка-звѣря, освобожденнаго отъ всѣхъ сдерживающихъ его началъ. Безуміе, опьяненіе смерти, радость убійства, восторгъ кроваваго истребленія—таковы стихіи, освобожденныя въ душѣ человѣка, которыя празднуютъ во время войны свой настоящій праздникъ... „Только теперь я понялъ, пишетъ офицеръ съ войны, великую радость войны, это древнее первичное наслажденіе убивать людей—умныхъ, хитрыхъ, лукавыхъ, неизмѣримо болѣе интересныхъ, чѣмъ самые хищные звѣри. Вѣчно отнимать жизнь—это такъ же хорошо, какъ играть въ лоун-теннисъ планетами и звѣздами. Кровавый пиръ—въ этомъ нѣсколько избитомъ сравненіи кроется сама правда. Мы бродимъ по колѣно въ крови, и голова кружится

отъ этого краснаго вина... Пить кровь врага вовсе не такой глупый обычай, какъ думаемъ мы: они знали, что дѣлали"... И Андреевъ рисуетъ намъ не только рѣзню, гдѣ слышно „какъ хрустятъ кости и рубится мясо", не только ужасы современной войны съ ея массовой бойней въ теченіи недѣль, поэтъ не ограничивается только изображеніемъ цѣлыхъ армій, охваченныхъ безумiемъ крови—онъ открываетъ въ каждомъ современномъ человѣкѣ такого-же хищнаго звѣря, падкаго до чужой крови.

Братъ убитаго офицера описываетъ намъ театръ въ „Красномъ смѣхѣ": „справа и слѣва ко мнѣ тѣсно прижимались чьи-то руки, и далеко кругомъ въ полутьмѣ торчали неподвижныя головы, слегка освѣщенныя краснымъ со сцены. И постепенно мною овладѣвалъ ужасъ отъ этой массы людей, заключенныхъ въ тѣсное пространство... Они были страшны, такъ какъ каждый изъ нихъ могъ стать трупомъ, и у всѣхъ у нихъ были безумныя головы. Въ спокойствіи этихъ расчесанныхъ затылковъ... я чувствовалъ ураганъ безумiя, который разразится каждую секунду". Стоитъ только крикнуть пожаръ, и „судорога безумiя охватитъ ихъ спокойные члены. Они вскочатъ, они заорутъ, они завоютъ, какъ животныя, они забудутъ, что у нихъ есть жены, сестры и матери, они начнутъ метаться, точно пораженные внезапной слѣпотой, и въ безумiи своемъ будутъ душить другъ друга этими бѣлыми пальцами, отъ которыхъ пахнетъ духами... Они будутъ душить, топтать ногами, бить женщихъ по головамъ, по этимъ хитрымъ, замысловатымъ прическамъ, они будутъ отрывать другъ у друга уши, отгрызать носы, они изорвутъ одежду до голаго тѣла и не будутъ стыдится, такъ какъ они безумны. Ихъ чувствительныя, нѣжныя, красивыя, обожаемыя женщины будутъ визжать и биться безпомощныя у ихъ ногъ, обнимая колѣни, все еще довѣряя ихъ благородству—а они будутъ

злобно бить ихъ въ красивое, поднятое лицо и рваться къ выходу, ибо они всегда убійцы, и ихъ спокойствіе, ихъ благородство—спокойствіе сытаго звѣря, чувствующаго себя въ безопастности". Неудивительно послѣ этого, что на войнѣ многіе люди „грызлись, какъ собаки" „если остатки этихъ людей вернутся домой, у нихъ будутъ клыки, какъ у волковъ"... Въ ужасномъ образѣ чудовищныхъ уродцевъ дѣтей, съ головами взрослыхъ убійцъ, олицетворяетъ Андреевъ душу человѣка: „Они прыгали легко и подвижно, какъ играющіе козлята, и дышали тяжело, словно больные. Ихъ рты походили на пасти жабъ или лягушекъ и раскрывались судорожно и широко; за прозрачной кожей ихъ голыхъ тѣлъ угрюмо бѣжала красная кровь—и они убивали другъ друга играя."

Въ „Стѣнѣ" злоба и убійство возведены въ общее правило; собранные у стѣны голодные, прокаженные и смрадные люди, грызущіе трупы своихъ повѣшенныхъ и погибшихъ товарищей—они сами не знаютъ, „какъ это случалось, что радостно оскаленные зубы начинали щелкать, поцѣлуи становились укусомъ, и съ визгомъ, въ которомъ еще не исчезла радость, они начинали грызть другъ друга и убивать". Не мудрено отсюда, что стирается всякая разница между убійцей и неубійцей, и всякій человѣкъ, будучи звѣремъ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и убійцей въ существѣ своемъ. Всякій человѣкъ есть убійца. „Очень возможно, говоритъ авторъ „Моихъ записокъ" про убійцу, что человѣкъ этотъ временно пересталъ быть человѣкомъ и сталъ звѣремъ, сыномъ изначальнаго хаоса, дѣтищемъ темныхъ и страшныхъ вожделѣній". На этой почвѣ возможны даже „садическія наклонности" у того или другого убійцы. И докторъ Керженцевъ въ „Мысли" прямо говоритъ, о томъ „что среди нихъ, нарушившихъ ваши законы, убійцъ, грабителей, я найду невѣдомые мнѣ источники жизни и снова стану себѣ

другомъ"... „я знаю васъ, обращается Керженцевъ къ „трусамъ и лицемѣрамъ", „преступникъ и преступленіе—это вѣчная ваша тревога, это грозный голосъ неизвѣданной бездны, это неумолимое осужденіе всей вашей разумной и нравственной жизни".

Человѣкъ Андреева невольно напоминаетъ намъ человѣка Гоббеса, вѣдь совсѣмъ не нужно, чтобы человѣкъ былъ звѣремъ лишь въ особомъ первобытномъ состояніи. И по теоріи Гоббеса, звѣрство кроется и сейчасъ въ человѣкѣ подъ его культурной оболочкой. „Когда ты отправляешься въ путешествіе, говоритъ Гоббесъ, зачѣмъ ищешь ты спутниковъ, берешь оружіе? Когда идешь спать—зачѣмъ запираешь ты двери? если ты такъ поступаешъ подъ охраной законовъ и ихъ служителей, не очевидно ли отсюда, какое мнѣніе у тебя о своихъ согражданахъ, сосѣдяхъ, домочадцахъ? Ты именно предполагаешь наличность естественнаго состоянія". И не только мы наблюдаемъ среди дикарей всеобщую боязнь другъ друга и всеобщую войну, такова уже природа человѣка, и люди не могутъ быть иными. Они ничто иное, какъ силы природы, изъ которыхъ каждая стремится къ сохраненію себя на счетъ другихъ. И нѣтъ въ естественномъ состояніи никакихъ сдерживающихъ правилъ, никакого права или закона, каждый имѣетъ право на все, или, говоря словами доктора Керженцова изъ „Мысли" здѣсь „нѣтъ судьи, нѣтъ закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно. Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія, въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только прихоти и случаю. Я, докторъ Керженцевъ, этотъ новый міръ, все можно". Каждый по Гоббесу имѣетъ право на все, что считаетъ для себя нужнымъ. Никто не можетъ сказать въ естественномъ состояніи: „hoc meum est"—это мое! Естественное право, jus naturale—здѣсь равняется праву сильнаго, опредѣляется борьбой, борь-

бой всѣхъ противъ всѣхъ. У Маккіавелли съ одной стороны и у Спинозы съ другой, мы находимъ тѣ же положенія индивидуализма. „Учредителю и законодателю республики, говоритъ первый, необходимо предполагать всѣхъ людей злыми и всегда склонными обнаруживать свою злость, какъ скоро къ тому представится удобный случай". „Люди болѣе склонны къ злу, чѣмъ къ добру, продолжаетъ онъ, однако и въ своей злобности они не умѣютъ быть послѣдовательными. Люди не умѣютъ быть ни вполнѣ гнусны, ни совершенно честны: такъ что, когда подлость требуетъ своего рода величія души, они не рѣшаются предаться ему". Вообще говоря, „люди неблагодарны, непостоянны, лицемѣрны, трусливы и корыстолюбивы". Всѣ эти свойства связываются однимъ общимъ мотивомъ—эгоизмомъ. Если только возможно, „они даютъ полный просторъ злобѣ своего сердца". У Спинозы мы находимъ подобную же характеристику человѣка. „Люди руководствуются своими страстями, ихъ природа такова... что они болѣе склонны къ мести, чѣмъ къ милосердію... всѣ и каждый желаютъ быть первыми, вступаютъ въ столкновенія другъ съ другомъ, стремятся угнетать другъ друга; побѣдитель болѣе гордится вредомъ, причиненнымъ противнику, нежели достигнутой имъ выгодой". Ясно, что не здравый разумъ опредѣляетъ для каждаго размѣръ его естественнаго права, „но степень его мощи и сила его аппетитовъ". *) Такъ учили первые апостолы индивидуализма, въ надеждѣ усмирить человѣка звѣря при помощи государства, воспитать изъ волка человѣка. Животныя естественныя черты человѣка, подобно Л. Андрееву, почитались присущими всѣмъ, при чемъ и сытые и голодные одинаково сводились къ звѣрской основѣ.

*) Максимъ Ковалевскій, отъ прямого народоправства къ представительному Т. II. Москва 1906 года. ст. 446 и слѣд. Алексѣевъ, в. н. е. 21 и слѣд. 87 и слѣд.

И если бы кто нибуть изъ приверженцевъ естественнаго состоянія пожелалъ тогда отказаться отъ государства съ его воспитательной миссіей, то этимъ самымъ пришлось бы признать вѣчнымъ состояніе всеобщей борьбы, постояннаго грабежа и убійства. Другими словами, признавать естественное состояніе и отрицать благодѣтельную мощь государства значило, все человѣческое погрузить въ бездну кровавой анархіи; ибо человѣкъ звѣрь, не сдержанный ничѣмъ, можетъ дать лишь картину грубаго эгоизма, свирѣпости и злобы. Зоологія замѣнила бы собой этику, политику и всякую общественную культуру.

VI.

СВЯЩЕННАЯ ФОРМУЛА ЖЕЛѢЗНОЙ РѢШЕТКИ.

Признавать звѣрство естественной природой человѣка и отрицать вмѣстѣ съ тѣмъ государство и власть, какъ орудіе культуры, возможно только въ одномъ случаѣ, а именно, если признать, что государство лишено всякаго культурнаго, воспитательнаго значенія, что оно, по выраженію Ницше, „просто звѣринецъ или клѣтка для звѣрей," которая, правда, удерживаетъ ихъ отъ взаимнаго пожиранія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не улучшаетъ, не преображаетъ, не перевоспитываетъ ихъ. Такая ницшеанская идея, конечно, не могла быть возможна въ эпоху перваго образованія либерализма. Тогда государство выступало далеко не въ видѣ одного лишь ночного сторожа при купеческомъ сундукѣ. Индивидуализмъ тогда былъ связанъ съ положительной задачей просвѣщенія и готовъ былъ рѣшить цѣлый рядъ положительныхъ задачъ; онъ не только освобождалъ, но и созидалъ. Власть, принявшая своимъ девизомъ общее благо, врученная обществомъ отдѣльнымъ философамъ на тронѣ, была первымъ организаторомъ и участникомъ общаго хозяйственнаго процесса, творцомъ новаго права, филантропической политики, меценатомъ, который расточалъ свои блага на процвѣтаніе наукъ и искусствъ. Все государство принимало характеръ особаго заведенія для перевоспитанія „скотовъ въ людей", и не его вина, если оно не могло и не умѣло найти лучшихъ педагогическихъ средствъ, чѣмъ тюрьмы и плети, сантиментальныя проповѣди и безчисленные поборы золотомъ и кровью.

Въ эпоху не только Гоббеса, и Макіавелли, но и во время Вольтера и Руссо еще горячо вѣрили въ государство и его спасительную роль. Такъ называемая „полиція“ охватывала собою все, что нужно не только для человѣческой безопасности, но также для добродѣтели и всемѣрнаго блаженства.

Не могло быть разочарованія въ государствѣ и въ то время, когда впервые на развалинахъ „либертарнаго“ абсолютизма возникло конституціонное правовое государство. Если при просвѣщенномъ деспотизмѣ росли производительныя силы, то съ возникновеніемъ правового режима, казалось, пали послѣднія преграды, сдерживавшія расцвѣтъ индивидуалистическаго хозяйства. Заведеніе для всеобщаго перевоспитанія превратилось въ союзъ самостоятельнымъ производителей, въ демократію свободныхъ гражданъ. Какъ мною было уже сказано раньше, „политическія права стали доступны въ равной степени всѣмъ, судъ провозгллсилъ равенство предъ закономъ, а область хозяйственной борьбы и денежнаго пріобрѣтенія, казалось, въ равной степени открывала доступъ всякой энергіи, всякому таланту и уму. Впервые широко раскрылись двери грандіознаго капища европейскаго капитализма, и при входѣ никто не спрашивалъ ни паспортовъ, ни дипломовъ, ни знаній... Всѣмъ готова была богиня новой жизни дарить свои ласки, всѣмъ на равныхъ началахъ,—всѣмъ: только требовалось одно: за ея ласки надо было платить... И на зарѣ новаго политическаго строя это равенство такъ было соблазнительно и ново, оно спасало отъ такихъ ужасныхъ и тяжкихъ оковъ, оно дѣйствовало такъ освѣжающе и бодро на массы, впервые увидѣвшіе солнечный свѣтъ, что у политическаго равенства не хотѣли видѣть открывающейся за нимъ пропасти соціальнаго угнетенія и неравенства передъ денежнымъ мѣшкомъ“.

Однако, такъ продолжалось недолго. Среди всеобщей борьбы постепенно выдѣлились твердые устои.

Среди борющихся вышли на первый планъ тѣ, кому больше не надо бороться. Среди рвущихся къ богатству тѣ, кто его имѣютъ. И побѣдители больше не упускаютъ своихъ позицій и давятъ побѣжденныхъ, ушедшіе на вершины создаютъ тамъ неприступые замки, закрывшіе ихъ отъ всеобщей войны и конкурренціи. „Совершился необходимый и неизбѣжный переходъ къ феодальному міровоззрѣнію, насколько можно было его возродить при помощи фабричной трубы и паровой молотилки. И многоголовая буржуазія заняла мѣсто преждей поземеляной аристократіи. Въ глубинѣ колосальныхъ шахтъ, среди лѣса машинъ на фабрикахъ и заводахъ раздался старый кличъ феодальнаго сеньора, желающаго непремѣнно быть „господиномъ у себя въ домѣ“. „Тогда то либеральная буржуазія совершила новый шагъ на встрѣчу политической реакціи... и начала борьбу противъ всеобщаго избирательнаго права. Такъ совершился переходъ отъ демократической идеологіи къ реакціонному либерализму“.. „Плутократическая іерархія.. стала въ противорѣчіе съ тѣмъ самымъ принципомъ равенства, которому она обязана была своимъ первымъ успѣхомъ, своимъ первымъ подборомъ“. *) Воля къ равенству и братству стала голой „волей къ власти“, право получило характеръ защиты накопленной собственности во что бы то ни стало. Привилегированная личность одна заявила претензію на право захвата; всѣ слабѣйшіе, всѣ голодные изъ него исключены. Естественное право на все, принадлежавшее всѣмъ, стало естественнымъ правомъ немногихъ на всѣхъ и все... Демократія уступила мѣсто новой аристократіи. Какъ говоритъ Д. Койгенъ, естественное право либерализма „есть вѣчное право на захватъ. Право, по которому образуется аристократъ и бюргеръ въ смыслѣ совмѣстнаго аристократическаго

*) М. А. Рейснеръ. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. СПБ., 1906 г., стр. 44, 45.

владычества. Естественное право демократіи, наоборотъ, есть вѣчное право на автономное бытіе личности, право на охрану и защиту отъ аристократическаго, все подчиняющаго себѣ захвата". *)

Государственная идея индивидуализма переживаетъ раздвоеніе и кризисъ. Государство уже не ведетъ ни къ общему благу, ни къ безопасности, ни къ совершенству. Для побѣжденныхъ оно либеральный призракъ, прикрывающій грубое владычество побѣдителей, для побѣдителей оно лишняя помѣха на пути къ окончательному торжеству новой аристократіи, рожденной въ конторѣ предпринимателя или кабинетѣ банкира. Разочарованіе въ прававомъ государствѣ наступаетъ полнѣйшее; отъ лживаго парламентаризма отворачиваются народныя массы и начанаютъ искать спасенія внѣ и помимо государства, вѣрнѣе—черезъ него. Но также отрицательно относятся къ конституціонному и новые феодалы. Они узурпируютъ ницшеанскаго сверхъ-человѣка и превозглашаютъ новое естественное право, новое раздѣленіе на естественное и государственное состояніе. И если въ естественномъ состояніи прежде находились всѣ, то теперь оно становится привилегіей „господъ", этихъ особыхъ сверхъ-человѣковъ, владыкъ и побѣдителей, которые наслѣдуютъ державную власть „бѣлокурой бестіи" имѣющихъ право на все, на убійство, на чужое тѣло, чужой трудъ и чужое рабство. Сверхъ-человѣкъ капитала переросъ государство и вышелъ на свободу человѣка-звѣря. Для него нѣтъ ни суда, ни права, ни закона. Въ веселой кровожадности прекрасные и могучіе господа наслѣдуютъ „отвагу благородныхъ расъ, отвагу безумною, безсмысленную, внезапную въ проявленіяхъ, эту неожиданность, невѣроятность ихъ хищническихъ предпріятій... ихъ безразличіе и презрѣніе къ опасности, къ жизни,

*) Д. Койгенъ, в. н. е. стр. 656.

къ сытости, ихъ ужасающую ясность духа, неистовую радость въ разрушеніи, побѣдѣ и жестокости"... Такова „мораль господъ" новаго стиля, и рядомъ съ нею уже не можетъ быть государства, такъ какъ „мораль рабовъ" требуетъ не правъ, не представительства или свободы, а казармъ для кули, плети и кандаловъ для робкой и лѣнивой скотины. *)

Мы видимъ теперь, какая проблема стояла передъ лицомъ Л. Андреева; мы знаемъ, откуда взялъ онъ человѣка-звѣря. Послѣдній образъ подсказанъ всей окружающей дѣйствительностью, съ ея страшной борьбой за существованіе, безпощадной конкурренціи, кровопролитными войнами и воистину безстыдной эксплоатаціей человѣкомъ человѣка. Еще въ коммунистическомъ манифестѣ великолѣпно изображено новое варварство, сверкающее настоящимъ „краснымъ смѣхомъ"—во время торговыхъ кризисовъ или кровопролитныхъ войнъ. Характеристика голодныхъ у Андреева представляетъ собой почти парафразу коммунистическаго манифеста въ его части, посвященной босяцкому пролетаріату и первой стадіи развитію фабричнаго пролетаріата. То же мы можемъ сказать и объ андреевскомъ изображеніи сытыхъ Борьба на жизнь и смерть въ средѣ самой буржуазіи, борьба ея противъ другихъ классовъ, борьба въ рядахъ рабочихъ, все это создаетъ характеръ настоящей войны всѣхъ противъ всѣхъ, гдѣ еще до образованія устойчивыхъ классовъ все держится на барышѣ, спекуляціи и расчетѣ, при чемъ ставкой является не только единичная человѣческая жизнь, но подчасъ тысячи и тысячи жизней. Психологія предпринимателя, борца, спекулянта, какъ ее изображаетъ намъ В. Зомбартъ, это та же психологія полководца или командира на полѣ битвы. И если командиръ очень рѣдко рискуетъ своей жизнью, то

*) М. А. Рейснеръ. в. н. е. стр. 64—65. Д. Койгенъ, в. н. е. стр. 653.

солдаты, простые рабочіе, мелкіе крестьяне и другой „народъ“ всегда рискуютъ собственной своей шкурой, такъ какъ не хуже пули и штыка дѣйствуютъ голодъ, безработица, нужда и болѣзни. И на этомъ то фонѣ свирѣпой, безжалостной борьбы идетъ и развивается съ одной стороны милитаризмъ, а съ другой—экономическая революція, которая можетъ быть обозначена вкратцѣ „какъ процессъ высасыванія, уничтоженія, экспропріаціи мелкихъ и самостоятельныхъ хозяйственныхъ существованій“. „И если бы эта система продержалась бы безпрепятственно столѣтія, то въ концѣ его мы имѣли бы небольшое число тѣсно связанныхъ по возможности породнившихся милліонеровъ, которые съ соблюденіемъ массы либеральныхъ и конституціонныхъ формъ, царили бы надъ прочими людьми. Возникло бы новое рабство и при томъ самое тяжелое, какое когда либо существовало, такъ какъ это было бы рабство, гдѣ господинъ не имѣетъ болѣе никакого интереса въ сохраненіи жизни или здоровья своего раба... Пролетарія уже теперь характеризуетъ не только его бѣдность, но еще больше ненадежность самого существованія“ *) Повторяемъ, для насъ понятно вполнѣ, почему Л. Андреевъ воскресилъ въ XX вѣкѣ человѣка-звѣря XVI столѣтія и новымъ варварствомъ заклеймилъ нашу волчью борбу всѣхъ противъ всѣхъ.

Но вотъ спрашивается одно: уже больше нѣтъ надежды и на государство. Культура, особенно политическая, которая раньше была панацеей всѣхъ золъ, теперь выцвѣла и ослабѣла, превратилась въ миражъ, отвергнутый всѣми... Спрашивается, какъ отнесется Л. Андреевъ къ государству, современному праву и быту, къ искусственнымъ формамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ ста-

*) Коммунистическій манифестъ, изданіе «Знанія» стр. 28 и слѣд. R. Meyer, Der Emancipationskampf. des vierten Standes, Berlin 1882, стр. 2—3 .W. Sombart, Die Deutsche Volkswirtschaft, стр. 78 и слѣд.

раго либерализма съ его капиталистическимъ расцвѣтомъ и правовыми фикціями. Отвергнетъ-ли нашъ писатель нынѣшнее, „государственное состояніе“ или приметъ его. А если отвергнетъ, то гдѣ найдетъ онъ выходъ изъ естественнаго варварства и звѣрства? Въ ницшеанскомъ сверхъ-человѣкѣ? Въ новой культурѣ иного, высшаго государственнаго быта? Въ соціализмѣ или, быть можетъ, во всеобщей анархіи индивидовъ. которые всѣ переродятся въ свободныхъ и сильныхъ „бестій“?

Нельзя не замѣтить, что позиція Л. Андреева представляется чрезвычайно рискованной. Его изображенія человѣческой массы таковы, что они могутъ быть использованы въ духѣ самаго злого человѣконенавистничества и еще хуже—политической реакціи. Благо бы, Л. Андреевъ выводилъ испорченность людей изъ культуры, тогда вопросъ рѣшается легко; человѣкъ въ естественномъ состояніи предполагается добрымъ, и съ отмѣной звѣрской культуры пріобрѣтается вновь человѣческій образъ. Но Андреевъ предпочитаетъ иной путь, въ его поэзіи именно злоба и звѣрство являются „естественнымъ состояніемъ“ человѣка. Не надо забывать, что именно съ подобной характеристики человѣка начинали всѣ приверженцы деспотической, диктаторской власти, всяческой тираніи и производа. Маккіавелли долженъ былъ создать для человѣка-скота соотвѣтственнаго укротителя и погонщика въ видѣ деспота и самодержца, дрессирующаго людей для культуры. Гоббесъ пришелъ къ апологіи безграничнаго абсолютизма, царящаго не только надъ тѣлами, но разумомъ и душею своихъ подданныхъ. Современное ницшеанство, какъ оно воспринято буржуазнымъ обществомъ, тоже подѣлило скотовъ на домашнихъ животныхъ и благородныхъ хищниковъ, и создало для первыхъ рабство, существующее развѣ на черномъ или желтомъ материкѣ. И если Л. Андреевъ отвергнетъ

государство, тюрьму и бичъ для человѣка-звѣря, то не придетъ ли онъ къ необходимости построить для него новую каторжную тюрьму. А если нѣтъ, то не явится ли у другихъ, у многихъ, искренняго желанія обуздать андреевскаго человѣка-звѣря при помощи хотя бы самыхъ отвратительныхъ мѣръ.

И Л. Андреевъ вполнѣ понимаетъ вопросъ, къ которому мы подошли вплотную. Въ „Моихъ Запискахъ“ альтернатива поставлена рѣшительно и опредѣленно. Это проблема той самой желѣзной рѣшетки, которую никакъ не могъ понять Николай въ „Звѣздахъ“. „Хаосъ или порядокъ—такъ начинается конспектъ лекцій, которыя предполагаетъ читать почтенный „учитель“, убившій своего папашу и воспитавшійся въ тюрьмѣ,—извѣчная борьба между тѣмъ и другимъ“. Вѣчный бунтъ съ одной стороны, вѣчное пораженіе бунтовщика—хаоса“ и „торжество закона и порядка“—съ другой. „Что такое душа человѣка. Извѣчная борьба двухъ началъ въ душѣ человѣка: хаоса, изъ коего она рождена, и гармоніи, къ коей она неудержимо стремится. Ложь, какъ дѣтище хаоса и правда, какъ душа гармоніи. Торжество правды и гибель лжи. Разъясненіе священной формулы—„желѣзной рѣшетки“. Естественное состояніе это „изначальный и страшный хаосъ въ душѣ чѣловѣка“; гармонія, законъ и порядокъ—одни способны усмирить при помощи намордника, тюрьмы и „желѣзной рѣшетки“ естественный хаосъ. Это торжество искуственнаго или политическаго быта, моральной и правовой связанности. Герой „Моихъ Записокъ“, стоитъ совершенно послѣдовательно на точкѣ зрѣнія Гоббеса и Маккіавелли и требуетъ тюрьмы для усмиренія естественнаго человѣка-звѣря. Съ поразительной убѣдительностью становится здѣсь авторъ на точку зрѣнія „порядка и закона“ и обосновываетъ необходимость всеобщей тюрьмы. Вопросъ такимъ образомъ совершенно ясенъ. Каково

отношеніе современной культуры съ ея закономъ къ изначальному хаосу человѣческаго звѣрства. Анархія или тиранія?

Современный порядокъ жизни—status politicus—бытовый укладъ и государственный порядокъ Л. Андреевъ характеризуетъ уже очень рано и символически и непосредственно. Однимъ изъ такихъ символовъ является городъ въ качествѣ грандіозной культурной тюрьмы: „городъ былъ громаденъ и многолюденъ, и было въ этомъ мнолюдіи и громадности что-то упорное, непобѣдимое и равнодушно-жестокое. Колоссальной тяжестью своихъ каменныхъ раздутыхъ домовъ, онъ давилъ землю, на которой стоялъ, и улицы между домами были узкія, кривыя и глубокія, какъ трещины въ скалѣ... Можно было по цѣлымъ часамъ ходить по этимъ улицамъ, изломанымъ, задохнувшимся, замершимъ въ страшной судорогѣ, и все не выйти изъ линіи толстыхъ каменныхъ домовъ“. И именно „толща каменныхъ домовъ“ отдѣляетъ человѣка „отъ широкаго свободнаго поля, гдѣ легко дышетъ подъ солнцемъ свободная земля“. Въ „Проклятіи звѣря“ повторяется тотъ же мотивъ съ новой, почти антихудожественной силой. Тамъ задыхается въ звѣринцѣ въ мелкомъ бассейнѣ за рѣшеткой, морской левъ и въ неистовомъ крикѣ шлетъ проклятіе безобразному каменному мѣшку, который душитъ его со всѣхъ сторонъ своими стѣнами. Въ разсказѣ о „Сергѣѣ Петровичѣ“ мы видимъ ту же каменную тюрьму. И жизнь въ ней это „длинный, сѣрый и узкій коридоръ, лишенный воздуха и свѣта... И на всемъ протяженіи коридора не виднѣлось ни одного рѣзкаго, крутого поворота, ни одной двери наружу туда, гдѣ сіяетъ солнце“. „Жизнь показалась“ Сергѣю Петровичу „узкою клѣткою, и часты и толсты были ея желѣзные прутья, и только одинъ не запертый выходъ имѣла она... Изъ клѣтки открывался выходъ, и хотя онъ велъ въ неиз-

вѣстность и мракъ, это было безразлично для Сергѣя Петровича". Это была смерть, но она казалась новой жизнью для заключеннаго. И ту же клѣтку видимъ мы въ разсказѣ „Ложь", гдѣ съ одной стороны за рѣшеткой ходила запертая пантера, а съ другой—люди, при чемъ „большинство серіозно, даже мрачно смотрѣли на эту живую картину тяжелаго безысходнаго раздумья и со вздохомъ отходили. А отойдя.., пытливо оглядывались... и вздыхали, какъ будто было что-нибудь общее въ судьбѣ ихъ, свободныхъ людей, и этого несчастнаго плѣненнаго звѣря."

„Далекій каменный городъ" рисуется и вору Юрасову, вмѣстѣ съ неволей „среди каменныхъ стѣнъ и желѣзныхъ рѣшетокъ". „Что такое ихніе города? спрашиваетъ Савва, „это могилы, понимаешь, каменныя могилы. И если этихъ дураковъ не остановить и дать имъ строиться еще, они всю землю одѣнутъ въ камень и тогда задохнутся всѣ, всѣ... Они мнѣ тюрьму выстроили, они голову мою въ застѣнокъ посадили... у меня вся голова гвоздями утыкана, мастера они гвозди вгонять". „Повѣрь мнѣ, продолжаетъ Савва, я исходилъ много городовъ и земель, и нигдѣ я не видѣлъ свободнаго человѣка. Я видѣлъ только рабовъ. Я видѣлъ клѣтки, въ которыхъ они живутъ, постели, на которыхъ они родятся и умираютъ; я видѣлъ ихъ вражду и любовь, грѣхъ и добродѣтель. И забавы ихъ я видѣлъ: жалкія попытки воскресить умершее веселье. И на всемъ, что я видѣлъ, лежитъ печать глупости и безумія. Родившійся умнымъ—глупѣетъ среди нихъ; родившійся веселымъ—вѣшается отъ тоски и высовываетъ имъ языкъ. Среди цвѣтовъ прекрасной земли... они устроили сумасшедшій домъ". И настоящій гимнъ всеобщей человѣческой тюрьмѣ слагаетъ авторъ „Моихъ Записокъ", сдѣлавшій рѣшетку своимъ символомъ вѣры. „Какъ непреоборимо толстъ камень, какъ крѣпокъ цементъ его соединяющій, какъ искусно, съ

точнымъ, почти математическимъ расчетомъ сложена эта твердая твердыня". И „не есть ли это проявленіе какого то иного, высшаго закона, по которому безграничное постигается человѣческимъ умомъ лишь при непремѣнномъ условіи введенія его въ границы, напримѣръ включенія его въ квадратъ". И съ этой точки зрѣнія желѣзная рѣшетка, „скованная руками, слабыми человѣческими руками, какого-нибудь невѣжественнаго кузнеца... вдѣланная въ стѣну столь же невѣжественнымъ каменщикомъ, она вдругъ явила собою образецъ величайшей цѣлесообразности, красоты, благородства и силы. Схвативъ въ свои желѣзные квадраты безконечное, она застыла въ холодномъ и гордомъ покоѣ... Вся наша тюрьма построена по крайне цѣлесообразному плану, вызывающему восторгъ своею законченностью". Никогда тюрьма „не теряетъ вида мрачной и угрюмой мрачности и непрестанно напоминаетъ людямъ, что законы существуютъ, и нарушителей ихъ ждетъ кара, кара, кара".

Въ очеркѣ „Стѣна" та же тюрьма разбирается съ другой точки зрѣнія; она принимаетъ видъ высокой безконечной стѣны, разсѣкающей небо и землю, лежащей, „какъ толстая сытая змѣя", падающей въ пропасть, поднимающейся на горы, теряющейся въ безконечности. Эта стѣна глуха и неподвижна, она окружаетъ собой міръ „безумныхъ, убивающихъ другъ друга"; отдѣльные люди пробуютъ пробить ее лбомъ, умираютъ за голодныхъ, заключенныхъ въ общую тюрьму и повисаютъ „на крюкѣ, вбитомъ въ стѣну". За стѣною, по вѣрѣ многихъ, долженъ быть „новый міръ", но „упитанная кровью и человѣческими мозгами" стѣна стоитъ неподвижная и высокая, и раводушно отражаетъ она „вой пластами рѣзавшій и пронзавшій густой зловонный воздухъ". Это воютъ всѣ, находившіеся у стѣны, „а ихъ было такъ много, какъ саранчи и жадны и голодны они были, какъ саранча, и каза-

лось, что въ нестерпимыхъ мукахъ взвыла сама сожженная земля, широко раскрывъ свой каменный зѣвъ. Словно лѣсъ сухихъ деревьевъ.. поднимались и протягивались къ стѣнѣ судорожно выпрямленныя руки, тощія, жалкія, молящія, и было столько въ нихъ отчаянія, что содрогались камни". И это—стѣна-убійца, она „такая лживая и подлая" она все равнодушно и тупо молчитъ. „Сумрачно и грозно покоенъ... взглядъ ея безформенныхъ очей и гордо, какъ царица спускаетъ она съ плечъ своихъ пурпуровую мантію быстро сбѣгающей крови". Своей грудью пробуютъ разбить стѣнку люди, падаютъ разбитые, а она все стоитъ и концы ея теряются, среди изуродованныхъ труповъ.

Стѣна и рѣшетка, желѣзный квадратъ, заключающій въ себѣ жизнь, вездѣ и всюду сдавливаютъ они человѣческое существованіе, приковываютъ его къ опредѣленной кельѣ. Вотъ у женщинъ на Канатной улицѣ, у женъ рабочихъ, у нихъ въ жизни былъ свой особенный врагъ, котораго не знали мужчины,—печка, вѣчно голодная... болѣе страшная, чѣмъ всѣ раскаленныя печи ада. Съ утра и до ночи, каждый день, всю жизнь она держала ихъ въ своей власти; убивая душу, она вытравляла изъ головы мысли, кромѣ тѣхъ, которыя служатъ ей и нужны ей самой". „Ограбленная въ мысляхъ своихъ... оглушенная женщина, она вновь и вновь покорно отдавала „печкѣ" душу и только смертельная черная тоска окутывала ее непроницаемыхъ чернымъ туманомъ". Мужчины находятся подъ другой рѣшеткой; здѣсь заставляютъ „дѣлать человѣка, чего онъ не хочетъ", покупаютъ за гроши „его трудъ, его кровь, его нервы, его жизнь". „Мы задавлены машинами, говоритъ въ Царѣ-Голодѣ рабочій, мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью. Желѣзо давитъ. Гнететъ чугунъ". „Меня плющитъ желѣзный молотъ, онъ выдавливаетъ кровь изъ моихъ жилъ—онъ ломаетъ кости... Между валами протягиваютъ мое тѣло, меня

кружитъ колесо. День и ночь визжитъ пила, разрѣзая сталь... Что такое земля? Это визгъ пилы. Что такое небо? Это визгъ пилы, разрѣзающей сталь... Мы задавлены машинами, мы сами части машины". И рабочіе провозглашаютъ гимнъ машинѣ, и онъ кончается слѣдующимъ образомъ: „ты безжалостнѣйшая изъ безжалостныхъ, скованная изъ желѣза, дышущая огнемъ,—дай намъ хоть немного свободы! Сквозь копоть твоихъ стеколъ, сквозь дымъ твоихъ трубъ, мы не видимъ неба, мы не видимъ солнца... Братья, мы куемъ собственныя цѣпи". И когда бунтъ рабочихъ усмиренъ, въ городѣ оказывается невозможно остаться „отъ грохота и лязга желѣза"; это вездѣ „куютъ цѣпи". Создается „безконечная желѣзная цѣпь, которая облегаетъ земной шаръ".

Немногимъ лучше положеніе тѣхъ „заключенныхъ", которые должны идти обычнымъ, трудовымъ путемъ. Передъ Сергѣемъ Петровичемъ рѣшетка обозначаетъ карьеру акцизнаго чиновника. Здѣсь „съ медлительной и строгой постепенностью" движется человѣкъ „по лѣстницѣ повышеній и, достигнувъ средней ступеньки останавливается разбитый годами, нуждою и и болѣзнями". Въ „Жизни Человѣка", въ жизни, которой живутъ всѣ, мы видимъ то постоянное круженіе у „стѣны" человѣка, которое совершается на рамкахъ всеобщей рѣшетки. Онъ ищетъ работы и хлѣба и не только хлѣба, но комфорта, собственности, достатка. Вѣнецъ желаній человѣка—это хорошо ѣсть, имѣть свой кусочекъ земли, построить тамъ домъ по собственному вкусу на берегу фіорда. „У меня будутъ толстыя, каменныя стѣны, говоритъ человѣкъ, и огромныя окна изъ цѣлаго стекла и въ домѣ будетъ огромный каминъ... вездѣ ковры и много, много книгъ"... И въ этомъ домѣ человѣкъ будетъ пить золотистое вино и ѣсть жаркое изъ серны. И тогда придетъ слава, и уже послѣ всего рисуется въ грезахъ „народный домъ, ко-

торымъ гордится вся наша земля". И тогда всѣ идутъ кланяться человѣку и говорятъ „городъ нашъ гордится честью" имѣть въ своей средѣ человѣка. И въ концѣ концовъ устаивается балъ съ „маркизами, графами, перами". Дальше не идутъ тюремные идеалы человѣка за рѣшеткой. И когда онъ достигаетъ высоты величія, условный пошлый праздникъ знаменуетъ собою торжество рѣшетки, и подъ однообразную жалкую польку восклицаютъ гости„ какъ богато", „какъ пышно", „какъ роскошно", „какъ свѣтло", „какая честь быть на балу у человѣка". И все у человѣка, какъ у всѣхъ; подстриженныя деревья, семь человѣкъ одной прислуги, пятнадцать комнатъ, безвкусные зеркальные шары, гипсовые гномы и серны. Пошлость лежитъ тяжелымъ пятномъ на обстановкѣ человѣка, ни въ чемъ не выходитъ онъ изъ границъ общепринятаго и однообразнаго жизненнаго „квадрата".

Деньги, таковъ еще одинъ моментъ въ порядкѣ жизненной тюрьмы, и въ разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ ярко встаетъ противоестественная мощь этой силы. Чѣмъ безсильнѣе и ничтожнѣе становилась въ глазахъ героя природа, тѣмъ рѣшительнѣе вставала передъ нимъ другая грозная и могучая сила—деньги. „Ослѣпленный, потерявшійся, онъ сталъ думать, что онѣ властвуютъ надъ природой... Было много путей къ деньгамъ, но передъ каждымъ стояла рогатка... Тотъ трудъ, который былъ доступенъ ему, не могъ дать богатства, а все другое—игра на биржѣ, фабрика, служба съ крупными окладами, искусство, женитьба на богатой, все то, что дозволяется закономъ или совѣстью и даетъ состояніе въ одинъ день или годъ, такъ же не существовало для него, какъ и умъ". Тогда понялъ Сергѣй Петровичъ, „что деньги не исправляютъ несправедливостей природы, а углубляютъ ихъ, и что люди всегда добиваютъ того, кто уже раненъ природой". Деньги—одинъ изъ прутьевъ клѣтки, изъ которой одинъ незапертый выходъ—смерть.

И во истину вся жизнь людей проникнута условностью и ложью. Они живутъ въ тюрьмѣ, а притворяются, что на свободѣ, что все происходитъ у нихъ по ихъ собственной волѣ, во имя правды, добра и красоты. „И какъ они лгутъ, какъ они лгутъ, восклицаетъ Савва. Они не убиваютъ правды—нѣтъ, они ежедневно сѣкутъ ее, они обмазываютъ своими нечистотами ея чистое лицо, чтобы никто не узналъ ее“. Лжетъ судъ и адвокатъ въ „Защитѣ“, лжетъ повѣренный въ „Первомъ Гонорарѣ“, лжетъ книга „Въ защиту обездоленныхъ“, подъ тяжестью которой падаетъ мальчикъ изъ магазина, при наборѣ которой глотаетъ наборщикъ свинцовую пыль. Лжетъ „Оригинальный человѣкъ“ Семенъ Васильевичъ, который „любитъ негритянокъ“, такъ какъ въ нихъ есть нѣчто „экзотическое“. Лжетъ учитель въ разсказѣ „Нѣтъ прощенія“, лжетъ всей своей жизнью; лгутъ всѣ „христіане“, уговаривающіе на судѣ проститутку, что ея позорное ремесло есть дѣло совсѣмъ христіанское. Въ послѣднемъ разсказѣ прекрасно характеризуетъ предсѣдатель всеобщую ложь: „каковы бы ни были ваши занятія, это дѣло вашей совѣсти... А на принадлежность вашу къ извѣстному религіозному культу они вліять не могутъ. Вы понимаете? Можно даже быть разбойникомъ или грабителемъ и въ то же время считаться христіаниномъ... Вотъ всѣ мы здѣсь, товарищъ прокурора, гг. присяжные засѣдатели занимаемся разнымъ дѣломъ: кто служитъ, кто торгуетъ, и это не мѣшаетъ намъ быть христіанами“. И никакъ христіане не могутъ понять, почему дѣвица Караулова не считаетъ себя христіанкой, и на разные фасоны стараются ее убѣдить и оболгать, но это никакъ не удается... Поддѣлываетъ игуменъ монастыря святыню и замѣняетъ новымъ старый изгрызенный паломниками гробъ святого. „Да, замѣчаетъ Егоръ Ивановичъ (въ Саввѣ), новый поставилъ, да... И этотъ

изгрызутъ дураки. Имъ что ни поставь... И зубы отъ него тоже проходятъ". Тотъ же обманъ повторяется и съ чудомъ. И нисколько не мѣшаетъ людямъ тотъ фактъ, что адская машина взорвалась на пустомъ мѣстѣ. Все равно, икона уцѣлѣла, хоть и не могла пострадать. Этого вполнѣ довольно, всѣ вѣрятъ великому чуду.

Царству лжи достойно соотвѣтствуетъ, по словамъ Саввы, „неизбывная человѣческая глупость". Этой глупости за тысячи лѣтъ „накопилась цѣлая гора". „Дураки", „глупые", „холопы", созидающіе себѣ „идоловъ",—вотъ характеристика послушныхъ рѣшеткѣ людей. Они рвутся къ свѣту и не догадываются въ своихъ домахъ пробить широкія окна; рядомъ съ церковью они созидаютъ каторгу, съ университетомъ дома терпимости, рядомъ съ фабриками—картинныя галлереи, возлѣ дворцовъ—навозныя норы. И когда приходитъ къ людямъ спаситель, они его приговариваютъ къ смерти. „Пока ходилъ Онъ по землѣ,—разсказываетъ царь Иродъ,—былъ онъ человѣкъ такъ себѣ, хорошій, думалъ то да се, вотъ человѣки, вотъ поговорю, да вотъ научу, да устрою. Ну, а какъ эти самые человѣки потащили Его на крестъ, да кнутьями Его, тутъ Онъ и прозрѣлъ; „ага, говоритъ, такъ вотъ оно какое дѣло" и взмолился: „не могу я такого страданія вынести. Думалъ, что просто это будетъ распятіе, а это что же такое"... А Отецъ ему: „ничего, ничего, потерпи, сынокъ, узнай правду то, какова она. Вотъ тутъ Онъ и затосковалъ". Въ „Іудѣ" все время идетъ великій споръ между Іудой и другими апостолами о человѣческой трусости, глупости и рабствѣ. Іуда продаетъ Іисуса съ исключительной цѣлью вызвать, наконецъ, возмущеніе, возстаніе, бунтъ въ защиту пришедшаго на землю святого. И что же, если лживъ Іуда, то другіе лгутъ еще больше, если клевещетъ на людей Іуда, то на дѣлѣ они оказываются еще ниже его злоб-

ныхъ и отвратительныхъ характеристикъ. И даже апостолы отреклись отъ учителя по словамъ Іуды, продали его. Нѣтъ, не поняли, не посмѣли, не заступились люди за свою величайшую святыню. И вотъ Іуда говоритъ апостоламъ: „какъ же вы позволили это? Гдѣ же была ваша любовь? Ты, любимый ученикъ, ты—камень, гдѣ были вы, когда на древѣ распинали вашего друга... Кто любитъ, тотъ не спрашиваетъ, что дѣлать. Онъ идетъ и дѣлаетъ все. Онъ плачетъ, онъ кусается, онъ душитъ врага и кости ломаетъ у него". И въ отвѣтъ на слова Іоанна, что жертва Іисуса прекрасна, Іуда отвѣчаетъ: „развѣ есть прекрасная жертва?.. Гдѣ жертва, тамъ и палачъ, и предатели тамъ! Жертва—это страданіе для одного и позоръ для всѣхъ. Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею!.. Развѣ онъ запретилъ вамъ и умирать? Почему же вы живы, когда онъ мертвъ... Вы должны были пасть на дорогѣ, за мечи, за руки хватать солдатъ. Утопить ихъ въ морѣ своей крови—умереть, умереть"! такъ говоритъ „прекрасный, смѣлый Іуда изъ Каріота". Какъ извѣстно, Петръ и открыто три раза отрекся отъ Христа.

Яснымъ теперь является утвержденіе „Моихъ записокъ", что самъ заключенный, проникшійся философіей тюрьмы, изобрѣлъ и такъ называемый „глазокъ" для наблюденія за арестантами. Такова психологія арестантовъ міра сего. Сами они не могутъ жить безъ квадрата и рѣшетки, сами они строятъ стѣны собственной тюрьмы, идутъ въ рабство вещамъ, печкѣ, машинѣ, деньгамъ. Лгуны, лицемѣры и предатели, они оправдываютъ свою собственную тюрьму, трусы, они пресмыкаются у подножія давящей ихъ злой, безпощадной стѣны. Добровольные арестанты и рабы вещей, они стараются распространить свой тюремный принципъ на весь міръ, провозглашаютъ рѣшетку послѣднимъ основаніемъ всяческой жизни. Вотъ что гово-

ритъ о жизни людей герой „Моихъ записокъ“. „Вся ихъ жизнь на такъ называемой свободѣ есть сплошной самообманъ и ложь. Жизнь каждаго изъ тѣхъ людей, кого я видѣлъ за эти дни, движется по строго опредѣленному кругу, столь же прочному, какъ коридоры нашей тюрьмы, столь же замкнутому, какъ циферблатъ тѣхъ часовъ, что въ невинности разума ежеминутно подносятъ они къ глазамъ своимъ, не понимая рокового значенія вѣчно движущейся и вѣчно къ своему мѣсту возвращающейся стрѣлки; и каждый изъ нихъ чувствуетъ это, но въ странномъ ослѣпленіи увѣряетъ, что онъ совершенно свободенъ и движется впередъ. Подобно глупой птицѣ, которая бьется до истощенія силъ о прозрачную стеклянную преграду, не понимая, что ее удерживаетъ, эти люди безпомощно бьются о стѣны своей стеклянной тюрьмы“... И если уже додумались до того, что время необходимо раздѣлить на минуты, что пространство необходимо разбить на сантиметры“, то надо, наконецъ „справиться съ вѣчностью, надѣвъ на нее желѣзную рѣшетку.“ И только когда люди поймутъ „что свободы нѣтъ, что свободы не нужно“, люди станутъ истинно счастливы. И въ грезахъ своихъ тотъ же герой видитъ уже „иную величественную тюрьму и прекрасныхъ тюремщиковъ съ бѣлыми крыльями за спиною, и г. главнаго начальника тюрьмы; не помню, были ли тамъ окошечки на двери или нѣтъ, но кажется, что были: мнѣ помнится что-то вродѣ ангельскаго глаза, съ нѣжнымъ вниманіемъ и любовью прикованнаго ко мнѣ“. Такъ разсуждаетъ человѣкъ, сломавшій въ себѣ бунтъ хаоса и стремленій къ свободѣ, замкнувшій въ тюрьму своего человѣка-звѣря. Анархія смѣнятся тираніей. Человѣкъ идетъ въ добровольное рабство...

VII.

„СВЕРХЪ-ЧЕЛОВѢКЪ“

Противопоставивъ тюрьму естественному человѣку, Л. Андреевъ пришелъ къ тому же выводу, къ которому пришли и учители естественнаго права. Но оцѣнка его стѣны и рѣшетки иная, чѣмъ была у нихъ. Нашъ поэтъ рисуетъ свой status politicus въ высшей степени отрицательными чертами. Этимъ самымъ русскій идеологъ индивидуализма, казалось бы, ставитъ себя въ совершенно безвыходное положеніе. На почвѣ индивидуализма какъ будто никакого выхода нѣтъ. Передъ идеологій либерализма раскрывается пропасть, которую ничѣмъ заполнить нельзя, и если нашъ поэтъ желаетъ идти дальше, то на первый взглядъ должно представиться, что, только перейдя на рельсы другого міросозерцанія или принявъ вѣру въ человѣка-бога, онъ можетъ найти единственный путь къ дальнѣйшей стадіи своего развитія.

И дѣйствительно, нашъ поэтъ отказывается отъ путей стараго индивидуализма. Онъ исчерпалъ это міровоззрѣніе отъ начала до конца и пришелъ въ безвыходный тупикъ. Однако, у Л. Андреева оказался и спаситель. Такую роль сыгралъ въ его поэтической идеологіи никто другой какъ Ницше. Подобное утвержденіе можетъ показаться въ высшей степени страннымъ. Какъ извѣстно, Ницше является въ общемъ мнѣніи представителемъ аристократизма и при томъ на расовой подкладкѣ. Возможно ли совмѣстить философію расоваго превосходства съ основами индивидуалистическаго міросозерцанія? И если даже понимать философію Ницше въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ ее

понималъ, а именно въ видѣ апоѳеоза истиннаго сверхъ-человѣка, аристократа земли, совершеннѣйшаго созданія не только въ тѣлесномъ, но и высоко духовномъ смыслѣ, то спрашивается, какъ возможно примирить такую исключительную божественную личность съ массовымъ индивидомъ современнаго общества?

Однако же, подобное примиреніе совершается очень легко. Стоитъ только продолжить до конца принципъ индивидуализма съ его борьбою всѣхъ противъ всѣхъ. Какъ мы знаемъ, въ его основѣ лежитъ свободная конкуренція на почвѣ захвата власти, почета и довольства. Въ борьбѣ побѣждаютъ сильнѣйшіе, и это естественно, а слѣдовательно справедливо. Предполагается, что всѣ настолько сильны, что не можетъ быть рабства, и никто настолько не силенъ, чтобы поработить себѣ всѣхъ. Но именно сила есть орудіе всеобщей борьбы и наиболѣе сильный является въ ней побѣдителемъ. Всѣ должны быть такими побѣдителями, всѣ должны быть сильными. Никто не долженъ безмѣрно превосходить другихъ, но превосходство — принципъ жизни, основная, всеобщая цѣль. И у системы индивидуализма есть своя аристократія, это побѣдители. Всѣ могутъ во всеобщей конкуренціи добиться побѣднаго вѣнца, онъ всѣмъ открытъ, всѣмъ доступенъ. Но не всякій можетъ фактически имъ овладѣть. И тѣ, кто его добыли, это „лучшіе“ среди механически организованнаго общества, гдѣ все измѣряется цифрами и количествомъ и ничто — качествомъ. Конкурренція создаетъ аристократію. До конца идущій утилитаризмъ, говоритъ Д. Койгенъ, воспиталъ жесткую совѣсть, полное отсутствіе жалости по отношенію къ ближнимъ ради матеріальнаго богатства... И съ соціальной точки зрѣнія образовался изъ бюргерства классъ, который находитъ свое наслажденіе не только въ непосредственно матеріальной пользѣ, но въ мощи и блескѣ,

въ господствѣ и превосходствѣ. Родилась крупная буржуазія и ей слѣдовала по пятамъ мораль господъ съ жестокой „господской совѣстью“. „И я, говоритъ Д. Койгенъ, ничего не могу подѣлать съ тѣмъ, что какъ разъ величайшій ненавистникъ буржуазныхъ манеръ, Фридрихъ Ницше, отдалъ свой титаническій языкъ, все свое лучшее на то, чтобы крестить новаго младенца нашей культуры. Конечно, поклонникъ Прометея подъ своей моралью господъ подразумѣвалъ нѣчто совсѣмъ другое. Однако... съ Ницше случилось не лучше, чѣмъ въ свое время съ Руссо. Какъ никакъ, а это былъ именно Ницше, который вычеканилъ о жизни суровое слово: «сама жизнь — писалъ онъ въ одной главѣ, которая удивительнымъ образомъ носила заглавіе „что благородно“ — сама жизнь есть по существу захватъ, поврежденіе, насильство надъ слабѣйшими и чужими, угнетеніе, жестокость, принудительное навязываніе собственныхъ формъ, присвоеніе и по крайней мѣрѣ эксплоатація.“ Ницше „думалъ этимъ новымъ словомъ поразить весь міръ, и однако же этотъ послѣдній давно уже влачитъ свое существованіе по этому рецепту и при томъ въ высокой степени. Бюргерски-аристократическій образъ жизни торжествуетъ свой тріумфъ, а грезы цезаризма начинаютъ свое господство среди новыхъ феодаловъ общества такъ же, какъ въ проявленіи активности каждаго изъ насъ.“ И Д. Койгенъ сравниваетъ здѣсь Ренана съ Ницше: „вѣдь для перваго, такъ же какъ и для второго, высшая имманентная роль исторіи, а съ нею и природы состоитъ въ созданіи боговъ, высшихъ существъ, которымъ должны служить всѣ остальныя существа. Дарвиновская теорія половаго подбора достойно завершаетъ систему индивидуалистическаго аристократизма; она является основой „аристократической морали“ *).

*) Д. Койгенъ, в. н. е. 674, 675, 676.

Л. Андреевъ не принялъ ницшеанства въ его соціальныхъ выводахъ съ его идеаломъ аристократіи, гдѣ надъ массами кули властвуютъ сверхъ-человѣки. Но самый образъ сверхъ-человѣка явился для Андреева истиннымъ спасеніемъ. Пользуясь этимъ идеальнымъ настроеніемъ, нашъ поэтъ могъ спокойно отвергнуть всѣхъ прочихъ индивидовъ съ ихъ звѣриной природой и созданными ими стѣною и звѣринцемъ. Сплошное огульное осужденіе современнаго человѣка съ его нынѣшней культурой благодаря „сверхъ-человѣку“ не поставило нашего художника въ сколько-нибудь тяжелое положеніе. Онъ счастливо избѣгнулъ, благодаря Ницше, и Сциллы и Харибды. Во-первыхъ, онъ избавился отъ Сциллы безпросвѣтнаго отчаянія и пессимизма. Нарисовавъ намъ самыми мрачными, отчаянными чертами жизнь человѣка, онъ противопоставилъ ему великолѣпнаго сверхъ-человѣка, и тѣмъ сохранилъ намъ надежду на лучшее будущее. Съ другой стороны Л. Андреевъ не подпалъ и Харибдѣ соціализма съ его вѣрой въ человѣка, съ демократическимъ инстинктомъ, «моралью рабовъ» и планами радикальнаго преобразованія общества. Этимъ Андреевъ спасъ свои индивидуалистическія начала, идеологію естественнаго и механическаго общества.

Но, съ другой стороны, Л. Андреевъ не провелъ ницшеанскаго принципа до конца, его сверхъ-человѣкъ будетъ существовать безъ кули и какихъ бы то ни было рабовъ; въ худшемъ случаѣ онъ явится сразу и населитъ землю, но предварительно очиститъ ее святымъ огнемъ отъ всѣхъ человѣковъ съ ихъ ложью, трусостью и преступленіемъ. Андреевскій сверхъ-человѣкъ не подчиняетъ себѣ человѣковъ, но живетъ съ ними или истребляетъ ихъ. Во всемъ остальномъ Андреевъ слѣдуетъ Ницше. Опрощаетъ его философію и приспособляетъ ее къ русской современности. Къ этому, впрочемъ, были и достаточныя основанія. Кто другой, какъ не Заратустра такъ страшно громилъ

современное мѣщанство? У кого, какъ не у Ницше могъ заимствовать Андреевъ наиболѣе яркія краски для картинъ низости и лжи, трусости и злобы, жалкихъ и вмѣстѣ гнусныхъ „филистимлянъ“. Гдѣ, какъ не въ философіи отшельника вершинъ индивидъ, оставаясь атомомъ, становится другомъ „дальнихъ“, подчиняясь судьбѣ возвышается до „закона вѣчнаго возвращенія“, а изъ хаоса скотства создаетъ сверхъ-человѣческій міръ радостной и свободной стихіи? И для того, чтобы понять положительную сторону Андреевской идеологіи во-истину мы должны обратиться къ Ницше, и у него искать ключъ къ истиннымъ героямъ русскаго поэта современности.

Задолго до Л. Андреева великій философъ заклеймилъ современнаго человѣка, эту чернь, этихъ ядовитыхъ мухъ ярмарочной грязи, этихъ существъ, которые остановились на пути отъ червя къ человѣчеству, которыя были когда то обезьянами, но и теперь еще, остались болѣе обезьянами, чѣмъ какая-либо другая обезьяна. Въ послѣднемъ человѣкѣ Ницше рисуетъ намъ завершеніе современнаго человѣчества, словно въ единомъ и страшномъ центрѣ. „Смотрите, говоритъ Заратустра, вотъ я покажу вамъ послѣдняго человѣка“ —„что такое любовь? Что такое творчество? Что такое тоска? Что такое звѣзда?—Такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ глазами. И земля стала маленькой и подпрыгиваетъ на ней послѣдній человѣкъ, который все дѣлаетъ маленькимъ. Родъ его неистребимъ, какъ земляная вошь; послѣдній человѣкъ живетъ дольше всѣхъ. —„Мы нашли счастье“—говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ глазами. Они оставили мѣстности, гдѣ было трудно жить: вѣдь нужно потеплѣе. Здѣсь любятъ еще сосѣда и трутся объ него, вѣдь нужно потеплѣе. Быть больнымъ, быть недовѣрчивымъ считается грѣхомъ: сюда входятъ съ осторожностью. Глупецъ, кто еще спотыкается о камни или

людей! Немножко яду время отъ времени: это даетъ пріятные сны. И много яду наконецъ, чтобы съ пріятностью умереть. Еще работаютъ, но работа стала развлеченіемъ. И заботятся, чтобы это развлеченіе не утомляло ихъ... Никакихъ пастырей и единое стадо! Каждый хочетъ того же самаго и каждый какъ другой: кто чувствуетъ иначе, тотъ идетъ добровольно въ сумасшедшій домъ. „Нѣкогда весь свѣтъ былъ безумнымъ“—говорятъ утонченнѣйшіе и моргаютъ. Стали умными и все знаютъ, что было: не имѣютъ конца для насмѣшекъ. Еще ссорятся, но быстро мирятся—иначе разстроится желудокъ. Имѣютъ наслажденьице для дня и наслажденьице для ночи: однако берегутъ здоровье. „Мы изобрѣли счастье“, говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ...“ Таковы люди, закончившіе свою судьбу, окончательно усмиренные, благонравные полуобезьяны, полу-черви. Но у Заратустры находимъ мы и теперешнихъ людей въ полномъ блескѣ ихъ низости и позора.

Характеристику большого города даетъ живущій въ немъ шутъ, каррикатура Заратустры: „здѣсь большой городъ, говоритъ онъ мудрецу, здѣсь тебѣ нечего искать, здѣсь все потеряешь. Почему желаешь ты барахтаться въ этой тинѣ? Пожалѣй свои ноги! Лучше плюнь на городскія ворота и—поворачивай прочь! Здѣсь адъ для мысли отшельника: великія мысли здѣсь обваривають живыми и кипятятъ въ кашу. Здѣсь загнивають всѣ великія чувства: только крохотныя, высохшія, какъ дерево, чувствица могутъ здѣсь стучать! Развѣ ты не обоняешь запаха отъ боенъ и салотопенъ убитаго духа! Развѣ не стоитъ въ городѣ туманъ отъ испареній зарѣзаннаго духа? Развѣ ты не видишь душъ, которыя висятъ, какъ вялыя грязныя тряпки?... Развѣ ты не слышишь, какъ духъ становится здѣсь словесною игрою? Его рветъ здѣсь отвратительною словесною хулою. Они травятъ другъ друга и не знаютъ

зачѣмъ. Они разгорячаютъ другъ друга и не знаютъ почему. Они бренчатъ своей жестью, они звенятъ своимъ золотомъ. Они холодны и ищутъ тепла у огненной воды; они разгорячаются и ищутъ прохлады у замороженнаго духа; всѣ они всасываютъ и жаждутъ публичныхъ мнѣній. Всѣ похоти и пороки здѣсь у себя дома, но здѣсь есть и добродѣтельные, много зачисляемой на службу и зачисленной добродѣтели:— много прикомандированной добродѣтели съ пальцевыпрямителями и твердой говядиной для сидѣнья и ожиданья, благословенной маленькими звѣздами на груди и набитыми сѣномъ, худосочными дочерьми. Здѣсь также много благочестія и много правовѣрнаго вылизыванія плевковъ и выпеченнаго подхалюзничества передъ богомъ воинства. „Съ верховъ“ каплетъ то звѣздочка, то милостивое плюновеніе; кверху вождѣлѣетъ здѣсь всякій лишенный звѣздъ обшлагъ. Мѣсяцъ имѣетъ свой дворъ и дворъ имѣетъ своихъ мѣсячныхъ телятъ; ко всему, однако, что приходитъ отъ двора, молится нищій народъ и всѣ прикомандированныя нищенскія добродѣтели... Однако мѣсяцъ вращается вокругъ всего земного: такъ и князь обращается вокругъ всего самаго наиземного: а это — золото торгашей. Богъ воинствъ, конечно, не богъ денежныхъ мѣшковъ, но князь думаетъ, а торгашъ направляетъ!... Вся кровь течетъ здѣсь по жиламъ гнойная, тепловатая и пѣнистая: наплюй на большей городъ, который представляетъ собой большую клоаку, гдѣ спѣнивается вся гнилая кипень! Наплюй на городъ вдавленныхъ душъ и узкихъ грудей, острыхъ глазокъ, липкихъ пальцевъ, на городъ назойливыхъ, безстыдныхъ, писакъ и горлановъ, перегрѣтыхъ честолюбій—гдѣ все зараженные, опозоренные, похотливые, мрачные, перезрѣлые, опухшіе и предательскіе«. И эти слова „обезьяны Заратустры“ подтверждаетъ самъ отшельникъ вершинъ: въ своей харак-

теристикѣ подлой черни онъ говоритъ о ней совершенно въ томъ же духѣ. „Когда и чернь пьетъ, нечистая, она грязнитъ всѣ источники жизни, похотливая и грязная, она отравляетъ и слова; гаснетъ пламя, когда ложатся на ней сырыя сердца черни, и самъ духъ начинаетъ гадить и коптить, какъ только прикоснется къ нему чернь; гніетъ въ рукахъ черни плодъ, и сохнетъ подъ ея взорами фруктовое дерево. Всюду несетъ она съ собой торгашество и мошенничество, и скверно пахнутъ вчера и сегодня по словамъ пишущей черни».

Въ другихъ мѣстахъ Заратустра, не иначе характеризуетъ всѣхъ этихъ лишнихъ и ненужныхъ, всѣхъ этихъ „ближнихъ“, которые строютъ себѣ тюрьму изъ лживой морали и рабскихъ чувствъ, чтобы просуществовать въ своемъ звѣрскомъ обезьяньемъ видѣ безъ непріятности и помѣхи: „чужды и презрѣнны мнѣ люди настоящаго“, говоритъ Ницше, „изгнанъ я изъ страны отцовъ и матерей моихъ“... „ненавистны мнѣ всѣ, для которыхъ есть только одинъ выборъ: быть злыми звѣрями или злыми укротителями звѣрей; близъ такихъ людей я не сталъ бы строить себѣ хижину“. Эти люди создаютъ и свою мораль и своихъ идоловъ; „ихъ добродѣтель должна быть оплоченной“; „а печаль моя гласитъ, говоритъ Заратустра, добродѣтельнымъ, въ глубь вещей волгали вы награду и наказаніе, а теперь еще и въ глубь вашихъ душъ, о, добродѣтельные!.. Вы будто бы любите вашу добродѣтель, какъ мать любитъ свое дитя; но гдѣ было слыхано, чтобы мать требовала уплаты за свою любовь?... Но есть такіе, добродѣтель которыхъ это—судорога отъ удара кнутомъ; у другихъ добродѣтель—это гніеніе ихъ пороковъ, и только, когда ваша ненависть и ваша зависть выпрямляютъ свои члены, оживляется ваша „справедливость“ и протираетъ свои заспанные глаза“; у иныхъ, чѣмъ больше они погрязаютъ въ

низости, тѣмъ больше жажды Бога", для нихъ „Богъ и добродѣтель и есть то, чѣмъ они никогда не бываютъ". У многихъ добродѣтель—это препятствіе и камень на дорогѣ, у многихъ—это ежедневно заводимые часы „тикъ-такъ". „Вашей добродѣтелью вы хотите выцарапать глаза вашимъ врагамъ, вы подымаетесь только затѣмъ, чтобы унизить другихъ". И еще больше такихъ, которые говорятъ „добродѣтель необходима", но на самомъ дѣлѣ, полагаютъ, что необходима полиція"; „О, еслибъ, восклицаетъ Заратустра, ваша добродѣтель была вы сами, а не нѣчто чужое, не кожа, не покрышка!" „О еслибы вы сами были въ вашемъ одѣяніи такъ же, какъ мать въ своемъ ребенкѣ"! И когда добродѣтель достигаетъ своего высшаго проявленія и провозглашаетъ свое самоотреченіе, свою любовь къ ближнему, свое непротивленіе злому, она создаетъ того „трусливаго", который „никогда не хочетъ защищаться, кто молча проглатываетъ ядовитую слюну, злые взгляды, слишкомъ терпѣливый, все выносящій, всему покоряющійся", человѣкъ „рабской породы"; эта порода „раболѣпствуетъ передъ богами и божественными пинками" „передъ людьми и вздорными людскими мнѣніями". „Рабьи мигающіе глаза" и „сдавленныя сердца" характеризуютъ эту лживую податливую породу, которая „цѣлуетъ широкими трусливыми губами"...

Завершеніемъ лжи и рабства у людей естественно является государство, этотъ „новый идолъ"—по словамъ Ницше. „Государствомъ называется самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ, говоритъ Заратустра, и оно, холодное, лжетъ; и эта ложь ползетъ изъ его устъ: „Я, государство—есть народъ". Ложь это! Творцами были тѣ, кто создали народы, надъ ними поставили они вѣру и любовь: они служили жизни. Истребители ея тѣ, кто ставятъ капканы для многихъ и называютъ это государствомъ: они ставятъ надъ нимъ мечъ и сотни соблазновъ; государство лжетъ на

всѣхъ языкахъ о добрѣ и злѣ; а что говоритъ оно, оно лжетъ—и что оно имѣетъ—оно украло. И все въ немъ лживо: оно кусаетъ украденными зубами, оно, кусающееся. Поддѣлана и вся его середина". Оно исполнено „волею къ смерти". Само оно изобрѣтено для „лишнихъ", для „слишкомъ многихъ", и оно схватываетъ ихъ и „жуетъ и опять пережевываетъ". „Ничего нѣтъ высшаго на землѣ, чѣмъ я"—„рычитъ чудовище, и не только одни длинноухіе и коротконглазые падаютъ передъ нимъ на колѣни"... „Государствомъ" называетъ Заратустра „гдѣ всѣ упиваются ядомъ, и хорошіе и дурные: государствомъ, гдѣ всѣ теряютъ самихъ себя, и добрые и злые: государствомъ, гдѣ медленное самоубійство всѣхъ называется „жизнью". Посмотрите на этихъ излишнихъ... они проглатываютъ другъ друга и не могутъ проглоченнаго переварить—они пріобрѣтаютъ сокровища и становятся все бѣднѣе. Они желаютъ власти, но прежде всего ломаннаго желѣза власти—много золота, эти неимущіе! Посмотрите, какъ они карабкаются, эти быстрыя обезьяны! Они карабкаются другъ черезъ друга и срываются въ грязь и припасть къ трону хотятъ эти обезьяны... Сумасшедшіе для меня эти всѣ—и карабкающіяся обезьяны, и разгорѣвшіеся не въ мѣру. Вонь идетъ отъ ихъ идеала, холоднаго чудовища: вонь идетъ отъ нихъ всѣхъ вмѣстѣ, идолослужителей. Братья мои... уходите прочь отъ испареній этихъ человѣческихъ жертвъ!" „Только тамъ, гдѣ кончается государство, впервые начинается человѣкъ, который не является лишнимъ".

Такъ говоритъ Заратустра, и также вслѣдъ за нимъ говорилъ и нашъ поэтъ, идеологъ индивидуализма. И никто другой, какъ Ницше даетъ Андрееву и своего сверхъ-человѣка. Этотъ сверхъ-человѣкъ одинъ можетъ вывести Леонида Андреева изъ тупика, такъ какъ одинъ онъ есть опять таки индивидъ, высшая ступень развитія человѣка отъ обезьяны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

тѣлесный, земной, естественный индивидъ, послѣдній сынъ великой творящей природы.

Въ высшей степени интересно отмѣтить тѣ черты, которыя сближаютъ ницшеанскаго сверхъ-человѣка и естественнаго человѣка индивидуализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Л. Андреева. Въ построеніи сверхъ-человѣка Ницше слѣдуетъ въ сущности тому-же методу, которому слѣдовали проповѣдники разума и природы. И если что-нибудь цѣнитъ современномъ въ человѣкѣ Заратустра, то это именно то, что въ немъ пока еще уцѣлѣлъ хаосъ: „и говорю я вамъ, нужно имѣть въ себѣ хаосъ для того, чтобы мочь родить въ себѣ танцующую звѣзду. И говорю я вамъ, хаосъ пока еще въ васъ“; только въ презрѣннѣйшемъ послѣднемъ человѣкѣ умретъ хаосъ, а съ нимъ вмѣстѣ и возможность возрожденія: „увы приближается время, когда человѣкъ не будетъ больше въ состояніи родить звѣзды... Когда человѣкъ не будетъ больше въ силахъ послать надъ человѣкомъ стрѣлу своего томленія“ Но теперь еще время не ушло, и мудрецъ съ полнымъ сознаніемъ говоритъ: „тѣло я весь и цѣликомъ и ничто кромѣ тѣла; душа это только слово для чего-то въ тѣлѣ. Тѣло есть единый разумъ, множество съ единымъ смысломъ, война и миръ, стадо и пастырь. Только орудіе твоего тѣла, о братъ мой, твой маленькій умъ, который ты называешь „духомъ“, маленькій инструментъ и вмѣстѣ игрушка твоего великаго разума. „Я“, говоришь ты, и гордъ этимъ словомъ, но еще выше, что ты не хочешь вѣрить—твое тѣло и его великій разумъ: онъ не говоритъ „я“, но дѣлаетъ „я“:... Орудія и игрушки и смыслъ и духъ, а за ними лежитъ еще само. Само ищетъ глазами смысла, слушаетъ ушами духа. Всегда слушаетъ само и ищетъ, сравниваетъ, вынуждаетъ, покоряетъ, разрушаетъ. Оно господствуетъ, и есть господинъ „я“. За твоими мыслями и чувствами, братъ мой, стоитъ мощный повелитель, невѣдомый мудрецъ—онъ

называется само. Въ твоемъ тѣлѣ онъ живетъ, онъ и есть твое тѣло".

И если есть у человѣка истинныя добродѣтели, то какъ разъ рождаются онѣ изъ человѣческихъ страстей. Отвергая законъ Бога, мнѣніе и постановленія людей, велѣнія нужды, рай и адъ, Ницше говоритъ: „это земная добродѣтель, которую я люблю, мало въ ней разсудительности, но еще меньше разума всѣхъ. Но эта птица свила у меня свое гнѣздо и сидитъ у меня на своихъ золотыхъ яичкахъ... Невыразимо и безымянно то, что создаетъ муку и радость души моей, что даетъ голодъ моей внутренности". „Когда то ты имѣлъ страсти и называлъ ихъ злыми. Теперь же у тебя лишь твои добродѣтели: онѣ выросли изъ твоихъ страстей. Ты положилъ на сердце твоихъ страстей твою высшую цѣль: и они стали добродѣтелями твоими и твоей радостью... Такъ, всѣ твои страсти стали добродѣтелями и всѣ твои черти стали ангелами". И не уничтоженія страстей требуетъ творецъ Заратустры, напротивъ того, свободнаго ихъ развитія и борьбы другъ съ другомъ, свободной войны въ душѣ человѣка: братъ мой, развѣ дурны война и битва, но нужно это зло, необходимы и зависть, недовѣріе и клевета между твоими добродѣтелями". Только этимъ путемъ воспитывается сверхъ-человѣкъ. И то, что люди больше всего проклинаютъ, тѣ страсти, которыя наиболѣе присущи земному, естественному человѣку, изъ нихъ и получится въ концѣ концовъ свѣтлая и свободная страсть сверхъ-человѣка. „Сладострастіе" „для сволочи медленный пламень, на которомъ сгораетъ она; червивому дереву, грязнымъ отрепьямъ—плавильная, до бѣла раскаленная печь... Для свободныхъ сердецъ невинное и свободное—рай счастья земного; восторгъ благодарности всѣхъ будущихъ временъ къ настоящему". И то же повторяется съ властолюбіемъ; для однихъ это „землетрясеніе, ломающее и сламывающее

все дуплистое и гнилое; гремящій, грохочущій, наказывающій истребитель поваленныхъ гробовъ“ Передъ нимъ человѣкъ становится ниже „свиньи и змѣи“. Но та же страсть становится „дарящей добродѣтелю“, она „достигаетъ высотъ, разгораясь подобно любви“, которая чарующе рисуетъ „пурпуръ блаженства на земномъ небѣ“. И какъ вѣнецъ, „себялюбіе, святое, здоровое себялюбіе, вытекающее изъ могучей души:—изъ могучей души и принадлежащаго ей мощнаго тѣла, прекраснаго, бодраго, побѣдоноснаго, которому все окружающее будетъ служить отраженіемъ и зеркаломъ:—стройное, гибкое тѣло, исполненное веселья,—образъ души своей.“ Самонаслажденіе такихъ тѣлъ и душъ само себя называетъ „добродѣтелью“. Итакъ, естественный человѣкъ, здоровый и нормальный выростаетъ въ сверхъ-человѣка; съ нимъ происходитъ какъ съ деревомъ на горѣ: „чѣмъ больше стремится онъ въ высоту и къ свѣту, тѣмъ крѣпче въ землю вонзаются его корни, внизъ, въ темное, въ глубокое и—въ злое“...

Ученіе Ницше даетъ Л. Андрееву прекрасный исходъ. Человѣкъ-звѣрь остается по прежнему звѣремъ, но изуродованное естество должно выпрямиться и подняться, отбросить рѣшетку, перерасти стѣны. Оставаясь вмѣстилищемъ страстей, сохраняя прежняго таинственнаго хозяина своего, человѣкъ долженъ стать, говоря терминомъ Ницше, мостомъ отъ человѣка къ сверхъ-человѣку,твореніемъ, въ которомъ прекращается шипѣніе ядовитыхъ змѣй. Изъ лгущаго, „блѣднаго преступника“ онъ долженъ стать свободнымъ и сильнымъ человѣкомъ—будущаго. Погибнуть должно все робкое и трусливое, жалкое и смиренное, вздыхающее и озабоченное. И у русскаго поэта въ цѣломъ рядѣ его произведеній находимъ мы образъ сверхъ-человѣка. Какъ разъ этотъ образъ поражаетъ жалкаго и серьезнаго Сергѣя Петровича: взошло „полуночное, печальное солнце, и не картину радости освѣтило оно,

а холодную мертвенно-печальную картину. Но все же то былъ свѣтъ, и онъ обрадовался свѣту, какъ никогда и ничему не радовался въ жизни". И герой разсказа какъ разъ оцѣниваетъ философію Ницше съ точки зрѣнія индивидуализма. Это слова Новикова, „что Ницше скакнулъ на тысячу верстъ впередъ со своимъ основнымъ тезисомъ индивидуализма—„я хочу". — Такъ стало передъ бѣднымъ студентомъ видѣніе сверхъчеловѣка, того непостижимаго, но человѣческаго существа, которое осуществило всѣ заложенныя въ него возможности и полноправно владѣетъ силою, счастьемъ и свободою. Странное то было видѣніе. Яркое до боли въ глазахъ и сердцѣ, оно было смутно и непосредственно въ своихъ очертаніяхъ; чудесное и непостижимое, оно было просто и реально". Замѣчательно, что и въ „Дняхъ нашей жизни", гдѣ въ значительной степени мы находимъ автобіографическія данныя о жизни поэта, тоже идетъ разговоръ о Ницше, который, очевидно, занималъ мысль Андреева еще на студенческой скамьѣ.

Черты сверхъ-человѣка находимъ мы разбросанными и въ нѣкоторыхъ мелкихъ разсказахъ. Николай, въ разсказѣ „Въ темную даль" изображается чертами, заимствованными несомнѣнно у Ницше: „Было въ немъ что то странное, не поддающееся опредѣленію. Высокимъ ростомъ, гордымъ поворотомъ головы, пронзительнымъ взглядомъ черныхъ глазъ изъ-подъ крутыхъ выпуклыхъ бровей, онъ напоминалъ молодого орла. Дикостью и свободой вѣяло отъ его прихотливо разметавшихся волосъ; трепетной граціей хищника, выпускающаго когти, дышали всѣ его движенія, увѣренныя, легкія, безшумныя, и руки безъ колебаній находили и брали то, что имъ нужно. Словно, не сознавая неловкости своего положенія, онъ смотрѣлъ въ глаза каждому глубоко и спокойно, но даже и въ ту минуту, когда взглядъ былъ ласковъ, въ немъ чуди-

лось что то затаенное и опасное, что видится всегда въ глазахъ ласкающаго хищника. И говорилъ онъ повелительно и просто, видимо, не обдумывая своихъ словъ, точно это были не ошибающіеся, невольно лгущіе звуки человѣческой рѣчи, а непосредственно звучала сама мысль. Чувство раскаянія не могло имѣть мѣста въ душѣ такого человѣка". И этотъ сверхъ-человѣкъ естественно оказывается не только чуждымъ, но и недосягаемо высшимъ въ родной семьѣ, гдѣ онъ временно отдыхаетъ; онъ говоритъ „мало" и слушаетъ другихъ съ какимъ то высокомѣрнымъ равнодушіемъ, самъ онъ точно прислушивается къ чему-то далекому, важному и одному ему слышному", онъ разноситъ „холодъ по всему своему пути" и заставляетъ „людей думать о себѣ такъ, точно они сейчасъ совершили что то очень нехорошее и даже преступное, и ихъ будутъ судить и наказывать", стоитъ онъ вообще „особнякомъ", какъ что-то „чужое и враждебное", даже предметы произведенія искусства теряютъ свою условную душу отъ одного прикосновенія Николая, и остается „только ненужный кусокъ бронзы или глины". И это неудивительно, Николай „ненавидитъ" всю „нашу жизнь", онъ нашелъ „лучшее", онъ долженъ уйти отъ людей. И онъ уходитъ...

Ницшеанскими опредѣленіями часто говоритъ и др. Керженцевъ въ „Мысли", ницшеанскими „цвѣтами и пѣснями", „пѣснями и цвѣтами" заканчиваетъ въ поэмѣ „Красный смѣхъ" помѣшанный офицеръ свою страшную повѣсть. О сверхъ-человѣкѣ мечтаетъ и Савва въ пьесѣ того же имени, когда говоритъ о новой породѣ людей: «Дрянь, дядя, пропадетъ, обращается онъ къ Кондратію, глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь, какъ скорлупа для рака. Пропадутъ тѣ, кто вѣритъ, у нихъ отнимется вѣра. Пропадутъ тѣ, кто любитъ старое,—у нихъ все отнимется. Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой: покоя,

дядя, не будетъ на землѣ! Останутся только свободные и смѣлые, съ молодой и жадной душой, съ ясными глазами, которые обнимаютъ міръ... Будутъ люди лучше, свободнѣе, веселѣе. И свободные отъ всего, голые, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь, гдѣ можно будетъ дышать человѣку.“ Освободить Савва хочетъ землю для сверхъ-человѣка, „люди превратили землю въ помойную яму, въ бойню, въ жилище рабовъ“, которые „грызутъ другъ друга“, „освободить мысль“, „освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую болтающую тварь! Онъ, теперешній, умный, онъ уже готовъ для свободы, но прошлое ѣстъ его душу, какъ короста, замыкаетъ его жизнь въ желѣзный кругъ совершившагося, фактовъ“. „Я только посланный, говоритъ о себѣ Савва сестрѣ, пославшій же меня... безсмертенъ, не я, такъ другой, а вашему міру придется худо. Сочтены дни его и часы его измѣрены“...

Въ пьесѣ „Къ звѣздамъ“ астрономъ Сергѣй Николаевичъ противопоставляетъ сверхъ-человѣка современному человѣку; у послѣдняго „мысль рождена птицей могучей и свободной царицею пространствъ, а онъ связалъ ей крылья и посадилъ ее въ птичникъ—съ проволочными, безстыдно лгущими стѣнами. И небо сквозь сѣтку только дразнитъ ее, и она ссорится съ другими птицами, тупѣетъ, становится глупой—вмѣсто того, чтобъ летать... И когда пойметъ это человѣкъ, ему станетъ радостно жить, какъ греку, какъ язычнику. Явятся снова дріады и нимфы, и эльфы запляшутъ въ лунномъ свѣтѣ... Человѣкъ будетъ ходить по лѣсу и разговаривать съ деревьями и цвѣтами. Онъ никогда не будетъ одинъ, ибо все живетъ“... „Человѣкъ, который хоть разъ услышалъ, какъ поютъ звѣзды, становится „Сыномъ вѣчности“... такъ когда-нибудь назовется человѣкъ“. И такимъ въ этой же

пьесѣ выступаетъ передъ нами „Николай“,—„такой энергичный, такой смѣлый“. „Какъ въ немъ, восклицаетъ астрономъ, все гармонично и стройно, какъ нѣжно и сильно! Это прекрасный образецъ человѣка мужественнаго, рѣдкая, красивая форма, которую природа разбиваетъ, чтобы не было повтореній... Онъ плѣнителенъ, какъ юный Богъ, въ немъ какія-то чары, противъ которыхъ нельзя устоять. Онъ напоминаетъ мнѣ звѣздное небо передъ зарею“...

Поистинѣ дивными чертами рисуетъ Л. Андреевъ своего человѣка—будущаго, сверхъ-человѣка, въ „Семи повѣшенныхъ“, гдѣ въ реальной фигурѣ Вернера нашелъ нашъ поэтъ живое содержаніе для ницшеанской формы: здѣсь у присужденнаго къ смерти „холоднаго и надменнаго, усталаго и дерзкаго Вернера“ „предъ лицомъ смерти возвращалась, играя, прекрасная юность. И это было больше, чѣмъ прекрасная юность. Съ тѣмъ удивительнымъ просвѣтлѣніемъ духа, которое въ рѣдкія минуты осѣняетъ человѣка и поднимаетъ его на высочайшія вершины созерцанія, Вернеръ вдругъ увидѣлъ жизнь и смерть и поразился великолѣпіемъ невиданнаго зрѣлища... и на одну сторону видѣлъ жизнь, а на другую смерть, какъ два сверкающихъ, прекрасныхъ глубокихъ моря, сливающихся на горизонтѣ въ одинъ безграничный широкій просторъ... и уничтожая стѣны, пространство и время стремительностью всепроникающаго взора, онъ широко взглянулъ куда-то вглубь покидаемой жизни. И новою предстала жизнь... Такъ для человѣка, поднявшагося на воздушномъ шарѣ, исчезаетъ соръ и грязь тѣсныхъ улицъ покинутаго городка, и красотою становится безобразное... И новыми предстали люди, по новому милыми и прелестными показались они его просвѣтленному взору“... И какъ разъ въ это время почувствовалъ Вернеръ себя особенно „легко, радостно и свободно“, и безсознательно выразилъ это во всей своей фигурѣ: „Гордый и власт-

ный отъ природы, никогда еще не принималъ онъ такой гордой, свободной и властной позы, не поворачивалъ шеи такъ, не глядѣлъ такъ, — ибо никогда еще не былъ свободенъ и властенъ, какъ здѣсь, въ тюрьмѣ, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ казни и смерти"... И такимъ же андреевскимъ сверхъ-человѣкомъ идетъ приговоренная къ смерти революціонерка Муся „въ ряды тѣхъ свѣтлыхъ, что извѣка черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу"... и „не хотѣлось ея мысли остановиться на одномъ—какъ легко парящей птицѣ, которой видимы безбрежные горизонты, которой доступны весь просторъ, вся глубина, вся радость ласкающей и нѣжной синевы"... а звуки, доносящіеся извнѣ „склоняются надъ нею, окружаютъ ее прозрачнымъ облакомъ и поднимаютъ вверхъ, туда, гдѣ носятся перелетныя птицы и кричатъ, какъ герольды. Зовутъ, оповѣщаютъ, далеко возвѣщаютъ о полетѣ своемъ. Широко машутъ крылами, и тьма ихъ держитъ, какъ держитъ ихъ свѣтъ"...

Развѣ здѣсь передъ нами не сыны и дочери „безконечности", развѣ это не благовѣстъ ницшеанскаго „великаго полдня"? Сверхъ-человѣкъ воспринятъ Андреевымъ и получилъ у него русское тѣло и душу.

VIII.

ВЕЛИКОЕ ПРЕЗРѢНІЕ.

Найдя своего сверхъ-человѣка, Ницше рисуетъ намъ не только процессъ его роста, но и созданіе новой жизни на блаженныхъ островахъ, гдѣ на сверхъ-людей будутъ работать окончательно обращенные въ животныхъ люди. Андреевъ слишкомъ демократъ для такой аристократіи индивидуализма; его сверхъ-люди будутъ обходиться безъ кули, будутъ работать сами, а слѣдовательно еще болѣе важный вопросъ рождается здѣсь относительно самого свершенія временъ и сроковъ. И по правдѣ сказать, гораздо легче выдѣлить изъ массы человѣковъ сверхъ-человѣка и поставить его надъ ними царемъ, чѣмъ устроить общество, гдѣ были бы всѣ сверхъ-людьми и не осталось бы мѣста ни для боговъ ни для обезьянъ, ни для кули. И Л. Андреевъ снова здѣсь упирается въ проблему соціализма, того міросозерцанія, которое, не порабощая никого, хочетъ вернуть человѣческій образъ трудящимся.

Л. Андреевъ выходитъ изъ затрудненія чисто механическимъ путемъ: онъ въ иномъ видѣ повторяетъ тотъ кругъ, который однажды продѣланъ Руссо. Объявивъ современное человѣчество испорченнымъ, русскій поэтъ противопоставляетъ ему сверхъ-человѣка въ качествѣ здороваго и нормальнаго человѣка разума и природы. Надо механически освободить здоровое естество отъ цѣпей и рѣшетокъ, надо возвратить человѣку его святую стихійность и само собой придетъ новое общежитіе царство равенства и свободы. „Человѣкъ, по теоріи Руссо, удалился отъ своего первообраза такъ, что едва можно узнать въ немъ перво-

бытныя черты. Предаваясь страстямъ и слѣдуя внушеніямъ безумствующаго разума, онъ исказилъ въ себѣ данную ему богомъ природу... Естественный законъ тотъ, который говоритъ непосредственно голосомъ самой природы. Его надобно искать въ началахъ, предшествующихъ разуму". „Состояніе мышленія есть состояніе противоестественное; человѣкъ, который размышляетъ, есть животное развращенное". И если для естественнаго человѣка, свободнаго отъ всякаго уродства и искаженія, возможно установленіе порядка, гдѣ первобытный инстинктъ замѣняется правдою, а стихійная воля пріобрѣтаетъ нравственный характеръ, то это достижимо лишь путемъ перерожденія человѣка и такого договора, по которому новый человѣкъ создастъ новую и вѣчную демократію. Неудивительно поэтому, что какъ разъ перерожденіе земли стало лозунгомъ французской революціи, а побѣдоносные санкюлоты ринулись на спрута абсолютизма въ пылкой надеждѣ открыть путь новому обновленному человѣку.

У Руссо естественный человѣкъ проходитъ три стадіи развитія; съ одной стороны это человѣкъ здоровой, неиспорченной природы, невѣдѣніе гарантируетъ его отъ порока, замѣняетъ ему законъ и принужденіе; у него нѣтъ борьбы, нѣтъ нужды, нѣтъ лишнихъ потребностей и нѣтъ организованнаго общества. Естественные люди это—дѣти, ловкія и гибкія безъ всякихъ орудій, свободныя, безъ сознанія своей свободы, безъ бурныхъ ломающихъ страстей. Но вотъ естественный человѣкъ портится и развращается, появляются собственность и государство, рождается большой городъ—это послѣднее слово культуры. „Большой городъ, говоритъ Руссо, полонъ интригановъ и тунеядцевъ, людей безъ религіи, безъ принциповъ, воображеніе которыхъ испорчено бездѣліемъ, жаждой удовольствій и большими аппетитами, родитъ лишь чудовищное, лишь уродство и вдохновляетъ лишь къ пре-

ступленію... Окрестности столицъ имѣютъ подобіе жизни, но чѣмъ дальше отъ нихъ удаляешься, тѣмъ пустыннѣе видъ. Отъ столицъ идетъ дыханіе чумы, которое безпрерывно подрываетъ и разрушаетъ націю.“ Но человѣкъ Руссо переживаетъ и третью стадію; испорченный онъ возвращается къ первоисточнику жизни, къ своему истинному естеству. Здоровый, нормальный и прекрасный человѣкъ воскресаетъ, словно Антей, коснувшійся земли. И въ новомъ государствѣ Руссо, государствѣ-народѣ, въ государствѣ-обществѣ, въ царствѣ первоначальной свободы и равенства находитъ новый человѣкъ свою родину.

Андреевъ своего человѣка заставляетъ также продѣлать переходъ отъ испорченнаго состоянія къ неиспорченному, отъ человѣка-звѣря, запертаго въ клѣтку, къ человѣку свѣта и стихійной мощи. Но этотъ процессъ Л. Андреевъ заимствуетъ не у Руссо, а у Ницше, у этого солнца на вечернемъ небѣ индивидуализма. И можно отчетливо прослѣдить, какъ возрожденіе человѣка проходитъ у Л. Андреева всѣ великія превращенія ницшеанскаго сверхъ-человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ, у Ницше „духъ обращается въ верблюда, во льва верблюдъ и, наконецъ, въ дитя преображается левъ“. И на первой стадіи превращенія духъ ищетъ труднѣйшаго и тягчайшаго; въ это время онъ издѣвается надъ своею мудростью, уходитъ отъ своей собственной побѣды, заключаетъ дружбу съ глухими, идетъ въ грязную воду и не гонитъ отъ себя горячихъ жабъ и холодныхъ лягушекъ. Въ это время духъ любитъ тѣхъ, кто насъ презираетъ, подаетъ руку привидѣнію, когда оно хочетъ насъ устрашить. И великое презрѣніе является послѣдней стадіей этого періода, ибо „ты будешь для самого себя колдунъ и діаволъ, дуракъ и сомнѣвающійся во всемъ, злодѣй и нечестивецъ. Себя сжечь въ собственномъ пламени долженъ ты желать: какъ могъ бы ты обновиться, не пре-

вратившись раньше въ золу!“ Или, какъ говоритъ Заратустра въ другомъ мѣстѣ „я зналъ одно, что человѣку для его наилучшаго нужно его наихудшее, — и это все самое худшее есть какъ разъ лучшая сила и самый твердый камень для высочайшаго творца“. Отвращеніе къ человѣку, чувство, которое, какъ змѣя, душитъ Заратустру, должно быть пережито и превзойдено, и голова змѣи, заползшей въ глотку мудреца, должна быть имъ раздроблена. „Я люблю, говоритъ Ницше, великихъ въ презрѣніи, такъ какъ они велики и въ благоговѣніи, они—стрѣлы томленія, направленныя къ другому берегу... Созидать хочетъ любящій потому, что онъ презираетъ. Что знаетъ тотъ о любви, кто еще не долженъ былъ презирать какъ разъ то, что онъ любитъ... Ты любишь себя самого, а потому ты презираешь себя, какъ умѣютъ презирать только любящіе.“

У Л. Андреева много разъ повторяется тотъ же мотивъ, и „великое презрѣніе“ даетъ рядъ образовъ для нашего поэта. Уже въ „Мысли“ докторъ Керженцевъ „стоявшій на вершинѣ высокой горы“, человѣкъ, который такъ недавно „былъ еще и великъ, и свободенъ и счастливъ... непобѣдимъ и гордъ въ своемъ замкѣ за этими черепными костями“, „царь надъ самимъ собой“, „царь надъ міромъ“ сознаетъ необходимость новаго превращенія послѣ совершеннаго имъ убійства надъ другомъ. И не потому Керженцевъ желаетъ идти на каторгу, чтобы онъ раскаивался въ убійствѣ, чтобы онъ искалъ „въ карѣ искупленія грѣха“, но онъ хочетъ идти къ людямъ преступнымъ, къ самымъ дурнымъ, убійцамъ, грабителямъ, и у нихъ онъ думаетъ отыскать „невѣдомые ему источники жизни“, „снова стать себѣ другомъ“, погрузиться въ „неизвѣданную бездну“, ибо тамъ онъ можетъ найти то, „другое“, „чего онъ не знаетъ еще и самъ“. Погруженіе въ грязь и ужасъ, познаніе послѣдней человѣческой мерзости

у Л. Андреева принимаетъ подчасъ формы, несомнѣнно напоминающія Ницше, но вмѣстѣ показывающія весьма сильное опрощеніе замѣчательной идеи. И если въ „Красномъ смѣхѣ“ глубины звѣрства и кроваваго безумія приводятъ сумасшедшаго калѣку къ высокому подъему, то нѣсколько иначе совершается это въ другихъ случаяхъ. Въ „Красномъ смѣхѣ“ голову уцѣлѣвшаго офицера осѣнило передъ смертью „вдохновеніе“, „святое вдохновеніе“. „Солнце зажглось въ его головѣ, и горячіе творческіе лучи его брызнули на весь міръ, роняя цвѣты и пѣсни“ „Цвѣты и пѣсни“... Болѣе житейскій характеръ принимаетъ то же явленіе въ другихъ произведеніяхъ нашего автора.

Въ „Безднѣ“ передъ нами совершается процессъ величайшаго паденія человѣка. Юноша присоединяется къ дѣлу злодѣевъ, изнасиловавшихъ его невѣсту. Въ самый моментъ преступленія „на одинъ мигъ сверкающій огненный ужасъ озарилъ его мысли, открывъ передъ нимъ черную бездну. И черная бездна поглотила его“, однако послѣ великаго паденія мы не видимъ здѣсь ни великаго презрѣнія, ни превращенія въ сверхъ-человѣка. Подобный же вызовъ „мерзѣйшему“ мы встрѣчаемъ и въ „Мысли“, гдѣ сынъ насилуетъ любовницу отца, служившую своимъ тѣломъ точно также и сыну, въ тотъ моментъ, когда рядомъ лежитъ трупъ отца. Однако, и здѣсь великое презрѣніе приходитъ значительно позже, и только послѣ убійства. Въ „Дняхъ нашей жизни“ совершаются чрезвычайныя гнусности, облитыя атмосферой сантиментальной терпимости, но ни великаго презрѣнія, ни сверхъ-человѣка не выходитъ. Съ другой стороны въ разсказѣ о „Сергѣѣ Петровичѣ“ безъ всякихъ экстраординарныхъ паденій одно сознаніе гнусности повседневной и пошленькой жизни даетъ такую силу великаго презрѣнія, что хоть на время, предъ самоубійствомъ, Сергѣй Петровичъ становится сверхъ-человѣкомъ: „онъ

ощутилъ въ себѣ независимое и благородное я, которое на мигъ почувствовало себя побѣдителемъ и испытало безмѣрную радость торжества смѣлаго духа, надъ слѣпой и деспотической матеріей... Сергѣю Петровичу казалось, что онъ чувствуетъ въ себѣ мощный ростъ этого я, чувствуетъ, какъ подымается оно въ высь, и громовые раскаты его голоса заглушаютъ жалкій писк тѣла сильнаго только ночью... Въ эту минуту онъ подымается выше геніевъ, королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ — смѣлое, свободное и безсмертное, человѣческое я".

Не у всѣхъ познаніе ужасовъ жизни даетъ толчекъ къ открытію тайны сверхъ-человѣка. Многимъ мѣшаетъ здѣсь вѣра въ Бога или боговъ, дающая иллюзію потусторонней помощи. У иныхъ страданіе, связанное съ сознаніемъ своего паденія вырождается въ особое сладострастіе, въ наслажденіе своимъ собственнымъ горемъ. Вотъ почему съ одной стороны не можетъ открыться видѣніе сверхъ-человѣка Василію Ѳивейскому и Липѣ, съ другой же застываетъ въ своемъ горѣ и царь Иродъ. У Василія Ѳивейскаго есть моментъ, когда онъ, дойдя до предѣла человѣческой муки, послѣ смерти обожженной на пожарѣ жены своей поднялся духомъ своимъ къ невѣдомой высотѣ. Однако здѣсь мы не видимъ свободнаго, гордаго и безсмертнаго я, напротивъ того, если „ужасы сомнѣнія и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человѣка" — „все было повергнуто въ прахъ, вмѣстѣ съ поверженнымъ тѣломъ", то какъ разъ „неизъяснимую близость Бога" почувствовалъ іерей, познавшій Его „въ огнѣ смерти". Не самъ онъ идетъ къ „великому подвигу, къ великой жертвѣ", нѣтъ, это именно Богъ „обратилъ въ пустыню всю жизнь его", чтобы онъ искалъ „новаго и смѣлаго

пути". Избраніе совершилось, но путь этотъ не ницшеанское преодолѣніе уродливой жизни въ идеалѣ прекраснаго сверхъ-человѣка, но чудо, и въ дерзновенномъ опытѣ чудотворенія погибаетъ отецъ Θивейскій. Вотъ почему хоть и видѣлъ Θивейскій въ указанное время, какъ „въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ неясно обрисовывался новый міръ, и онъ уже не былъ землею. Міръ любви, міръ божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданія, голода, болѣзни. Какъ огромный чудовищный брилліантъ сверкалъ этотъ міръ въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ, и больно и страшно было взглянуть на него человѣческими глазами". Но это видѣніе не спасло Θивейскаго, и падаетъ отецъ Василій въ ужасѣ и страхѣ, когда обмануло чудо, и рушится для него весь міръ, „медленно и тяжело клонятся и сближаются стѣны, сползаютъ своды, безшумно рушится высокій куполъ, колышется и гнется полъ—въ самыхъ основахъ своихъ разрушается и падаетъ міръ." Говоря словами Ницше, Θивейскій „большой человѣкъ", но не онъ создаетъ свободнаго и гордаго „человѣка безконечности".

И точно также не можетъ царь Иродъ узрѣть сверхъ-человѣка. На совѣтъ Саввы: „горе, дядя, удушить надо. Сказать себѣ твердо: не хочу горя и не будетъ горя". Нищій по прозванію Иродъ отвѣчаетъ отказомъ, несмотря на то, что онъ по характеристикѣ того же Саввы, человѣкъ „хорошій, сильный" Царь Иродъ дошелъ до великаго презрѣнія, послѣ того, какъ самъ совершилъ страшное преступленіе, убивъ своего собственнаго сына. Убилъ, а затѣмъ окровавленную руку свою самъ въ печкѣ по локоть сжегъ. Послѣ этого стала передъ нимъ вся правда жизни, и увидѣлъ онъ, что все большое маленькимъ сдѣлалось, земля превратилась въ маковую росинку, почернѣли небеса и земля, стали прозрачны черныя человѣческія

души. И говоритъ Иродъ Саввѣ: „будетъ у тебя горе, не ходи ты къ людямъ... Лучше къ волкамъ въ лѣсъ пойди. Сожрутъ сразу, и баста, а эти... видѣлъ я, парень, много плохого, а хуже человѣка ничего не видалъ. Нѣтъ! Говорятъ тоже: по образу, по подобію созданы. Ахъ, сукины дѣти, сукины дѣти! Да развѣ есть у васъ образъ? Да, будь образъ самый махонькій, такъ вы бы отъ стыда, отъ одного на карачкахъ поползли, сукины дѣти“!... И однако же Иродъ при всемъ своемъ познаніи не идетъ дальше своего собственнаго горя. И если „правду онъ узналъ черезъ свое горе“, то, съ другой стороны, то же горе стало наслажденіемъ царя Ирода. „Слаще оно мнѣ меду липоваго, говоритъ Иродъ, крѣпче оно браги хмѣльной“.

Въ лицѣ Іуды изъ Каріота, мы видимъ великое презрѣніе въ качествѣ возрождающаго, воскресающаго момента. Іуда предалъ Іисуса и этимъ обнаружилъ страшную правду, въ которой самъ порою сомнѣвался, правду человѣческой низости. „На самомъ темени земли вздымается крестъ, и на немъ распятый Іисусъ. Осуществился ужасъ и мечты Искаріота—онъ поднимается съ колѣнъ и холодно оглядывается кругомъ. Такъ смотритъ суровый побѣдитель, который уже рѣшилъ въ сердцѣ своемъ предать все разрушенію и смерти и въ послѣдній разъ обводитъ взоромъ чужой и богатый городъ, еще живой и шумный, но уже призрачный, подъ холодною рукою смерти... Осуществился ужасъ и мечты, кто вырветъ теперь побѣду изъ рукъ Искаріота. Свершилось“. „И если бы теперь на спасеніе Іисуса пришли всѣ народы, они найдутъ только позорный крестъ и мертваго Іисуса! Спокойно и холодно оглядываетъ Искаріотъ умершаго и медленно отходитъ. Теперь все время принадлежитъ ему... Теперь вся земля принадлежитъ ему, и ступаетъ онъ твердо, какъ повелитель, какъ царь, какъ тотъ, кто

безпредѣльно и радостно въ этомъ мірѣ одинокъ... Съ холоднымъ вниманіемъ осматриваетъ онъ новую маленькую землю". И какъ у царя Ирода внезапно маленькимъ стало все кругомъ „дерево маленькое, домъ маленькій, гора маленькая,... не земля, а маковая росинка", точно также смотритъ Іуда „на маленькія горы... и горы чувствуетъ подъ своими ногами; смотритъ на небо... смотритъ на кругленькое солнце, безуспѣшно старающееся обжечь и ослѣпить—и небо и солнце чувствуетъ подъ своими ногами. Безпредѣльно и радостно одинокій, онъ гордо ощутилъ безсиліе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ и всѣ ихъ бросилъ въ пропасть. И дальше идетъ онъ спокойными и властными ногами"... И такъ, въ предателѣ Іудѣ родился по Л. Андрееву, сверхъ-человѣкъ.

Интересны здѣсь кстати нѣкоторые намеки у Л. Андреева по поводу самаго Іисуса, какъ будто бы и ему хочетъ приписать поэтъ нѣкоторые черты сверхъ-человѣка, познавшаго всю глубину презрѣнія къ человѣку и человѣчеству. Такой оттѣнокъ имѣютъ слова самого Іисуса, которыя говоритъ онъ въ „Іудѣ" передъ предательствомъ въ Геѳсиманскомъ саду. „Душа моя скорбитъ смертельно", и зоветъ уснувшихъ учениковъ побыть съ собой хотя бы послѣдній разъ. И еще раньше не онъ ли сказалъ любимому ученику: „говорю тебѣ, Петръ, не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься отъ меня". Въ Саввѣ нищій царь Иродъ также говоритъ о невыносимыхъ мукахъ Христа, которыя онъ перенесъ, познавъ всю глубину человѣческой низости и предательства. Въ этомъ и есть „правда", которой не могъ вынести Христосъ. И когда въ „Моихъ запискахъ" герой ихъ бесѣдуетъ съ Распятымъ на своей стѣнѣ, онъ вкладываетъ удивительныя слова въ уста своему собственному портрету; послѣдній укоряетъ Іисуса и говоритъ ему: „Іисусъ, Іисусъ! Зачѣмъ такъ чистъ, такъ благочестенъ твой

ликъ? Только по краю человѣческихъ страданій, какъ по берегу пучины, прошелъ Ты и только пѣна кровавыхъ и грязныхъ волнъ коснулась Тебя.. Велика Твоя Голгоѳа, Іисусъ, но слишкомъ почтенна и радостна она, и нѣтъ въ ней одного маленькаго, но очень интереснаго штришка; ужаса бецѣльности". И на это отвѣчаетъ герой записокъ своему портрету—уже на этотъ разъ отъ лица Распятаго—„кто знаетъ тайны Іисусова сердца"! Но еще большую муку и паденіе предполагаетъ герой записокъ: „Не думаете ли вы, говоритъ онъ художнику, что когда діаволъ искушалъ Его въ пустынѣ, то онъ не отрекся отъ себя, какъ потомъ разсказывалъ, а согласился, продалъ себя, не отрекся, а продалъ"... И художникъ тоже передаетъ свое впечатлѣніе отъ одного образа Христа, который онъ видѣлъ въ одной галлереѣ. Ему показалось, что передъ нимъ не Христосъ, а „величайшій преступникъ, томимый величайшими, неслыханными муками раскаянія". Такая мысль вполнѣ въ духѣ андреевскаго ницшеанства. Черезъ паденіе и позоръ, черезъ преступленіе и ужасъ совершается созрѣваніе сверхъ-человѣка. Великое презрѣніе Ницше превращается въ великое преступленіе Керженцева или Іуды Искаріотскаго.

Неудивительно теперь, что въ „Жизни человѣка" смерть его и вмѣстѣ побѣда надъ судьбою совершается лишь тогда, когда онъ, по крайней мѣрѣ, по первой редакціи пьесы, нисходитъ до компаніи пьяницъ и преступниковъ, гдѣ царитъ безконечное разнообразіе отвратительнаго и ужаснаго. Здѣсь окружаютъ человѣка „лица, похожія на маски съ непомѣрно увеличенными или уменьшенными частями... На всѣхъ, однако, лицахъ... лежитъ печать страшнаго сходства: это зеленоватая, могильная окраска и выраженіе то веселаго, то мрачнаго ужаса... У всѣхъ трясутся руки и головы, и походка неровная... И голоса одинаковые: хриплые и сипящіе: и также нетвердо, какъ ходятъ,

выговариваютъ пьяницы слова непослушными, точно замерзшими губами". И рѣчи этихъ пьяницъ исполнены безобразнаго бреда и галлюцинацій, ихъ окружаютъ красные костры съ горѣлымъ мясомъ, они чувствуютъ черную, пахнущую ромомъ кровь, они слышатъ грохотъ каменнаго дождя, мечтаютъ о падали, объ убійствѣ, о красной крови, о паукахъ, душащихъ людей. И даже по второй редакціи—только опустившись на дно жизни, въ послѣдній моментъ передъ ея полной кончиной, проклинаетъ человѣкъ судьбу, вызываетъ ее на послѣдній бой: „въ первой короткой фразѣ еще звучитъ старческая слабость; но съ каждой послѣдующей, голосъ молодѣетъ и крѣпнетъ; и отражая на мгновеніе вернувшуюся жизнь, высоко взметывается красное тревожное пламя свѣчи, озаряя окружающее суровымъ отсвѣтомъ пожара:—гдѣ мой оруженосецъ? гдѣ мой мечъ? гдѣ мой щитъ? Я—обезоруженъ! Скорѣе ко мнѣ, скорѣе! Будь проклятъ!" Слишкомъ поздно пришелъ человѣкъ въ пучину порока и преступленія, онъ могъ только умереть, бросивъ послѣдній вызовъ своему року, но и въ этомъ вызовѣ чувствуется уже мотивъ грядущаго сверхъ-человѣка.

Въ разсказѣ „Тьма" передъ нами съ поразительной яркостью и силой проходитъ рожденіе Андреевскаго сверхъ-человѣка изъ великаго презрѣнія. Сюжетъ разсказа, какъ извѣстно, несложенъ; революціонеръ, спасающійся отъ преслѣдованій, рѣшается скрыться на одну ночь въ домъ терпимости, гдѣ онъ и высыпается впервые послѣ долгаго времени. Затѣмъ у него происходитъ объясненіе съ проституткой, которая, догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, гонитъ его отъ себя. Дѣвушка Люба даже бьетъ его по щекѣ, и разыгрывается рядъ отвратительныхъ сценъ, гдѣ сталкивается, съ одной стороны, самоувѣренность честнаго и чистаго человѣка, а съ другой—горе и ужасъ порока: „какое же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?"

Таково резюме столкновенія двухъ началъ, причемъ именно за проституткой чувствуются „милліоны раздавленныхъ жизней и моря горькихъ слезъ и огненный, непрерывный бунтъ возмущенной несправедливости“. И доблесть революціонера здѣсь не выдерживаетъ испытанія. Въ изображеніи автора, не онъ, а она бросаетъ въ него „гордый и презрительный взглядъ“, не онъ, а она поднимается „на ступень невидимаго престола и оттуда съ холоднымъ и строгимъ вниманіемъ разглядываетъ у ногъ своихъ что-то маленькое, крикливое и жалкое“. „Стыдно быть хорошимъ“, говоритъ Люба растерявшемуся революціонеру, и въ этомъ есть какъ разъ „правда“, и эту правду можетъ принять только честный и чистый, только „хорошій“, какъ его называетъ Люба. „У подлеца дорогъ много, а у честнаго одна“, говоритъ Люба. „Зачѣмъ ты невинность свою мнѣ предлагалъ? Нѣтъ, миленькій, ты мнѣ всю церковь построй, ты мнѣ самое дорогое отдай, что у тебя есть, а то—невинность... Ты мнѣ самое дорогое отдай, такое, безъ чего самъ не можешь жить...“ „Правда, какъ смерть—придетъ, и такъ принимай, какъ ни на есть“... И нашъ революціонеръ исполнилъ заповѣдь, которую съ языка Ницше перевелъ Л. Андреевъ на языкъ проститутки Любы. Онъ пошелъ въ грязь до конца и принялъ въ свою душу холодныхъ лягушекъ и горячихъ жабъ. „И распадалась жизнь, какъ плохо склееный запертый ящичекъ, попавшій подъ осенній дождь, и въ жалкихъ обломкахъ ея нельзя было узнать недавняго прекраснаго цѣлаго, чистаго хранилища души его... Точно вдругъ взялъ кто-то его душу мощными руками, и переломилъ ее, какъ палку о жесткое колѣно и далеко разбросалъ концы... Стыдно быть хорошимъ... И вдругъ съ тоскою, съ ужасомъ, съ невыносимой болью онъ почувствовалъ, что та жизнь кончена для него навсегда, что ужъ не можетъ онъ быть хорошимъ... Нужно учиться быть пло-

химъ... Плохимъ нужно быть по настоящему, такъ, чтобы... охъ, что-то большое я разрушу... А потомъ, когда нибудь приду къ ней, или въ кабакъ, или на каторгу, и скажу: теперь мнѣ не стыдно, теперь я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами: теперь я самъ такой-же, какъ вы—грязный, падшій, несчастный... Все у меня было: и умъ, и честь, и достоинство, и даже, страшно подумать, безсмертіе; и все это я бросилъ подъ ноги проститутки, отъ всего отказался только потому, что она плохая". И нашъ герой дѣйствительно измѣнилъ своему долгу, растопталъ свою честь, въ своей душѣ ощутилъ великое презрѣніе. И послѣ этого вспыхнуло въ немъ пожаромъ стихійное чувство свободнаго и первобытнаго естества, проснулась въ немъ темная мудрость предковъ: „въ ней слышался смятенный крикъ колоколовъ, въ ней видѣлось кровавое зарево пожаровъ и звонъ желѣзныхъ кандаловъ и изступленная молитва, и сатанинскій хохотъ тысячъ исполинскихъ глотокъ, и черный куполъ неба надъ непокрытой головою"... „И въ опустошенной, выжженной душѣ и въ разрушенномъ мірѣ бѣлымъ огнемъ расплавленной стали сверкала и свѣтилась ярко одна его раскаленная воля. Еще слѣпая, еще безцѣльная, она уже выгибалась жадно. И въ чувствѣ безграничнаго могущества способности все создать и все разрушить спокойно желѣзнѣло его тѣло"... „Любка пей", такъ закончилъ свое перерожденіе сверхъ-человѣка Андреевскій человѣкъ, прошедшій черезъ горнило великаго презрѣнія. Такъ хоронилъ онъ въ пьяной оргіи собравшихся проститутокъ свою „маленькую, невиненькую честность—и хохотала тихо сама умершая честность". Къ сожалѣнію, авторъ не рисуетъ намъ дальнѣйшихъ дѣлъ своего сверхъ-человѣка...

Нельзя не замѣтить, что пристрастіе Л. Андреева къ „мерзѣйшему" получаетъ иногда преувеличенныя формы; и даже когда онъ рисуетъ намъ своихъ луч-

шихъ людей, законченныхъ сверхъ-человѣковъ, онъ не можетъ не сопоставить ихъ съ отбросами общества, грабителями и убійцами. Такъ, въ своемъ разсказѣ „о семи повѣшенныхъ“ Андреевъ не можетъ не соединить на одной висѣлицѣ мучениковъ идеи и двухъ уголовныхъ преступниковъ, полу-звѣря Янсона, зарѣзавшаго за гроши ножемъ своего хозяина, и Мишку-цыганка, профессіональнаго разбойника, имѣвшаго за собой рядъ дерзкихъ грабежей и убійствъ, гдѣ чувствовалась его „кровь и огонь, и темный, пьяный разгулъ“. И нельзя не замѣтить, что съ особымъ чувствомъ относится нашъ авторъ къ орловцу-цыганку, этому неукрощенному никакой рѣшеткой представилелю первобытнаго хаоса. И передъ смертью какъ разъ самая чистая и великая среди приговоренныхъ—Муся—цѣлуетъ цыганка и идетъ съ нимъ на одну висѣлицу...

IX.

ДАЛЬНІЕ.

Вторымъ превращеніемъ по Ницше является левъ: „въ самой пустыннѣйшей изъ пустынь свершается второе превращеніе: во льва обращается духъ и хочетъ онъ добыть себѣ свободу, въ своей пустынѣ быть властелиномъ. Здѣсь ищетъ онъ своего бывшаго господина, онъ хочетъ стать врагомъ его и своего послѣдняго Бога, за побѣду хочетъ онъ сразится съ великимъ дракономъ... „Ты долженъ“—вотъ имя дракона. Но духъ, превратившись во льва, говоритъ: „я хочу“. „Ты долженъ“ лежитъ на пути свободнаго духа, какъ блестящій чешуйчатый звѣрь, и на каждой чешуйкѣ сверкаетъ золотое „ты долженъ“... Новую цѣнность создать—не по силамъ и льву, но добыть себѣ волю для новаго творчества—на это нужно могущество льва. Свободу добыть и поставить священное „нѣтъ“ передъ долгомъ, вотъ на что, братья мои, нуженъ левъ“. И на пути освобожденія воистину долженъ быть львомъ человѣкъ: „припадковъ твоей любви остерегайся, человѣкъ... Нѣкоторымъ людямъ ты долженъ протягивать не руку, а лапу, чтобъ твоя лапа была вооружена когтями“. Величайшая опасность на пути льва—это мягкость, доброта и общепринятая любовь къ ближнимъ. „Кто-же это вашъ ближній, спрашиваетъ Ницше. И если даже вы дѣйствуете для ближняго, создаете вы все-же не для него... „Для ближняго“—эта добродѣтель только маленькихъ людей: тамъ говорится „равное за равное“ и „рука руку моетъ“—они не имѣютъ ни силы, ни права на ваше себялюбіе. Ваше дѣло, ваша воля—вотъ вашъ ближній; не давайте себѣ внушать лож-

ныхъ оцѣнокъ.“ Любовь къ ближнимъ должна замѣнить любовь къ дальнимъ; и во имя этой любви, какъ говоритъ Заратустра „не щади своего ближняго“. „Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть превзойдено“. „Кто хочетъ быть творцомъ въ добромъ и зломъ, поистинѣ тотъ долженъ быть и разрушителемъ“... „Великая любовь превозмогаетъ и состраданіе. Горе всѣмъ любящимъ, въ любви которыхъ нѣтъ ничего выше ихъ состраданія... Себя самого приношу я въ жертву моей любви—и моего ближняго, подобно мнѣ... такъ гласитъ рѣчь всѣхъ творцовъ. Ибо всѣ творцы тверды“. „Зачѣмъ вы такъ легки, о братья мои... Такъ размягчающи и уступчивы? Зачѣмъ такъ много отреченія, отрекательства въ вашихъ сердцахъ... Творцы всегда тверды... Это новую скрижаль, о, братья мои, ставлю я надъ вами. Станьте твердыми“. И Заратустра самъ является воплощеніемъ мужества, ставшаго „тонкимъ, духовнымъ, одухотвореннымъ“. Это мужество съ орлиными крыльями и змѣиной мудростью. И когда мудрецъ разбиваетъ молотомъ камень, въ которомъ спитъ образъ сверхъ-человѣка, онъ не жалѣетъ кусковъ, которые летятъ отъ камня, онъ долженъ разбить тюрьму „образа своихъ образовъ“. И когда онъ видитъ какъ „нынѣшнее все падаетъ и погибаетъ“, то онъ изъ состраданія не только не хочетъ удерживать падающаго, наоборотъ, онъ хочетъ еще толкать его: „знаете-ли вы наслажденіе скатывать камни съ крутыхъ обрывовъ въ глубины?—Это нынѣшніе люди... смотрите-же, какъ они катятся въ мои глубины. Я—прологъ для лучшихъ игроковъ, о, мои братья... И кого вы не научите летать, того научите поскорѣе упасть“.

Такова любовь къ дальнимъ у Ницше и мужество его льва, разбивающаго старую скрижаль. И Леонидъ Андреевъ, какъ преданный ницшеанецъ, даетъ намъ въ своихъ твореніяхъ прежде всего отвѣтъ по поводу любви къ ближнимъ, и любви къ дальнимъ. У Андре-

ева понятіе любви развивается съ раннихъ его произведеній въ очень опредѣленномъ направленіи. И на первомъ планѣ здѣсь стоитъ любовь къ дѣтямъ и у дѣтей, такъже какъ любовь къ животнымъ. Послѣдній видъ любви особенно близокъ Ницше: окруженнымъ со всѣхъ сторонъ животными видимъ мы великаго Заратустру; онъ постоянно разговариваетъ съ ними, и лучше чѣмъ люди они понимаютъ его мысли. И съ особенной нѣжностью изображаетъ русскій поэтъ животныхъ, этихъ представителей чистаго, неиспорченнаго естества. Собака въ разсказѣ „Другъ“ описана удивительными чертами. И точно также въ разсказѣ „Кусака“ передается цѣлая повѣсть бѣднаго бродячаго пса. Въ разсказѣ „Предстояла кража“ мы видимъ, какъ воръ, идущій на крупное преступленіе, подчиняется призыву безпомощной собаченки и откладываетъ свою кражу ради спасенія глупаго, замерзающаго на дорогѣ щенка: „онъ ненавидѣлъ щенка и осторожно несъ его злобными руками такъ бережно и осторожно, какъ будто была это великая драгоцѣнность, дарованная ему прихотливой судьбой“. Сначала скоро шелъ человѣкъ, но потомъ замедлилъ шагъ, „а въ злобныхъ рукахъ его оживалъ его полузамерзшій, черненькій щенокъ. Куда то далеко, въ самую глубину маленькаго тѣла загналъ морозъ нѣжную теплоту жизни—и теперь она выходила оттуда пробуждающаяся, яркая, странно прекрасная въ своей непостижомой тайнѣ“.

Въ „Василіи Θивейскомъ“ находимъ мы тотъ-же мотивъ. И здѣсь, какъ и выше, любовь къ животному становится любовью къ жизни вообще, не состраданіемъ, а радостью, „великимъ ожиданіемъ“. Здѣсь роль щенка играетъ желтенькій цыпленокъ. Священникъ держитъ его въ своей рукѣ и грѣетъ своимъ горячимъ и влажнымъ дыханіемъ; онъ поцѣловалъ пушистую голову цыпленка и думалъ: „мой путь. Но развѣ

думаетъ о пути стрѣла, посланная сильной рукой? Она летитъ и пробиваетъ цѣль, покорная волѣ пославшаго. Мнѣ дано видѣть, мнѣ дано любить"... И посмотрѣлъ о. Василій на цыпленка, котораго онъ каждую минуту могъ задушить, и который такъ довѣрчиво лежалъ на его рукѣ. „И ушли большія важныя мысли, испуганныя человѣческой радостью, и долго была только радость, только смѣхъ, свѣтъ солнечный и нѣжно пушистый, заснувшій цыпленокъ". Въ разсказѣ „Воръ" роль цыпленка играетъ кошечка „И она была добрая кошка". Она подошла къ спрятавшемуся отъ преслѣдованія вору, помурлыкала, потерлась у его колѣнъ „и дала поцѣловать себя въ мягкую мордочку, пахнувшую мѣхомъ и селедкой. Отъ его поцѣлуевъ она зачихала и ушла, такая важная и равнодушная, какъ высокопоставленная дама". И съ этой кошечкой воръ Юрасовъ, гонимый всѣми, не чувствовалъ себя одинокимъ. Вспомнимъ, что и къ Ницше съ вѣстью о наступленіи полдня прилетаютъ массы голубей и левъ, и всѣ они ласкаются къ нему, какъ и вѣрные его спутники—орелъ и змѣя.

Дѣти — эти безсознательныя и жизнерадостныя существа, невинная и вмѣстѣ естественная жизнь, играютъ тоже свою роль у Леонида Андреева. Въ мелкихъ разсказахъ нашего поэта мы находимъ замѣчательные этюды по дѣтской психологіи. „Ангелочекъ", „Валя", „Петька на дачѣ" и „Кусака". Но рядомъ съ этимъ находимъ мы дѣтей и въ видѣ особаго элемента андреевской поэзіи. „Въ подвалѣ" начало жизни маленькаго существа, новорожденнаго ребенка, преднамѣренно оттѣняетъ царство смерти и разложенія среди воровъ и проститутокъ. И падшіе люди становятся снова людьми, какъ только соприкасаются они съ красненькимъ, бархатнымъ тѣльцемъ новорожденнаго. Пальцы Хижнякова „на мигъ ощутили прикосновеніе чего-то живого, пушистаго, какъ бархатъ, и такого

нѣжнаго и слабаго, что пальцы сдѣлались какъ будто чужими и тоже нѣжными. И такъ, вытянувъ шеи, безсознательно озаряясь улыбкой страннаго счастья, стояли они, воръ, проститутка и одинокій, погибшій человѣкъ и эта маленькая жизнь, слабая, какъ огонекъ въ степи, смутно звала ихъ куда-то и что-то обѣщала красивое, свѣтлое и безсмертное". Неудивительно послѣ этого, что въ „Мысли" Керженцеву все время чудится, что только маленькая дѣвочка, которую онъ видѣлъ на улицѣ, можетъ разрѣшить терзающую его задачу. Я очень люблю дѣтей, говоритъ Керженцевъ, совсѣмъ маленькихъ дѣтей, когда они только что начинаютъ лепетать и бываютъ похожи на всѣхъ маленькихъ животныхъ, щенятъ, котятъ, и змѣенышей". И когда увидѣлъ онъ дѣвочку съ собачкой на улицѣ, и какія они были маленькія и милые, и какъ „онѣ смѣшно боялись другъ друга"—„все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія".

Такова любовь у Л. Андреева къ малымъ и безсознательнымъ, живымъ цвѣтамъ великой жизни. И совершенно понятно, что эта любовь переходитъ у него не въ любовь къ ближнимъ, а къ дальнимъ, тѣмъ, кто даетъ наивысшее воплощеніе, охватывающей собою вѣка идеѣ сверхъ-человѣка. Вотъ почему Леонидъ Андреевъ на рѣдкость скупъ въ изображеніи любви не только къ ближнимъ но и къ близкимъ, и обычная исторія двухъ любящихъ сердецъ у него почти не имѣетъ мѣста. За исключеніемъ разсказика „Мелькомъ" и „Жизни человѣка", въ его поэзіи любящая пара двухъ сердецъ появляется или эпизодически, или въ періодъ трагическаго перелома, дающаго ея чувствамъ отнюдь не любовный характеръ. Наоборотъ, любви къ дальнимъ не только дано теоретическое обоснованіе въ пьесѣ „Къ звѣздамъ", но поэтъ пробуетъ и конкретно представить эту любовь и въ образахъ своихъ героевъ.

Слова астронома Сергѣя Николаевича представляетъ собою простую парафразу словъ Ницше по тому-же поводу. Друзьями астронома являются „дальніе“, даже въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ одной стороны, это человѣкъ, живущій въ Южной Африкѣ и владѣющій обсерваторіей,—а съ другой, какой-то невѣдомый житель Бразиліи. Но у Сергѣя Николаевича есть такіе-же дальніе друзья и во времени. Одинъ „умеръ лѣтъ полтараста назадъ. А еще одинъ есть—говоритъ герой—того я совсѣмъ не знаю, хотя очень люблю, такъ этотъ еще не родился. Онъ доженъ родиться приблизительно черезъ семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ“. Впрочемъ, если тотъ-же Сергѣй Николаевичъ вѣжливо обращается даже съ вещами, то онъ, по рецепту Ницше, любитъ не только вещи, но и призраки. Таковы въ дѣйствительности обитатели безконечнаго пространства, къ которымъ астрономъ обращается со своимъ привѣтомъ. „Я радуюсь говоритъ онъ, и тогда я говорю въ вѣка и пространства; привѣтъ тебѣ, сынъ вѣчности! Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный и далекій другъ!“. И этотъ привѣтъ нашъ астрономъ повторяетъ нѣсколько разъ, протягивая руку къ звѣздамъ.

Любовь къ дальнимъ имѣетъ у Леонида Анореева цѣлый рядъ своихъ болѣе или менѣе ярко выраженныхъ представителей. Таковъ, отчасти, герой разсказа „На рѣкѣ“, таковъ уходящій „въ темную даль“ революціонеръ Николай, такова любовь Саввы въ пьесѣ того-же имени, таково моментами чувство Василія Фивейскаго и, безспорно, такой характеръ имѣетъ любовь Іуды къ Іисусу, которая заставляетъ предателя быть такимъ удивительно нѣжнымъ по отношенію къ жертвѣ, преданной имъ на алтарь „великой правды“: „да цѣлованіемъ любви предаемъ тебя, сознается Іуда, цѣлованіемъ любви предаемъ мы тебя на поруганіе, на истязаніе, на смерть! Голосомъ любви скликаемъ мы палачей изъ темныхъ норъ и ставимъ крестъ, и высоко надъ теме-

немъ земли мы поднимаемъ на крестѣ любовью распятую любовь". И если былъ кто неразлученъ отъ предательства до самой смерти, то, какъ пишетъ Андреевъ, это были какъ разъ Іуда и Христосъ: „среди всей толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданій—Тотъ, Кого предали на поруганіе и муки, и тотъ, кто Его предалъ. Изъ одного кубка страданій какъ братья, пили они оба, Преданный и Предатель"... „Я здѣсь, сынокъ, окликаетъ не разъ предатель терзаемаго воинами Іисуса. Я съ Тобою" шепталъ онъ Ему до конца, и въ то время, какъ Іисусъ умеръ на крестѣ, Іуда погибъ на веревкѣ.

Въ „Семи повѣшенныхъ" даетъ намъ Леонидъ Андреевъ наиболѣе высокое воплощеніе ницшеанской любви къ дальнимъ. И это для него было тѣмъ удобнѣе, что, какъ извѣстно, у Заратустры эта любовь есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и любовь къ собственной гибели, радостное шествіе въ объятія смерти. „О, мои братья, говоритъ мудрецъ, первенцы всегда приносятся въ жертву. Всѣ-же мы—первенцы. Всѣ мы истекаемъ кровью на тайныхъ жертвенникахъ, всѣ мы горимъ и жаримся въ угоду старымъ кумирамъ... Но того и хотятъ люди нашего рода; и я люблю тѣхъ, кто не хочетъ сохранять себя. Погибающихъ люблю я всей моей любовью, ибо они ведутъ къ высшему... Я люблю всѣхъ тѣхъ, кто походитъ на тяжелыя капли, поодиночкѣ падающія изъ темной тучи, которая виситъ надъ людьми: они возвѣщаютъ о пришествіи молніи и погибаютъ ея предвѣстниками". „Свободную смерть" воспѣваетъ Заратустра... И въ „Семи повѣшенныхъ" на образахъ приговоренныхъ къ смерти революціонеровъ показываетъ русскій поэтъ всю силу, весь подъемъ любви къ дальнимъ. И если одни изъ приговоренныхъ „въ ужасномъ одиночествѣ" проводятъ свои послѣднія минуты, то для другихъ, полныхъ любви къ даль-

нимъ „стѣны падаютъ и смерти нѣтъ“. Такъ Вернеръ полюбилъ людей „паря надъ временемъ“. Когда „онъ увидѣлъ ясно, какъ молодо человѣчество, еще вчера только звѣремъ завывавшее въ лѣсахъ, и то, что казалось ужаснымъ въ людяхъ, непростительнымъ и гадкимъ, вдругъ стало милымъ, какъ мило въ ребенкѣ его неумѣнье ходить походкой взрослаго, его безсвязный лепетъ, блистающій искрами геніальности, его смѣшные промахи, ошибки и жестокіе ушибы“. „Милые товарищи мои, шепталъ Вернеръ и плакалъ, и воскресло, и зазеленѣло его сердце“, хоть онъ и самъ не зналъ, жалость ли это, или „что-то другое, еще болѣе высокое и страстное“. Мы знаемъ, что это именно другое, ибо это чувство съ высоты. „Безграничную любовь, безграничную готовность къ подвигу, безграничное пренебреженіе къ себѣ“, трогательными и высокими чартами, рисуетъ Андреевъ въ душѣ Муси: „нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, она принята въ лоно, она правомѣрно вступаетъ въ ряды тѣхъ свѣтлыхъ, что изъ вѣка, черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу. Ясный миръ и покой, и безбрежное, тихо сіяющее счастье“. Ее „совсѣмъ не героиню, подвергнутъ той самой почетной и прекрасной смерти, какою умирали до нея настоящіе герои“. И полная любви къ людямъ, Муся не можетъ лучше выразить своихъ послѣднихъ чувствъ, какъ въ словахъ прекраснаго романса: „Мою любовь, широкую какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега“...

Съ такою любовью можно быть твердымъ и суровымъ, разрушителемъ жизни. Любовь незнающая смерти не можетъ остановиться предъ ударомъ, низвергающимъ въ пропасть обломки низкаго и пошлаго бытія. Наступаетъ второе превращеніе Ницше и левъ идетъ на подвигъ разрушенія старыхъ боговъ. И само собой, у Л. Андреева мы находимъ мотивъ разрушенія, всеисцѣляющаго огня въ цѣломъ рядѣ его произведеній.

Уже въ раннемъ разсказѣ „Набатъ“ передаетъ поэтъ то впечатлѣніе, которое производитъ видъ огня на веселаго безумца, бѣгущаго вмѣстѣ съ авторомъ на пожаръ. „Горитъ—все горитъ“, повторяетъ странный человѣкъ, и смѣется и раскачиваетъ головой. Но это только вспышка грядущаго бунта. Съ нимъ встрѣчаемся мы больше и въ индивидуальной, и въ массовой формѣ. Идеей возстанія отмѣчено самоубійство Сергѣя Петровича, и многіе разбиваютъ свою грудь въ кровь о безжалостную „стѣну“ въ очеркѣ того-же имени. Революція изображена передъ нами въ разсказѣ „такъ было—такъ будетъ“, причемъ выясняется истинная тираннія, такъ же какъ истинные тираны; имя имъ „ничтожество“ и „ничтожные“. И только нѣсколько дней царила среди народа истинная свобода, творившая чудеса, когда „свободенъ былъ умирающій, рождающійся и живущій“, а „дыханіе свободы облагородило людей, и они стали кротки и нѣжны, и цѣломудренны въ проявленіяхъ радости, какъ дѣвушки... Только глядѣли другъ на друга, только ласкали другъ друга осторожнымъ прикосновеніемъ рукъ: такъ пріятно ласкать свободнаго человѣка и глядѣть въ его глаза“. Но она скоро погибла „свобода, бѣдная невѣста въ бѣлыхъ цвѣтахъ, обрѣтшая гибель въ часъ брачнаго торжества“. И не спасъ ее народъ, и не спасли ни „гордость, ни чувство силы, ни жажда великой, еще невиданной свободы“.—Ничтожество побѣдило!

„Въ весеннихъ обѣщаніяхъ“ кузнецъ Меркуловъ звонитъ въ колоколъ. По особому звонитъ онъ. Первые звуки не удовлетворяли его, „шли они другъ за другомъ, широкіе и свободные, какъ закованные въ желѣзо богатыри, которые... выѣхали на сѣчу и желѣзнымъ ураганомъ несутся на дрогнувшаго врага“. Тогда яростнѣе колотилъ кузнецъ въ колоколъ и получалъ то, что ему нужно было: „новый вопль, безумно печальный, полный страданіемъ, какъ море водой, огнен-

ный и страшный, какъ правда — новый человѣческій вопль.. частою дрожью дрожалъ снизу до верху гигантскій колоколъ и покорно плакалъ о чуждой ему человѣческой долѣ и къ небу возносилъ свои мощныя мольбы и угрозы". Такъ языкомъ мѣди говоритъ пламя бунта,—вѣдь и въ „Набатѣ" трепеталъ „колоколъ, посылая послѣдніе, безумно отчаянные крики" къ небесамъ. Трагедіей бунта проникнута вся пьеса „Царь-Голодъ" и многознаменательной сценой кончается она. Царь-Голодъ взываетъ къ побѣжденнымъ мертвымъ бунтовщикамъ: „проснитесь — да пошевелитесь-же, говорю я вамъ... сынъ мой, сынъ мой, ты кричалъ такъ громко—что-же молчишь ты! Дочь моя, дочь моя, ты ненавидѣла такъ глубоко и сильно, ты самою несчастною была на землѣ — поднимись-же. Возстаньте изъ праха! Разрушьте призрачные узы смерти. Возстаньте! Заклинаю васъ именемъ жизни!" И глухой, далекій, словно уже выходящій изъ подъ земли отвѣчаетъ тысячеголовый ропотъ: — мы еще придемъ. Мы еще придемъ. Горе побѣдителямъ!"

Керженцевъ въ „Мысли" угрожаетъ своимъ судьямъ: „я возьму отъ васъ всю мощь вашего знанія... и найду одну вещь... это будетъ взрывчатое вещество. Такое сильное, какого не видали еще люди: сильнѣе динамита, сильнѣе нитроглицерина, сильнѣе самой мысли о немъ... и когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую землю, у которой такъ много боговъ, и нѣтъ единаго, вѣчнаго Бога". Въ „Саввѣ" мы находимъ цѣлый планъ оголенія земли, очищенія ея при помощи страшной силы всепобѣждающаго огня: ignis sanat—огонь исцѣляетъ, стоитъ въ эпиграфѣ этой пьесы. И въ словахъ самого Саввы читаемъ мы цѣлую программу огненнаго крещенія. „До голой земли" нужно срыть накопленную человѣческую глупость. Уничтожить все: „старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство". Нужно освободить че-

ловѣка отъ хитрыхъ и злыхъ вещей. „Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь. Нужно оголить землю, содрать съ нея эти мерзкія лохмотья". Надо уничтожить все. Сначала надо истребить идоловъ, а потомъ произведенія искусства. „Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ мы сожжемъ ихъ города". И Савву не смущаетъ массовая гибель людей во время такой работы при помощи динамита и керосина. Онъ прекрасно сознаетъ, что многіе сойдутъ съума, многіе сами будутъ въ огонь бросаться, многіе будутъ сожжены и убиты. „Тутъ уже не приходилось жалѣть объ отдѣльныхъ экземплярахъ. Только бы самъ выдержалъ". „Глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь — какъ скорлупа для рака... „Дрянь" исчезнетъ, пропадутъ слабые, больные, любящіе покой". „Зато останутся только свободные и смѣлые, голые на голой землѣ... съ молодою и жадной душой, съ ясными глазами, которые обнимаютъ міръ." „И свободные отъ всего, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся, и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь... гдѣ можно будетъ дышать человѣку". Предвидитъ Савва возможность и того, что онъ называетъ „міровой ошибкой". Это тотъ случай, если послѣ великаго оголѣнія, на землѣ останется прежній человѣкъ. „Не выдержитъ, говоритъ нашъ герой,—туда, значитъ, ему и дорога— не въ свои, значитъ, сани сѣлъ... тогда совсѣмъ надо его уничтожить. Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ жизнь ему не удалась—пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ". Въ пьесѣ „Къ звѣздамъ" переложеніе ницшеанскихъ мотивовъ на русскій языкъ происходитъ нѣсколько иначе. Здѣсь нѣмецкій рабочій Трейчъ—кстати сказать, прекрасно понимающій ницшеанца Сергѣя Николаевича — такъ выражаетъ свой взглядъ на задачи человѣка: „Надо идти впередъ.

Здѣсь говорили о пораженіяхъ—но ихъ нѣтъ. Я знаю только побѣды. Земля—это воскъ въ рукахъ человѣка. Надо мять, давить, — творить новыя формы. Но надо идти впередъ. Если встрѣтится стѣна—ее надо разрушить. Если встрѣтится гора — ее надо срыть. Если встрѣтится пропасть—ее надо перелетѣть. Если нѣтъ крыльевъ—ихъ надо сдѣлать... но надо идти впередъ. Если земля будетъ разступаться подъ ногами—нужно скрѣпить ее желѣзомъ, если она начнетъ распадаться на части—нужно слить ее огнемъ. Если небо станетъ валиться на головы, надо протянуть руки и отбросить его—такъ". И когда Трейчу возражаютъ, что солнце можетъ погаснуть, онъ говоритъ: „Тогда нужно зажечь новое"!

X.

ОГОНЬ И АНАТЭМА.

Львиный мотивъ въ поэзіи Андреева возвращаетъ насъ снова къ задачѣ, которая прежде казалась неразрѣшимой. Мы уже видѣли выше, что индивидуализмъ закончился полнымъ крушеніемъ. Его главная проблема о примиреніи индивида и общества завершилась построеніемъ грандіознаго звѣринца, и это меньше всего можетъ удовлетворить индивидуальное сознаніе.

Сверхъ-человѣкъ открылъ возможность новаго рѣшенія задачи; и прежде всего у Ницше мы видимъ подобный опытъ. Сдѣлавъ изъ своего сверхъ-человѣка только высшую, наиболѣе совершенную потенцію индивида, Ницше вступилъ на путь аристократическаго идеала. И это удалось ему по многимъ причинамъ: его раздѣленіе людей на двѣ породы не оставляетъ ничего желать по своей опредѣленности. Чернь, обыкновенные и пошлые люди, масса тупыхъ, самодовольныхъ обезьянъ—они въ глазахъ Заратустры не заслуживаютъ ни малѣйшаго сожалѣнія, это поваленные гробы, которые избрали себѣ знамя смерти; прирожденные рабы, единственнымъ оправданіемъ коихъ является ихъ способность утучнять почву для сверхъ-человѣка.

И сейчасъ уже презрѣнные и жалкіе люди являются необходимой почвой для возращенія сверхъ-человѣка. Не они ли учатъ избранника великому презрѣнію, не на ихъ ли примѣрѣ постигаетъ онъ всю лживость старыхъ скрижалей, и развѣ не крѣпнутъ въ борьбѣ съ ними его мощныя плечи, его глубокій разумъ и твердое, мужественное сердце. И то, что для нихъ

отчаяніе и гибель—для него отрада и успокоеніе. Что до того, что слабые и уродливые люди боятся одиночества и стремятся къ объединенію въ стада? Но одиночество уже стало проклятіемъ современнаго человѣка, и въ глубокую радость обращаетъ это самое одиночество сверхъ-человѣкъ. Люди устаютъ отъ безжалостной, безпрерывной борьбы... Что до того? Но сверхъ-человѣкъ есть воинъ и боецъ, спокойно встрѣчаетъ онъ гибель на полѣ битвѣ, въ ней находитъ вѣнецъ своихъ подвиговъ. Люди ищутъ маленькаго знанія и дрожатъ передъ тайной. Но сверхъ-человѣкъ не нуждается въ робкихъ ухищреніяхъ глубокомыслія—въ душѣ своей непосредственно отражаетъ онъ міръ со всѣмъ его духомъ и жизнію, рожденіемъ и смертью, вѣчнымъ повтореніемъ всего сущаго. Не разумомъ, а всѣмъ своимъ я познаетъ тайну мудрецъ.

И спрашивается теперь: какое дѣло ницшеанскому избраннику до горестей и печалей низменной, человѣческой массы? Почему должна быть облегчена ихъ участь, кому и зачѣмъ нужно ихъ уродство, и зачѣмъ будетъ жертвовать собою сверхъ-человѣкъ для блага уродовъ ненавистныхъ и ненавидящихъ? Правда, сверхъ-человѣкъ тоже жертва, но не для нихъ, не для ближнихъ, съ ихъ грязью и слезами. Только въ себѣ выковываетъ онъ алтарь своей погибели, только дальнихъ любитъ онъ, только ради сверхъ-человѣка идетъ онъ на жертвенникъ и въ безсмертіи погибаетъ. И было бы величайшей нелѣпостью, мало того, преступленіемъ требовать отъ сверхъ-человѣка участія въ общемъ трудѣ массъ, работы на ихъ благо и счастіе, самопожертвованія во имя спасенія труждающихся и обремененныхъ. Этого требуетъ не новая, а старая скрижаль, мораль не господъ, а рабовъ. Сверхъ-человѣкъ не можетъ служить мерзѣйшему: его добродѣтель есть щедрость царствующаго, милость сверху внизъ.

Л. Андреевъ, подобно Ницше, дѣлитъ людей на двѣ категоріи:—человѣковъ и сверхъ-человѣковъ, но здѣсь отношеніе между массой и избранникомъ нѣсколько иное. Послѣдній не только идеалъ и жертва, не только господинъ и владыка; нѣтъ, онъ вмѣстѣ вождь и дѣятель и подвижникъ, онъ не для массы, онъ не слуга ея, но въ немъ лишь находятъ человѣки свое высшее выраженіе, къ нему идутъ и онъ идетъ къ нимъ. Человѣкъ и сверхъ-человѣкъ въ этой идеологіи связаны неразрывными цѣпями, и далеко не такъ, чтобы первый служилъ лишь удобреніемъ, почвой для произрастанія второго. По существу всѣ должны стать сверхъ-человѣками, и однимъ изъ моментовъ этого процесса является какъ разъ идеальный герой или прекрасный, совершенный индивидъ. И то-же самое мы должны замѣтить относительно самой массы. У Андреева она далеко не представляетъ собой такой сплошной среды ничтожества, пошлости и грязи. Въ ней дѣлаются важныя различенія. Съ одной стороны мы видимъ индивида страдающимъ, съ другой самодовольнымъ, но страдающій тоже человѣкъ массы, и его мученія, однако, вызываютъ полное наше сочувствіе Ницше всѣ страданія черни сметаетъ въ одну презрѣнную груду, у Андреева—наоборотъ: страданія человѣка становятся предтечей высшаго страданія сверхъ-человѣчества. Какъ и Ницше, знаетъ Андреевъ страданія ничтожества, но они окрашены у нашего поэта подчасъ въ трогательные цвѣта и возвышаютъ „мерзѣйшаго“. И нельзя игнорировать того различія сытыхъ и голодныхъ, которое дѣлаетъ поэтъ—мученія вторыхъ дѣлаютъ ихъ ближе къ сверхъ-человѣчеству.

У Ницше въ построеніи сверхъ-человѣка играютъ два начала: форма и содержаніе, количество и качество. Съ одной стороны сверхъ-человѣкъ отличается чрезвычайной полнотой всѣхъ своихъ силъ и является не только красивымъ, но и могучимъ, сильнымъ суще-

ствомъ. Эта сила въ связи съ мужествомъ, безстрашіемъ, прямотой и рѣшительностью дѣлаютъ изъ него типъ настоящаго бойца, героя, побѣдителя. И только та трагедія получаетъ величавый характеръ, которая совершается въ душѣ такого великаго и мощнаго существа. Поэтому то не можетъ идти рѣчи о трагедіи мерзѣйшаго... Съ другой стороны, по содержанію ницшеанскій сверхъ-человѣкъ очень мало отличается отъ человѣка вообще. И по существу, у Ницше можно очень легко приготовить изъ человѣка сверхъ-человѣка. Стоитъ только у перваго снять всѣ уродливыя наслоенія, выпрямить искривленное, залѣчить истерзанное и кровоточащее, оживить умирающее и гніющее. И если все это увеличить въ нѣсколько разъ сверхъ обычной нормы и сочетать въ одно гармоничное цѣлое, то у насъ получится какъ разъ тотъ огромный образъ истинно-человѣческой сущности, который станетъ знаменемъ сверхъ-человѣка. У Ницше до извѣстной степени количество поглощаетъ качество, у него не можетъ быть прекраснаго въ мелкомъ, великаго въ маломъ, не говоримъ уже объ единствѣ, сочетающемъ форму и содержаніе. Высшая нравственная цѣль, религія, которая дѣлаетъ изъ сверхъ-человѣка живое существо, она не можетъ быть тамъ, гдѣ есть жалость и уродство, болѣзнь или мелкіе, ничтожные размѣры человѣческаго бытія.

Огромность заслоняетъ у Ницше героизмъ, подавляющая мощь и сила закрываютъ собой источникъ великой любви и жертвы. Господинъ выступаетъ на первый планъ, а свойства владыки и повелителя придаютъ окончательное помазаніе ницшеанскому идеалу.

Не то у Л. Андрева, его герои безспорно мощные, сильные люди. Но сила ихъ иная, чѣмъ въ ученіи Ницше, здѣсь нѣтъ рѣзкаго дѣленія на отверженныхъ и благословенныхъ, и мы можемъ прослѣдить переходные типы—нѣчто въ родѣ большихъ людей у Ницше.

Однако, главное для русскаго писателя не мощь и сила, а ея внутренне духовное содержаніе. И здѣсь мы находимъ точку зрѣнія, которой чуждъ Заратустра. Среди великихъ силъ Андреевъ различаетъ силы добрыя и злыя, ищетъ критерія для самого сверхъ человѣка, далеко не довольствуется его идеализаціей въ качествѣ религіознаго символа. Отсюда двѣ задачи, которыя вытекаютъ изъ поставленнаго Андреевымъ вопроса, ихъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны это—проблема высшаго разума, критерія, стоящаго надъ сверхъ-человѣкомъ, съ другой это проблема человѣческаго въ самомъ сверхъ-человѣкѣ—человѣческаго, которое одно соединяетъ героя съ массой, сверхъ-человѣка съ страдающими и жалкими человѣками. Всѣ эти задачи можно резюмировать въ одной: гдѣ оправданіе самому сверхъ-человѣку, въ чемъ его связь съ міромъ и людьми, или, иначе говоря, какъ индивидъ въ сверхъ-человѣкѣ становится разумомъ вселенной.

Такъ идеологія Андреева совершаетъ свой естественный кругъ. Глубокимъ пессимизмомъ дышалъ приговоръ нашего поэта для индивида. Одиночество и злая судьба, слѣпота и безмысленность жизни, безсиліе и смерть—таковъ былъ результатъ всѣхъ исканій и томленій человѣка. И запертымъ въ тюрьмѣ, какъ звѣрь въ звѣринцѣ, оказался онъ въ концѣ своей общественной творческой работы. Но тѣ вопросы, которые не разрѣшимы для человѣка, вновь оживаютъ въ сверхъ-человѣкѣ. Открытъ новый путь и новыя силы, и снова восклицаетъ нашъ поэтъ: съ кѣмъ идти? Въ чемъ разрѣшеніе великой тайны, возможно ли осуществленіе на землѣ всего того, чего такъ жаждетъ измученное человѣческое сердце. И такъ, снова вопрошаетъ нашъ поэтъ—идеологъ: что есть истина?

Анатэма *)—одна изъ наиболѣе рѣшительныхъ попытокъ свести къ единому прежнія частныя мысли; это въ значительной степени синтезъ многихъ прежнихъ исканій. И замѣчательнѣе всего, что здѣсь въ отличіе отъ Ницше сверхъ-человѣку, Давиду Лейзеру, противопоставленъ столь же могучій или еще болѣе сильный духъ зла или Анатэма. „Мерзѣйшій“ здѣсь такимъ образомъ подымается до сверхъ-человѣка и превосходитъ его въ нѣкоторыхъ чертахъ, что, конечно, совершенно выходитъ изъ рамокъ ницшеанской философіи. Уже въ Іудѣ имѣемъ мы сочетаніе мелкой злобы и великой любви, глубокаго знанія и непонятной слѣпоты, порожденной отсутствіемъ того, что мы называемъ „сердце“. Іуда лжетъ и клевещетъ, Іуда трусливъ и лицемѣренъ, но вмѣстѣ способенъ онъ къ великому дерзновенію, всѣмъ существомъ привязанъ къ разгадкѣ міровой правды. Однако, Іуда только въ концѣ, послѣ смерти Іисуса, подымается на сверхъ-человѣческую высоту и послѣ минутнаго озаренія убиваетъ себя, чтобы идти за лучшимъ, прекраснѣйшимъ и святымъ, за богочеловѣкомъ въ міръ безсмертія. И уже на примѣрѣ Іуды видимъ мы, какъ облагораживаетъ страданіе предателя, сообщаетъ ему черты истинно-человѣческаго трагизма.

Въ Анатэмѣ этотъ типъ воплощенъ въ образѣ удивительной законченности. Всѣ черты Іуды здѣсь доведены до своихъ крайнихъ предѣловъ. „Сѣрый, осторожный и гибкій какъ змѣя“, этотъ „нѣкто“, преданный заклятію, „онъ скрываетъ свой страхъ подъ личиною насмѣшки и легкой дерзости“, хитрый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе „безплодныхъ думъ и неразрѣшимыхъ, изъ вѣка поставленныхъ вопросовъ“. Безпокойный и торопливый, онъ находится въ „мучительной погонѣ за вѣчно ускользающимъ, онъ мечется въ без-

*) Пользуюсь рукописью, любезно предоставленой самимъ авторомъ для окончанія настоящей книги.

молвныхъ корчахъ какъ червь подъ пятою". Это воплощеніе человѣческаго ума, тоскующаго по истинѣ, „но никогда неспособнаго постичь ее". Это—діаволъ, который почитаетъ себя вѣдающимъ „законы чиселъ" и „книгу судебъ". Онъ почитаетъ себя великимъ и могучимъ, ему во власть отданъ человѣкъ, онъ убиваетъ сильныхъ, терзаетъ безумiемъ слабыхъ, на всѣхъ путяхъ устроилъ онъ засады и губитъ въ безконечной тоскѣ и безплодномъ отчаяніи отданныхъ ему людей. Это полное воплощеніе того, что живетъ и дѣйствуетъ въ индивидѣ, въ томъ человѣкѣ, трагедію котораго мы прослѣдили выше, это мерзѣйшій, и въ немъ нѣтъ иного содержанія, кромѣ жажды могущества, и у него нѣтъ другихъ силъ, кромѣ способности высчитывать, вычислять и захватывать все то, что только можно захватить, это въ подлинномъ смыслѣ слово формальное, пустая оболочка, гдѣ есть сознаніе, но нѣтъ нравственной личности, гдѣ есть я, но нѣтъ у него жизни, такъ какъ это я лишено жажды подвига и самоотверженія, есть холодный пунктъ математическаго преломленія разрозненныхъ животныхъ силъ, естественный человѣкъ, какъ мы его опредѣлили выше.

И лучше всего можно прослѣдить андреевскій синтезъ, если съ фигурой Анатемы сопоставить всѣ тѣ черты, которыми отличается человѣкъ-звѣрь индивидуализма, поскольку онъ живетъ и дѣйствуетъ въ предѣлахъ современности. Фигуру Анатемы какъ символъ можно высѣчь изъ камня для торжищъ и стогновъ современной культуры, которая исполнила лишенными сердца сынами Анатэмы все общество, и въ немъ царитъ количество, а не качество, все покупается и продается, все взвѣшивается на вѣсахъ, а ходячей монетой являются тридцать сребренниковъ Искаріота. Пусть читатель перевернетъ нѣсколько страницъ назадъ и сопоставитъ образъ Анатэмы съ той характеристикой, которая дана въ началѣ книги Койгеномъ, Зомбартомъ

и Рилемъ, человѣку нормальной обыденности, человѣку общаго уровня, одинаковому повсюду и вездѣ, гдѣ только считаютъ и продаютъ, спекулируютъ и пріобрѣтаютъ. И поразительное дѣло, мы выше привели характеристику новаго индивида, какъ абсолютнаго „ничто“, какъ „Nichts“—по словамъ Д. Койгена. И вотъ, когда Анатэма сходитъ на землю для своихъ подвиговъ, Андреевъ, проникнутый по истинѣ высокимъ философскимъ озареніемъ, даетъ духу пошлости и расчета имя „Нуллюсъ“—что значитъ по латыни „Nullus“ или иначе—„никто“, „никакой“, если угодно—нуль.

Нуллюсъ—это олицетвореніе всей громадной массы людей безъ лица, индивидовъ, но не личностей. Впрочемъ, мы находимъ у нашего поэта и переходные типы, ихъ созданію помогаетъ идея революціонизма, такъ какъ именно внѣшняя революціонность, протестъ дѣйствіемъ и словомъ, способны дать извѣстный подъемъ и моральное освященіе даже сравнительно грубому существу. Настроеніе мятежа и бунта не есть однако же цѣнность сама по себѣ, и это Андреевъ рѣшился сказать въ русской литературѣ тогда, когда у насъ такое громадное обаяніе имѣлъ одинъ лишь революціонный мундиръ, бунтарская вывѣска, независимо отъ того, что за ней скрывалось—Іуда тоже бунтарь. И Анатэма не менѣе исполненъ вѣчнаго, непрестаннаго мятежа: „возстань, земля. Возстань, земля, и препояшься мечемъ, человѣкъ, не будетъ мира между тобою и небомъ, жилищемъ мрака и смерти становится земля“. И онъ обращается къ небу—„развѣ не доходитъ до Тебя голосъ проклинающихъ, изнемогающихъ подъ бременемъ зла“. И Анатэма подымаетъ бунтъ, и уже въ первой картинѣ, словно въ прелюдіи великой трагедіи „загорается безмолвіе желтыми высокими огнями“, мѣдно-звонкимъ бунтующимъ крикомъ кричатъ длинныя трубы... движется толпа“, и къ небу

бросаетъ она слово возстанія и надежды, и этотъ звукъ вычерчивается все рѣзче, поднимается все выше, „и ужъ надъ головами плыветъ оно—на крыльяхъ мѣдныхъ воплей, на тяжкихъ ударахъ переступающихъ ногъ“... Но безплоденъ мятежъ безликихъ, въ которомъ нѣтъ безсмертнаго огня, нѣтъ стрѣлы томленія къ другому берегу, и молчитъ голосъ сверхъ-человѣка.

И невольно вспоминается то мѣсто изъ Іова многострадальнаго, гдѣ подъ вліяніемъ временной слабости вопіетъ праведникъ и требуетъ платы за добродѣтель и кары за грѣхъ отъ безмолвныхъ и высокихъ небесъ: „О, если бы я зналъ, какъ обрѣсти его, восклицаетъ Іовъ, какъ придти къ престолу его, я изложилъ бы передъ нимъ судебное дѣло, и уста мои наполнилъ бы доказательствами... Для чего Вседержителемъ не положены времена суда, и знающіе его не видятъ дней Его? Межи передвигаютъ, угоняютъ стада... сталкиваютъ бѣдныхъ съ дороги, принуждены скрываться всѣ страдальцы земли—вотъ они, какъ дикіе ослы въ пустынѣ, выходятъ на дѣло свое, отыскивая добычу... На полѣ не своемъ жнутъ они и въ виноградникѣ нечестивца подбираютъ. Нагіе ночуютъ безъ покрова и безъ одѣянія на стужѣ. Подъ горными потоками мокнутъ и не имѣя прибѣжища обнимаютъ скалу... Ходятъ наги, безъ одѣянія и голодая носятъ снопы... Изъ города стоны людей слышны и вопіетъ душа убиваемыхъ, а Богъ не смотритъ на такой безпорядокъ... Предъ свѣтомъ встаетъ убійца, умерщвляетъ бѣднаго и нищаго и ночью бываетъ воромъ... За что беззаконные живутъ, состариваются и силами крѣпки? Домы ихъ въ благополучіи, безъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ... Проводятъ въ счастіи дни свои... Одинъ умираетъ въ самой полнотѣ своей, вполнѣ спокоенъ и доволенъ... А другой умираетъ съ душою огорченною и не вкусилъ добра.. Что такое Вседержитель, чтобъ намъ служить ему? И что намъ за польза, если будемъ прибѣгать къ нему“? Такъ оцѣниваетъ пользою правду

и стерзанный Іовъ и этимъ даетъ жизнь старой морали утилитаризма. И какъ мы знаемъ, конецъ легенды противорѣчитъ ея основному содержанію, оцѣниваетъ подвигъ страдальца четырнадцатью тысячами мелкаго скота, шестью тысячами верблюдовъ, тюсячей паръ воловъ, тысячей ослицъ, семью головами сыновей и тремя штуками дочерей...

Характерную черту того бунта, который мы видимъ у Іуды, Анатэмы и въ приведенныхъ только что словахъ, безспорно составляютъ съ одной стороны утилитарное или положительное содержаніе требованій, а съ другой вѣра въ нѣкоего чудотворца и его чудо. Іуда ждетъ чуда до послѣдней минуты; и оно между прочимъ должно выразиться въ совершено опредѣленномъ фактѣ или дѣйствіи. Чудо здѣсь послѣдній моментъ своеобразной сдѣлки съ вѣчной справедливостью. Такого же чуда требуетъ и Анатэма, когда добивается „имени“ того, „кто погубилъ Давида Лейзера и тысячи людей“?... „Гдѣ истина“,—спрашиваетъ проклятый у небесъ и хочетъ, чтобы сразу ему открыли двери, за которыми скрытъ міровой разумъ. Но и здѣсь Анатэма напередъ признаетъ только ту истину, которой онъ самъ хочетъ, жаждетъ чуда, которое цѣликомъ подошло бы подъ мѣрку его вѣсовъ и было бы вычислено его числомъ. И когда олицетворенію вѣчной слѣпоты возвѣщаетъ нѣкто, стоящій у вратъ, что такой истины ему никогда не дадутъ, и такого чуда никогда не свершится, онъ опять грозитъ бунтомъ и местью небесамъ, обвиняетъ ихъ въ предательствѣ и лжи.

Бунтъ ради чуда, это какъ разъ тотъ признакъ, который только постепенно слабѣетъ при переходѣ отъ воплощенія мерзѣйшаго къ истинному сверхъ-человѣку, а мы видимъ, какъ этотъ моментъ совершенно замираетъ у индивида, ставшаго черезъ сверхъ-человѣка—личностью. Василій Ѳивейскій только потому не можетъ подняться до высоты полнаго сверхъ-человѣчества, что въ его бунтѣ смѣшаны рабство передъ чу-

домъ и бунтъ пробуждающейся личности, а послѣдняя такъ и не можетъ стать самоцѣльной и свободной, отбросившей всякія подпорки извнѣ, снаружи, изъ нѣдръ сверхъестественнаго міра. Философія сказала бы, что Θивейскій потому не имѣетъ въ себѣ признака личности, что его воля не автономна, а гетерономна, поставлена въ зависимость отъ высшей преобладающей внѣчеловѣческой воли. И въ Анатэмѣ завершается этотъ мотивъ не менѣе, чѣмъ въ отцѣ Θивейскомъ, и если въ этомъ разсказѣ вѣра въ чудо становится характеристикой широкихъ народныхъ слоевъ, то въ „Анатэмѣ," этой трагедіи мессіанства, чудо и мятежъ ради него кончаются какъ разъ такъ, какъ они должны кончиться. По неумолимой логикѣ сознанія, ослѣпленнаго чудомъ, сходятся народы Востока и Запада, Юга и Сѣвера и требуютъ подложнаго, обманнаго чуда, устанавливаютъ призрачное царство земного чудотворца, царя и Мессіи.

Не смотря на все отрицательное отношеніе Саввы къ Богу и религіи, самъ онъ все же человѣкъ не только бунта, но вмѣстѣ и соціальнаго чуда. Онъ стремится уничтожить все, чтобы появились на землѣ новые люди, исчезли нынѣшнія формы мучительства и неволи. И только такимъ чудомъ можетъ оправдать онъ поразительный размахъ своей программы; въ этомъ смыслѣ и Савва гетерономенъ, и онъ только получаетъ смыслъ отъ вѣры въ явленіе, которое отъ него не зависитъ, можетъ произойти или нѣтъ. И самъ онъ уничтожаетъ себя цѣликомъ предположеніемъ, что можетъ случиться „міровая ошибочка", чуда не произойдетъ, и все останется попрежнему... Что же тогда оправдываетъ Савву и его бунтъ?—ничто,—какъ личность онъ теряетъ свое лицо, въ лучшемъ случаѣ онъ будетъ мстить, но все-же изъ-за него выглядываетъ Нуллюсъ.

Элементъ чуда исчезаетъ совершенно тамъ, гдѣ сверхъ-человѣкъ находитъ свое завершеніе. И это въ фигурахъ Вернера и Муси, еще больше въ фигурѣ астронома изъ піесы „Къ звѣздамъ". Но наивысшаго

совершенства достигаетъ образъ личности въ Давидѣ Лейзерѣ, этомъ смѣломъ противопоставленіи индивидуалистическаго сверхъ-человѣка—христіанскому Мессіи. Для этихъ лицъ чуда больше не существуетъ, сверхъестественная воля уничтожается, и только человѣкъ, достигшій вершинъ своего моральнаго сознанія, какъ царь самъ полагаетъ себѣ свой законъ.

Но тутъ возникаетъ вопросъ, который намѣченъ уже нами выше: какъ понять міровую жизнь безъ живого, небеснаго владыки, какъ найти новыми путями то, чего не можетъ постичь вѣчно слѣпой Анатэма со своимъ жалкимъ счетомъ, мѣрой и вѣсами. Личность ищетъ своего оправданія помимо Бога, но она должна установить связь между своимъ закономъ и содержаніемъ жизни вселенной. Самоутвержденіе личности нуждается необходимо въ извѣстной связи между этикой и метафизикой, и если Кантъ отвергъ навсегда число, мѣру и вѣсы для познанія моральнаго закона человѣка, то съ другой онъ никогда не переставалъ искать необходимой связи между сущимъ и долженствующимъ. И не даромъ столь популярная теперь неокантіанская философія связываетъ міръ цѣли и міръ причинъ опредѣленнымъ отношеніемъ, ищетъ закономѣрности въ соціальномъ процессѣ, дѣлаетъ человѣка воплощеніемъ человѣчества, а вмѣстѣ подымаетъ его до автономной и конечной цѣли самой въ себѣ, создаетъ изъ него участника безконечности, носителя чистой, а вмѣстѣ и доброй воли.

Насколько необходимымъ является связь должнаго и сущаго, показываетъ здѣсь хотя бы примѣръ Ницше, который, не смотря на сверхъ-человѣческій индивидуализмъ своей философіи, тѣмъ не менѣе пришелъ къ рѣшимости оправдать свою этику объективно-механическимъ началомъ. И вотъ мы видимъ, какъ Заратустра становится пророкомъ особаго порядка міровой жизни и провозглашаетъ систему вѣчнаго повторенія,

постояннаго возвращенія однихъ и тѣхъ же явленій въ безконечномъ движеніи вещей:

„Ты пророкъ вѣчнаго возвращенія“, говорятъ животныя Заратустрѣ: „мы знаемъ, чему ты учишь, что всѣ вещи возвращаются назадъ, и мы съ ними вмѣстѣ, и что мы здѣсь были уже вѣчное число разъ, и всѣ вещи съ нами вмѣстѣ. Ты учишь, что есть одинъ великій годъ становленія, чудовищно громадный годъ; и подобно песочнымъ часамъ долженъ онъ все снова обращаться, чтобы наново уходить и приходить. Итакъ всѣ эти годы равны сами себѣ, какъ въ величайшемъ, такъ въ малѣйшемъ, итакъ мы сами также одинаковы въ каждый великій годъ и тоже въ величайшемъ, какъ въ малѣйшемъ“. И въ чудной пѣснѣ Заратустра воспѣваетъ „безконечную вѣчность“, „кольцо колецъ“, „кольцо вѣчнаго возвращенія“. И счастливъ великій мудрецъ, что онъ придетъ опять „съ этимъ солнцемъ, съ этой землей, съ этимъ орломъ и этой землею не для новой жизни, не для лучшей или только подобной“, нѣтъ онъ придетъ снова для той же самой, вѣчно одинаковой жизни, „въ величайшемъ и наиболѣе маломъ, такъ что онъ опять будетъ учить вѣчному возвращенію всѣхъ вещей, скажетъ слово о великомъ полуднѣ земли и людей, будетъ снова проповѣдывать людямъ сверхъ-человѣка“. Такъ проповѣдывалъ Ницше великое возвращеніе, въ которомъ говоритъ голосъ безконечной любви къ жизни, и глубочайшую вѣчность зоветъ мудрецъ навстрѣчу человѣческой радости.

У Леонида Андреева въ его различныхъ вещахъ мы встрѣчаемся съ символомъ нѣкотораго особаго огня, открытаго познанію сверхъ-человѣка, огня, который однако совершенно лишенъ признаковъ какого-либо личнаго Бога. Въ піесѣ „Къ звѣздамъ“ такъ исповѣдуетъ свою религію Сергѣй Николаевичъ, когда сообщаютъ ему о душевной болѣзни сына: „у меня нѣтъ дѣтей, для меня одинаковы всѣ люди... Это оттого, что я думаю обо всемъ. Я думаю о прошломъ и о буду-

щемъ, и о землѣ, и о тѣхъ звѣздахъ—обо всемъ. И въ туманѣ прошлаго я вижу миріады погибшихъ; и въ туманѣ будущаго я вижу миріады тѣхъ, кто погибнетъ; и я вижу космосъ, и я вижу вездѣ торжествующую безбрежную жизнь — и я не могу плакать объ одной... Не надо плакать, не надо, у насъ есть мысль... Жизнь, жизнь вездѣ. Сейчасъ въ эту минуту... родится кто-то, такой же какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ — у природы нѣтъ повтореній... Онъ погибнетъ... Какъ садовникъ жизнь срѣзаетъ лучшіе цвѣты—но ихъ благоуханіемъ полна земля... Взгляни, туда, въ этотъ безпредѣльный просторъ, въ этотъ неизсякаемый океанъ творческихъ силъ. Взгляни туда! (Показываетъ на небо). Тамъ тихо—но если бы ты могла слышать сквозь пространство и видѣть сквозь вѣчность, ты можетъ быть умерла бы отъ ужаса, а можетъ быть сгорѣла бы отъ восторга? Съ холоднымъ бѣшенствомъ, покорные желѣзной силѣ тяготѣнія, несутся въ пространствѣ по своимъ путямъ безконечные міры—и надъ всѣми ними господствуетъ одинъ великій, одинъ безсмертный духъ... Это мы—тѣ кто здѣсь, и тѣ, кто тамъ."

Въ той же піесѣ сдѣлано въ высшей степени интересное различеніе между умомъ, порабощеннымъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ и разумомъ, который только пользуется числомъ для достиженія иныхъ, высшихъ цѣлей. И въ самомъ дѣлѣ, уму сверхъ-человѣка, направившаго свой взоръ „въ синюю глубину", вполнѣ доступно познаніе мірового разума и притомъ какъ разъ при помощи математики. И если на зовъ астронома Сергѣя Николаевича выползаетъ „изъ мрака преисподней" „трепещущая тайна", это „безсильное, жалкое чудовище", то средствомъ для побѣды надъ ней становится именно параллактическій инструментъ, символъ не жалкаго и робкаго разсчета, а великаго и мощнаго познанія. И не даромъ приводитъ Андреевъ въ своей піесѣ гимнъ Тихо-Браге, посвященный Копернику и его великому генію, Коперникъ:

„Вотъ эти палочки въ простой сложивъ приборъ
И въ ней осуществивъ столь дерзкую затѣю,
Законы наложилъ на весь небесъ просторъ,
Свѣтила горнія во славѣ ихъ теченія
Кусочкамъ дерева ничтожнымъ подчинилъ.
. . . . . .
Какихъ преодолѣть преградъ не можетъ разумъ!
. . . . . Онъ, онъ одинъ великій,
Искавшій помощи лишь въ разумѣ своемъ,
Не мышцы крѣпкія, а тоненькія жерди,
Орудіемъ избравъ—возвысился до тверди!
Какихъ могучихъ здѣсь произведенье—думъ!“

Очевидно, не въ самомъ числѣ здѣсь суть, а въ цѣли познанія. За мѣрою должно скрываться нѣчто, что ею не измѣряется, и только такой разумъ оказывается въ силахъ побѣдить тайну.

Въ той же піесѣ находимъ мы и рядъ этическихъ выводовъ въ высшей степени важнаго свойства. Здѣсь обосновывается безсмертіе личности, противопоставленной смертному индивиду, и вотъ какъ говоритъ тотъ же астрономъ о жизни и смерти: „умираютъ только звѣри у которыхъ нѣтъ лица. Умираютъ только тѣ, кто убиваетъ, а тѣ, кто убитъ, кто растерзанъ, кто сожженъ—тѣ живутъ вѣчно. Нѣтъ смерти для человѣка, нѣтъ смерти для сына вѣчности!“

„...Въ храмахъ древнихъ поддерживался вѣчный огонь. Испепелялось дерево, выгорало масло, но огонь поддерживался вѣчно. Развѣ ты не чувствуешь его—тутъ, вездѣ, развѣ въ себѣ не ощущаешь его чистаго пламени? Кто далъ тебѣ эту нѣжную душу, чья мысль, улетѣвшая изъ бреннаго тѣла, живетъ въ тебѣ—ты можешь-ли сказать, что это мысль твоя? Твоя душа—лишь алтарь, на которомъ совершаетъ служеніе сынъ вѣчности?“... „Иди, говоритъ астрономъ дочери, отдай жизни то, что ты взяла у нея-же. Отдай солнцу его тепло. Ты погибнешь, какъ погибъ Николай, какъ гибнутъ тѣ, кому душою своей безмѣрно счастливой,

суждено поддерживать вѣчный огонь. Но въ гибели твоей ты обрѣтешь безсмертіе!“

Въ „Черныхъ Маскахъ“ символическій огонь Андреева является въ качествѣ всеочищающаго начала въ концѣ піесы. И этотъ огонь характеризуетъ Лоренцо: „его голосъ — ревъ бурнаго пламени, пожирающаго камень. Его божественный ликъ—огонь и пламя и лучезарный, безбрежный свѣтъ“. Это и есть „Господь Богъ, Владыко земли и неба“, „Великій Господинъ“. И предъ смертью Лоренцо обращается къ огню: „привѣтствую Васъ, Синьоръ! Мой отецъ, когда я еще лежалъ въ колыбели, прикосновеніемъ меча посвятилъ меня въ рыцари Святого Духа—коснитесь же и Вы меня, Синьоръ, если я достоинъ Вашего прикосновенія“... И огонь охватываетъ герцога Спадары.

Въ Анатэмѣ сдѣлана дальнѣйшая характеристика мірового начала, возвѣщеннаго сверхъ-человѣкомъ. Оно покоится за предѣлами умопостигаемаго міра, „за желѣзными вратами, угнетающими землю своей неимовѣрной тяжестью“. Оно пребываетъ „въ безмолвіи и тайнѣ“, это и есть „Начало всякаго бытія, Великій Разумъ вселенной“. И „нѣтъ имени у того“, кого такъ тщетно хочетъ познать Анатэма, „нѣтъ числа, которымъ можно исчислить, нѣтъ мѣры, которою можно измѣрить, нѣтъ вѣсовъ, которыми можно взвѣсить“ господина жизни. И никакое человѣческое слово не можетъ вполнѣ и цѣликомъ исчерпать сущности Великаго Разума, ибо „всякій, сказавшій слово любовь—солгалъ. Всякій, сказавшій слово: разумъ, солгалъ. И даже тотъ, кто произнесъ имя: Богъ—солгалъ ложью послѣдней и страшной.“ Ибо нѣтъ числа—нѣтъ мѣры—нѣтъ вѣсовъ—нѣтъ имени у того, кто скрывается въ безмолвіи и тайнѣ. И тотъ же Разумъ вселенной выступаетъ передъ нами въ другой разъ. Здѣсь отожествляется свѣтъ, огонь, безсмертіе и жизнь. И сказано здѣсь: „у свѣта нѣтъ границъ, и не положено предѣла раскаленности огня: есть огонь красный, есть огонь жел-

тый, есть огонь бѣлый, на которомъ солнце сгораетъ какъ желтая солома—и есть еще иной невѣдомый огонь, имени котораго никто не знаетъ—ибо не положено предѣла раскаленности огня".

И два раза герой трагедіи, Давидъ Лейзеръ, ощущаетъ присутствіе и прикосновеніе безсмертнаго огня. Одинъ разъ въ минуту величайшаго подъема дарящей добродѣтели, когда Давидъ ощущаетъ въ сердѣ своемъ полноту радости и любви къ человѣчеству, другой—когда онъ сгибается передъ грозной судьбою, призывающей его какъ жертву на алтарь страданія. И въ первый разъ говоритъ Давидъ: „вотъ пришли люди, и развѣ я одинокъ... смерти нѣтъ для человѣка... кто печальный выдумалъ это странное слово—смерть, можетъ быть она и есть, я не знаю... но я, я безсмертенъ... Гдѣ конецъ небу—я потерялъ его, гдѣ конецъ человѣку—я потерялъ его. Я—безсмертенъ. Охъ, больно груди человѣка отъ безсмертія, и жжетъ его радость какъ огонь... Да славится во вѣки вѣковъ таинственное имя Того, Кто даетъ безсмертіе человѣку... Безграничной дали времени отдаю я духъ человѣка: да живетъ онъ безсмертно, въ безсмертіи огня... Въ безсмертіи свѣта, который есть жизнь"... И другой разъ, когда радость смѣнилась невѣроятной скорбью, тотъ-же огонь ощущаетъ въ себѣ Давидъ Лейзеръ: „ой, какъ болитъ сердце, восклицаетъ онъ, холодно мнѣ какъ землѣ, покрытой льдомъ, а внутри ея жаръ и бѣлый огонь.. видалъ ли ты бѣлый огонь, на которомъ чернѣетъ луна, и солнце сгораетъ какъ желтая солома".

Такова метафизика Л. Андреева, поскольку она выражена въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Символъ нѣкоего въ сѣромъ, съ мечомъ въ рукахъ стоящаго у вратъ тайны, который является посредникомъ между небомъ и землею, говоритъ человѣческимъ языкомъ и словно „щитъ огромный" сбираетъ „всѣ стрѣлы, всѣ взоры, всѣ мольбы, всѣ чаянія, укоры и хулы" людей,—пока не имѣетъ значенія. И если это даже воплощеніе

человѣчества, двойственнаго своимъ составомъ, то никакой активной роли этотъ „нѣкто“ въ жизни не играетъ, для насъ важно пониманіе вѣчнаго огня. И мы опять здѣсь не можемъ не замѣтить чертъ общихъ Л. Андрееву и ницшеанству. Правда, Ницше никогда не упоминаетъ „Бога“, „Начала вселенной“ или „Великаго Разума“. Однако и у Андреева эти имена имѣютъ весьма ограниченный смыслъ; главное не въ нихъ. Основнымъ является понятіе жизни какъ вѣчнаго творческаго процесса. И творчество это слагается изъ двухъ противоположностей: бытія и небытія, смерти и рожденія, жизни, убивающей другую жизнь, умирающей ради созданія новой жизни. И этотъ объективный процессъ даетъ сущему форму вѣчной страсти къ жизни, къ ея полнотѣ и совершенству, къ зрѣлости, которая существуетъ лишь затѣмъ, чтобы убить самоё себя, принести себя въ жертву новой, возникающей жизни. И этотъ процессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ смѣна величайшихъ мученій и безмѣрной радости, страданія и счастья, скорби и упованія, гдѣ наслажденіе становится мукой, а счастье достигаетъ предѣловъ мученія. Не все живое, однако, становится свободнымъ и сознательнымъ участникомъ великой жизни; и не все безсмертно по ученію Андреева: многое погибаетъ, умираетъ совсѣмъ. Только личность безсмертна, только онъ, полюбившій правду жизни, исполненный любовью къ вѣчности, чрезъ amor fati достигаетъ безсмертнаго огня. Убиваетъ огонь и живитъ, и тотъ, кто можетъ свободно бросить свое сердце на алтарь огня, одинъ становится сыномъ вѣчности... Такъ стоическій разумъ стараго индивидуализма сливается съ ницшеанской религіей сверхъ-человѣка и подтверждаетъ съ неопровержимой ясностью ту связь Ницше и индивидуализма, которая отмѣчена Андреевымъ еще въ его Сергѣѣ Петровичѣ.

На этомъ пока останавливаемъ изложеніе андреевской метафизики, остается лишь на Анатэмѣ провѣрить

сказанное выше. Въ этой піесѣ происходятъ три трагедіи, тѣсно связанныя между собою. Первая—между вѣчнымъ Разумомъ и Анатэмой; вторая—между Лейзеромъ и окружающими его людьми; третья—въ душѣ самого Лейзера.

Первая является выраженіемъ вѣчной борьбы между огнемъ и ограниченнымъ разумомъ, лишеннымъ сердца и потому неспособнымъ къ постиженію міровой жизни. Анатэма требуетъ у божества, чтобы оно назвало свое имя и раскрыло тайну, которую, впрочемъ, Анатэма напередъ отрицаетъ и смысла коей онъ не пріемлетъ. Когда всѣ мольбы, угрозы и заклинанія Анатэмы у дверей вѣчнаго безмолвія оказываются тщетными, онъ избираетъ своею жертвой Давида Лейзера, „глупаго, но честнаго человѣка“; и его судьбу, его печальную жизнь „какъ камень изъ пращи“ хочетъ бросить онъ „въ гордое небо“. И Анатэма не сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія; на судьбѣ Лейзера онъ раскроетъ „правду о жизни человѣка“; Анатэма знаетъ, что человѣкъ „это любимый сынъ“ неба,—„твоя забота, обращается онъ къ Богу, твоя любовь, твоя нѣжность и гордая надежда“,—и вотъ этого человѣка, послѣ того какъ онъ обнаруживаетъ высшую ступень самопожертвованія и подвига, побиваютъ камнями имъ облагодѣтельствованные люди. Такъ нарушается справедливость, попирается истина, а красота возвышенной жизни кончается во рву съ падалью. Устами Лейзера взываетъ къ жалости творца Анатэма, гибель праведника предъявляетъ онъ къ уплатѣ какъ долгъ вѣчной справедливости. Однако ни то ни другое не дѣйствуютъ. И если по Ницще умеръ Богъ, слишкомъ пожалѣвшій человѣка, то у Андреева этого не происходитъ. Діаволъ не получаетъ у небесъ желаннаго отвѣта и обѣщаетъ небу еще худшія злодѣянія на могилѣ праведнаго. Онъ самъ сдѣлаетъ такъ, что „всѣ на землѣ станутъ убійцами и палачами—во имя Лейзера, во имя Давида Лейзера, во имя Давида радующаго людей“! Съ „горы

труповъ, скверныхъ, вонючихъ, грязныхъ труповъ" обѣщаетъ Анатэма возвѣстить народу, что это небеса убили Давида и людей, и тѣмъ поднять ихъ къ дерзкому мятежу противъ Вѣчнаго Разума.

Трагедія Анатэмы показываетъ намъ всю безплодность бунта ради чуда, чистой революціонности, отрицающей міръ за то, что онъ не даетъ немедленной правды и справедливости въ области вѣсовъ и числа. Но мы уже замѣтили выше, что андреевскій образъ Анатэмы не есть только отрицательный: въ „мерзѣйшемъ" есть безспорно положительныя черты, и это вѣчный скепсисъ, вѣчное сомнѣніе, неустанное исканіе правды, неутихающее стремленіе ее воплотить. Анатэма не можетъ познать истины, но его сомнѣніе и революціонность необходимая и постоянная предпосылка настоящаго познанія. И вотъ почему онъ вездѣ и всюду сопровождаетъ Лейзера, становится его alter ego, интимнѣйшимъ другомъ, съ которымъ Давидъ не разстается до конца. И если Лейзеръ не раздѣляетъ бунтарскихъ порывовъ своего друга, а любовью постигаетъ то, что для перваго сокрыто, то все же у него учится Давидъ пониманію жизни и его преодолѣваетъ, чтобы найти свою правду. Такъ, Заратустра не разъ бесѣдуетъ съ „огненной собакой", источникомъ бунта и отрицанія, страшныхъ переворотовъ. И не разъ тотъ-же мудрецъ посѣщаетъ скептиковъ и отрицателей, разрушителей сущаго, которые не въ силахъ создать чего-либо вмѣсто разрушеннаго.

Вторая трагедія разыгрывается въ отношеніи между Лейзеромъ и массами бѣдныхъ, страждущихъ и угнетенныхъ. Получивъ благодаря, Анатэмѣ, наслѣдство въ 4 милліона, Давидъ раздаетъ всѣ эти деньги голоднымъ. Онъ не вѣритъ въ силу денегъ и знаетъ, что ими онъ не въ силахъ облегчить навсегда ихъ страданія и слёзы, но сердце его полно безграничной любви къ человѣчеству, и онъ хочетъ хотя бы немного дать имъ радости. И всѣмъ, кто только ни обращается къ

нему, раздаетъ онъ свое наслѣдство сначала сотнями, потомъ рублями и копѣйками, пока не оказывается наконецъ такимъ же нищимъ какъ прежде. И Лейзеръ испытываетъ счастье дарящей добродѣтели, и называютъ его люди: „Давидъ радующій людей“. Но Лейзеръ не предвидѣлъ одного: подавленные своимъ страданіемъ и слѣпотой, массы голодныхъ жаждутъ чуда, они не хотятъ знать простой истины, человѣческой любви, имъ мало того, что нѣкоторымъ случайно досталась отъ Давида ничтожная капля радости. Давидъ долженъ спасти ихъ всѣхъ, Давидъ долженъ стать царемъ, долженъ провозгласить себя Мессіей. И съ поразительной яркостью и правдой рисуетъ Л. Андреевъ вѣковую трагедію мессіанизма, послѣдняго прибѣжища всѣхъ темныхъ, усталыхъ и голодныхъ. Эти страницы піесы имѣютъ громадное историко-философское значеніе, являются лучшимъ урокомъ по мистической идеологіи въ ея соціально психологической основѣ. И въ „Анатэмѣ“ какъ всюду въ исторіи, Мессія погибаетъ, казненный ненавистью и злобой.

Лейзеръ отказывается сотворить народу чудо, гнусна и противна ему ложь, подобно Заратустрѣ превозмогаетъ онъ чувство жалости къ окружающему его страданію и выше жалости ставитъ правду. Давидъ, радующій людей, бѣжитъ отъ царства, которое на угнетеніи голодныхъ строитъ призракъ общаго счастья, бѣжитъ отъ людей, и настигнутый ими въ пустынѣ всю правду бросаетъ въ ихъ растерзанную и безумную массу. И оскорбленные въ своихъ послѣднихъ надеждахъ люди побиваютъ Давида. Послѣ смерти дѣлаютъ его чудотворцемъ, воздвигаютъ ему памятникъ, и на могилѣ праведнаго воцаряется Анатэма, царь лжи, нетерпимости и раздора.

Въ высшей степени интересно отмѣтить здѣсь умѣлое пользованіе библейскимъ мотивомъ. Авторъ, заинтересовавшійся, какъ очевидно, многострадальнымъ Іовомъ, скоро раздвинулъ рамки легенды и ввелъ въ

нее новый исторически и философски вѣрный мотивъ. Іовъ превратился въ Мессію, и такъ должно быть: созданная въ опроверженіе грубаго утилитаризма легенда даетъ намъ типъ человѣка, который долженъ былъ быть отрицаніемъ мессіанизма. Ибо мессіанская идея родилась на почвѣ тѣхъ же грубыхъ и утилитарныхъ воззрѣній, какъ и первый контрактъ между Израилемъ и Яхве. И нельзя было лучше разбить мессіанства, какъ при помощи идеи многострадальнаго Іова.

Послѣдняя трагедія—въ душѣ самого Давида. И здѣсь происходитъ въ иной формѣ то, что знаемъ мы въ великомъ праобразѣ какъ искушеніе на горѣ. И Лейзеръ не выдерживаетъ цѣликомъ этого искушенія. Какъ извѣстно, три предложенія были сдѣланы дьяволомъ Спасителю: одно—сотворить чудо—и Спаситель отказалъ въ этомъ, другое—принять власть надъ народомъ—и Спаситель отказалъ вторично, третье—превратить камни въ хлѣбы, и Спаситель отказалъ въ третій разъ. Лейзеръ, бѣдный еврей, поступилъ не такъ: онъ отвергъ искушенія чуда и царства, но 4 милліона онъ принялъ, хоть потомъ и роздалъ ихъ. А Лейзеръ зналъ, что онъ дѣлалъ, такъ какъ сначала отказался отъ проклятыхъ денегъ. Вотъ почему онъ потомъ самъ называетъ себя лжецомъ и предателемъ передъ окружившими его людьми, вотъ почему заслужившимъ казни оказался Давидъ, сынъ вѣчности. И въ этомъ „тайны Давидова сердца“—„тайны Іисусова сердца“...

Личная трагедія Лейзера—послѣдній синтезъ, который мы находимъ въ Анатэмѣ. И нельзя здѣсь же не замѣтить, что въ этикѣ нашего героя нѣтъ еще твердой и устойчивой черты, которая бы опредѣлила его автономную волю. И если въ Саввѣ преобладаетъ революціонность, въ Іудѣ знаніе человѣка, въ астрономѣ любовь къ безсмертію, въ Мусѣ и Вернерѣ самоотреченіе, а Лейзеръ даетъ образчикъ безконечной любви, то въ самомъ сверхъ-человѣкѣ мы пока не на-

ходимъ критерія его сущности, и слишкомъ широки колебанія и размахъ его я, широки и неопредѣленны. И если сопоставить эту широту съ господствующимъ началомъ огня и творческой жизни, то ясно выступаетъ передъ нами то направленіе энергизма, которое правда даетъ сильный подъемъ жизни самой въ себѣ, но очень неустойчивымъ дѣлаетъ опредѣленія добра и зла. Противопоставленіе Анатэмы и Лейзера даетъ, конечно, различіе между положительнымъ полюсомъ жизни и ея отрицаніемъ; однако, самъ Лейзеръ все же не есть полный и цѣльный человѣкъ, а только одна изъ возможностей его, Лейзеръ еще не весь сверхъ-человѣкъ. На этомъ пока заканчиваемъ нашъ разборъ „Анатэмы“, одного изъ лучшихъ произведеній поэта-идеолога.

Оглядываясь назадъ, на весь пройденный путь, къ немногимъ положеніямъ мы можемъ свести его.

Нигдѣ Л. Андреевъ не измѣнилъ индивидуализму. Методъ его послѣдователенъ до конца. Онъ чуждъ любовной романтики и духовнаго единенія сердецъ, для него нѣтъ народной души и соціальныхъ „организмовъ“.—Только человѣкъ, только индивидъ, только личность.

Ясны и чисты андреевскія небеса. Безъ искупленія, безъ аскетизма, безъ грѣха, безъ вакханаліи обожествленной плоти. Вмѣсто херувимовъ—нѣкто въ сѣромъ, вмѣсто божества—міровая энергія. Великій разумъ стараго натурализма, раскрытый въ богатствѣ творческихъ силъ. Пантеизмъ сверхъ-человѣка.

Въ соціальномъ мірѣ воскрешеніе Гоббеса и гибель его, проповѣдь Руссо и его закатъ, договорная тюрьма и крушеніе государства,—приказанной правды, нанятой, добродѣтели. Низверженіе стѣнъ и гимнъ свободѣ.

Но вмѣстѣ приговоръ надъ близкими, слѣпыми и убійцами. Долгій путь грязи, позора и мученій. И только въ немъ, въ героѣ и подвижникѣ и бунтарѣ,—господинѣ и жертвѣ—новая связь съ міромъ и людьми

царство правды и безсмертія. Въ сверхъ-человѣкѣ воскресаетъ ставшій личностью человѣкъ.

И погибшія идеи оживаютъ вновь. Растутъ новыя иллюзіи. Горятъ новые идеалы. Въ ликующемъ свѣтѣ упованія и надеждъ рождается новая идеологія. И снова „одинъ“ сталъ центромъ земли, человѣчества, вселенной. „Одинъ“—не атомъ, но творецъ.

Чудовищнымъ образомъ „одинъ“ заслонилъ жизнь, исчезла исторія, слились массы въ сѣрый океанъ. Вѣчное однообразіе охватило ихъ... Но нѣтъ „одного“, и не знаемъ, гдѣ ихъ конецъ, гдѣ жизнь и начало. Ибо „одинъ“—первая иллюзія воскресшаго индивидуализма, первый его обманъ и фантазма.

Ибо жизнь вездѣ и вездѣ разумъ, и безликій живетъ, и звѣрь сгораетъ, и нѣтъ предѣла раскаленности огня. И нѣтъ разницы между зломъ и добромъ, истиной и ложью, безобразіемъ и простотой. Ибо все горитъ и живетъ и умираетъ. Это вторая фантазма.

Мессіанство—ложь, и нѣтъ чуда на землѣ. Предательствомъ вспоена любовь, изъ призраковъ созданы стѣны. Въ государствѣ сталъ самоубійцей человѣкъ и самъ выковалъ для себя цѣпи. Но въ каждой идеѣ насиліе и гнетъ, въ каждой правдѣ нетерпимость, во всякомъ критеріѣ тюрьма, и нѣтъ правды, которая не стала бы цѣпями. Но творецъ не хочетъ порабощать. Сынъ безконечности отвергнулъ царство... И здѣсь третья иллюзія, третій обманъ—ибо сверхъ-человѣкъ и Анатэма неразлучны. И все выражается въ мѣрѣ, числѣ и вѣсахъ... Такъ создается третья фантазма несвободной свободы и ограниченной безграничности.

Противорѣчія индивидуализа неисцѣлимы, но его фантазмы творятъ жизнь. Чрезъ „Бездну“ и „Красный смѣхъ“, чрезъ „Жизнь человѣка“ и „Савву“, чрезъ „Ѳивейскаго“ и „Анатэму“ онѣ широкой струей входятъ въ русское сознаніе, знаменуютъ восходъ нашего индивидуализма.